

ISSN 0335-2737
7 | 1990
Март

НА ПАМЯТЬ ДЕВЕ ОТ МЕРКУРИЯ

Распахнем волшебный шкаф: платье утренней зари, утканное росинками, словно жемчужинами; солнечная накидка, только кажущаяся золотой; плащ ночи, весь в сияющих звездах... Старо, как мир. К тому же подделка обойдется недешево.

Распахнем свой собственный шкаф: м-да...

Ну, ничего, это только кажется, что наш успех обеспечивается «оболочкой», а «оболочка» — это якобы сумма возможностей магазинных полок и нашего кошелька. Также фантастический нонсенс, что нам хорошо в том, что досталось по случаю, дорого и ужасно модно.

Нет и еще раз нет. Поверьте, что все (или, по крайней мере, кое-что) предопределено свыше. И прислушайтесь к совету не столько моды, сколько астрологии.

Овен (21.3—20.4). В этом знаке безраздельно властвует Марс, известный как «красная планета», предвестник бурь, беспокойств и войн. Родившиеся под знаком Овена — дети огня. И, несомненно, их цвет — красный. Если и не на каждый день, то хотя бы когда очень-очень нужно, чтобы повезло. Красный цвет проясняет серость жизни и привлекает внимание. Но есть очень важный нюанс: когда Овен слишком напряжен, чересчур раздражителен и воинственен, когда с ним что-то постоянно случается — рекомендуется голубизна. Этот цвет успокоит.

Телец (21.4—21.5). Планета людей, родившихся под этим знаком, — Венера. Поэтому, видимо, они не только желают нравиться, но также убеждены, что нравятся. Чтобы повезло в этом году, они должны часто менять наряды (наверное,

можно не только новые — на новые, но и старые — на старые), а также носить самые разные цвета — от модного фиолетового до бледно-бирюзового, желтого, переходящего в беж и бронзу. Женщинам принесут счастье блестящие бусы (а блестит, к счастью, не только золото). Мужчинам — часы (не электронные!) на кожаных ремешках. Для полного счастья советуем идти в ногу со временем. Тельцы работащи, поэтому им прежде всего рекомендуется спортивный стиль, который не ограничивает их бурных действий.

Близнецы (22.5—21.6). Им приписывается экстравагантность, фантазия и любовь к моде (впрочем, не только к моде). При этом умеют сочетать всевозможные стили и цвета. Небо (и, как ни странно, Зайцев) рекомендует белые крапинки на черном фоне, то есть покой и изысканность. Не повредят также элементы фольклорной и так называемой мещанской городской моды. Сделать правильную покупку поможет покровитель Меркурий, которому они обязаны быстрым умом и живой интеллигентностью.

Рак (22.6—23.7) — считается нонконформистом. Неизвестно, потому ли, что покровительствует ему таинственная Луна, или для уравновешивания внешнего с внутренним, следует носить вещи спокойные, традиционные, с оттенками белого, бежевого и светло-коричневого, нежно-розового, а также цвета матового стекла. Ко всем нарядам на любой случай подойдут жемчуга, малые и большие. (Астрология не дает советов на тот непредвиденный случай, когда ни больших, ни даже малых жемчугов нет. Но, может, удастся перехитрить землян и небо с помощью

(Окончание на стр. 63).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Парус

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный
иллюстрированный журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Минск, «Полымя» Издаётся с июля 1972 г.

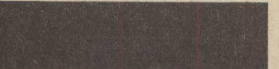
Содержание

<i>Контактируем!</i>		
Светлана СЕРГЕЕВА. Хорошо за чаем посидели	2	2
<i>Идея напрокат</i>		
Александр РОСИН. Наука фантазировать	4	4
Борис РУДЕНКО. Каждый выбирает свой путь.	6	6
<i>Повесть</i>		
<i>Фантпрогноз</i>		
Ефим ШУР. Там, за поворотом	17	17
<i>Ищу друга</i>	19, 62	62
Любовь ЛУКИНА, Евгений ЛУКИН. Государыня.	20	20
<i>Рассказ</i>		
Андрей САЛОМАТОВ. Големиада.	23	23
<i>Рассказ</i>		
<i>Вернисаж</i>		
Одна голова хорошо, а три лучше	31	31
<i>Неужели в самом деле?</i>		
Ольга СОКОЛ. Не очень чистая сила	32	32
Юрий БРАЙДЕР, Николай ЧАДОВИЧ. Фальшивомо-	34	34
<i>нетчик. Рассказ</i>		
<i>Камертон</i>		
Юрий БУДЬКО. Очарование, содержащее долю	44	44
<i>ужаса</i>		
Александр СИЛЕЦКИЙ. Мишень.	48	48
<i>Рассказ</i>		
<i>Серия «Ф»</i>		
Геннадий АНУФРИЕВ. Рождение «Галактики»	51	51
Рон ГУЛАРТ. Мускадин.	52	52
<i>Рассказ</i>		
Александр БАЧИЛО. Мыслефильм, или Записки	57	57
<i>графомана. Рассказ</i>		
<i>Пальцем в небо</i>		
На память Деве от Меркурия	2-я стр.	2-я
	обл.	обл.
Вениамин ДРАКОНОВ. Жизнь при лунном свете	63	63

Макет номера подготовили В. Рульков и В. Жгунцова

Здесь, на поле, напротив названий
публикации номера, по десятибалльной
шкале проставьте свои оценки, обрежьте
анкету и вышлите в редакцию.

Здесь по десятибалльной шкале
оценки за оформление публикации. Спа-
сибо вам!

7 / 1990

7 / 1990

контактируем!

Грелся самовар, расписанный цветочками и ягодками. Самовар наш, тортих. А их человек шесть — белорусских писателей-фантастов, приглашенных редакцией на обзор «семерки-89» и обдумывание «семерки-90». В наших захламленных, густонаселенных рабочих комнатах нашелся чистый уголь, и чай поспел, и пришельцы раздобрили, расслабились, кто-то раскурил трубку с пахучим табаком, стали вспоминать, как и когда приобщались к делу — писать те книги, которые сами хотели бы читать...

Вот, говорит один, я считаю, что «новая волна» — это возвращение к Уэллсу и Эдгару По. Ему никто не возразил: возвращение так возвращение. Как развивалась фантастика! Спрашивает. И отвечает сам: она была, как ребенок, бесхитростна и простодушна. Полетел человек в космос — описываем космос. Встретил человек марсианина — описываем

марсианина. Важен предмет. Описали. Пришла вторая волна — придумать поинтереснее, что с этим предметом можно сделать. Третья волна поднялась тогда, когда космические приключения и жизнь роботов обрыдли, тема исчерпалась. Так появился жанр фэнтези — отрицательная реакция на научно-технический прогресс. Человек создал компьютерные системы, и теперь заводы, установки и прочая работают сами по себе, человек потерялся. «Новая волна» — это возвращение к человеку, его психологии, психике, его внутреннему космосу. Она зародилась в Англии в 64-м году, перекинулась в США... Харрисон, Кларк, Шекли... Железны — один из отцов американской «новой волны». У нас это еще не печаталось, но многие читают самиздат. По рукам ходят переводы-«самопалы» — до четырех тысяч названий...

А что же все эти годы было в Союзе! — реплика и перемена тарелок.

Начали мы неплохо, но деятели РАППа фантастику придушили, продолжил рассказчик.

ХОРОШО

ЗА

А здесь, с этой стороны нашей анкеты, пожалуйста, основные данные о себе:

имя и фамилия (это — если считаете нужным);

возраст;

где учитесь или работаете;

И последнее: если оценка статей и иллюстраций к ним в баллах кажется вам недостаточно красноречивой, можете приложить к анкете письмо со своими комментариями. Такое развернутое мнение о номере будет для редакции особенно интересным.

В 20-х годах еще выходило по 8—12 романов в год. В 29-м. не помню, 1 или 2, а в 30-м — 0. У нас был только Беляев, которого травили нещадно. Вот итог: сегодня на Западе фантастика — это мощная отрасль, как рок-шоу-бизнес, например. Крепкие писательские ассоциации, съезды любителей и профессионалов, полсотни писателей высшего класса, каждый со своим направлением. У нас... Бурлит «подполье», а сверху — застывшая лава. После смерти Ефремова осталась одна величина — братья Стругацкие. Чуть ниже — Михайлов, Гансовский, Савченко, Ларионова... Но все-таки монокультура, как хлопок в Средней Азии, — Стругацкие, Стругацкие, Стругацкие... Если ты пишешь иначе — выпадаешь из гнезда...

А между тем поляки в издательстве «КАФ», перебил курящего его коллега, поляки начали печатать все, что им присылали, даже белиберду. 90 процентов любой продукции человеческой деятельности уходит в мусор. Но из этого потока неожиданно «вынырнуло»

несколько отличных писателей-фантастов... Тут такое дело: если в магазине дефицит, нет выбора, человек покупает абсолютно все и тем самым невольно поддерживает графоманов. Если выбор есть, человек думает, за что заплатить свои три рубля. Графоманы тонут.

Погодите, теперь перебилая. Вы оторвались от реальности, жизнь не дает такого роскошества: очереди, митинги, съезды, бесконечная коррекция законов убивают вашу любимую отрасль. Газеты читать интереснее, чем ваши сборники.

Убивают! Возмущился самый молодой писатель, всегда и абсолютно серьезный. Нет, я считаю, сказал он, наша жизнь дает фантастике толчок. Действительность богаче всех выдумок.

Хорошо, соглашаюсь. Но тогда скажите, есть ли возможность помочь всем нам войти в более-менее нормальное русло? Может ли фантастика помочь жизни!

Да. Во-первых, предупреждая и тем самым как бы упреж-

дая. Оруэлл и его «1984» удержали от революционных соблазнов не одну горячую голову. В мире написано две тысячи романов об атомной войне. Ее нет: не исклучено, что и романы помогли...

Тут все зашумели: «Пикник на обочине» — Стругацкие предупреждали о Чернобыле, а он, увы, осуществился. Стругацкие нафантазировали «зону», «сталкеров», а это стало реальностью. Иван Ефремов в «Часе Быка» описал грядущее «время застоя», Стругацкие в «Сказке о тройке» тоже предупреждали: люди, делайте выводы. Выводы последовали: «Час Быка» был под запретом 15 лет, альманах «Ангара», где появилась «Сказка», закрыт. В демократическом обществе предупреждение еще может сработать. В тоталитарном — нет.

Фантастика тоталитариям просто опасна, потому что она раскрепощает мышление человека. Например, многие годы у нас был неофициальный запрет на утопии и антиутопии. Разве можно было нафантазировать роман о том, как в 17-м правящей стала партия эсеров и что получилось! Разве можно было направить машину времени в дореволюционные годы и, простите «убить» Сосо Джугашвили!

Но растет новое поколение, оно должно быть критически мыслящим, чтобы спасти себя, отдать родительские долги. На него надо работать. Фантастика должна развиваться вширь, вглубь, вбок, вправо, влево, без ограничителей и «кирпичей».

И читатели «Паруса», пробуящие, попробовавшие или вкусившие черный «фантастический» хлеб, могут рассчитывать на наш [свой] журнал «Парус». В «семерке-91» приоритет получают талантливые произведения молодых авторов, даже если они будут в чем-то несовершенно.

...На том мы и расстались, завершив чаепитие в приподнятом настроении.

...А потом началось, правда, не сразу, потому что чай и сахар пропали еще раньше. А вот тарелки — где-то в декабре. Куда они улетучились! И самовар наш любимый пропал.

Увидите неопознанный летающий объект, расписанный цветочками и ягодками, позвоните, пожалуйста.

Дорог

Пила чай с фантастами
Светлана СЕРГЕЕВА

ПОСИДЕЛИ

ЧАЕМ

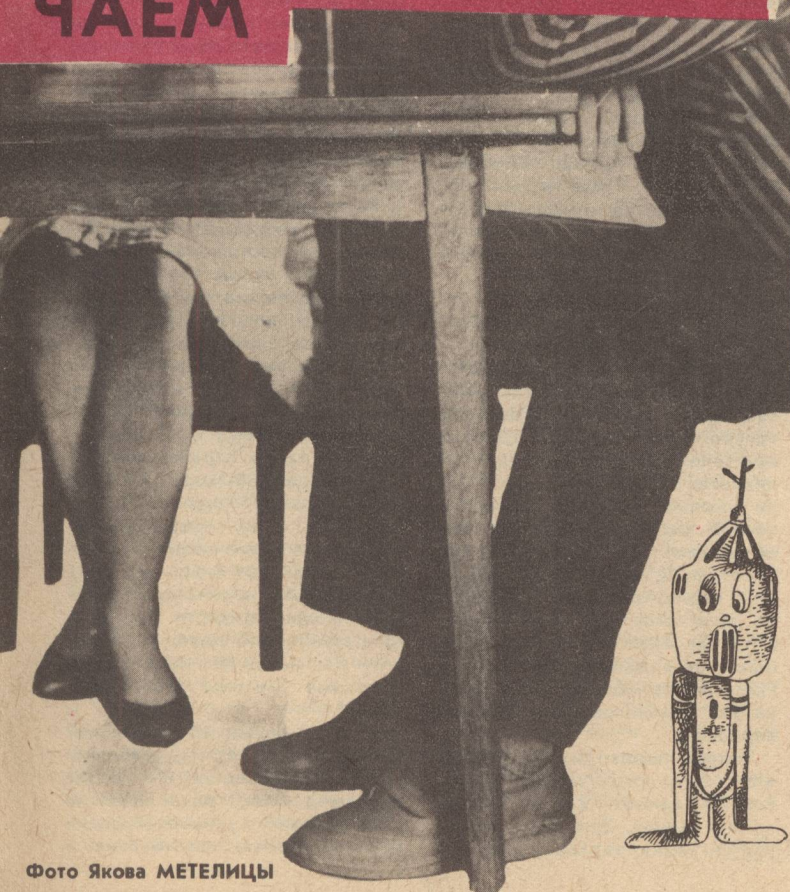

Фото Якова МЕТЕЛИЦЫ

НАУКА ФАНТАЗИРОВАТЬ

На первый взгляд, сочетание это забавное: с одной стороны П. Р. Амнуэль — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института физики АН АзССР, серьезный, взрослый человек, напроочь отрицающий внеземное происхождение НЛО, не верящий в контакты с «пришельцами» и всякое непонятое явление объясняющий физическими законами. С другой Павел Амнуэль — писатель-фантаст, создатель насквозь выдуманного фантастического зоопарка, автор многих НФ рассказов, а также [вместе с Г. Альтовым] «Шкалы оценок научно-фантастических идей», которая станет одной из глав его будущей книги. Собственно, о ней, об этой необычной книге, и пойдет здесь речь.

— Ваша книга, которая должна скоро выйти из печати, называлась вначале «Наука фантазировать», теперь название изменилось — «Удивительный мир фантазии». Признаюсь, меня бы, как покупателя, больше привлекло первое название: оно очень броское. Впрочем, речь не об этом. Вы, и правда, считаете, что человека можно научить фантазировать, научить писать фантастические рассказы?

— И книга моя, и наша «шкала» предназначены для цели довольно-таки утилитарной: это курс развития творческого воображения для школ и институтов изобретательского творчества. И написана книга именно для них.

Всю фантастику мы условно поделили на 12 поджанров: научно-техническая, прогнозическая, социально-утопическая, социально-антиутопическая, памфлетная, психологическая, юмористическая и так далее. Ведь как часто бывает: скажем, критики оценивают сказки Булычева с позиций ефремовских сказок и упрекают того же Булычева в отсутствии у него фантастических идей, подразумевая тем самым, что и произведения его слабы. Но если бы они знали, что писатели работают в совершенно разных поджанрах, а значит, используют разные законы, никаких претензий бы не было. Поэтому в книге есть попытка вывести один-два закона, свойственных каждому из поджанров.

— Вы могли бы их назвать?

— Ну, скажем, в научно-технической фантастике совершенно необходим закон новой научно-технической идеи. А в социально-антиутопической фантастике закон этот совсем необязателен, он и не действует. Конечно, может быть смешение поджанров, взаимопроникновение, использование одного в другом, но основные законы у каждого поджанра свои.

В следующей главе книги излагается методология идеи или, говоря проще, способы получения фантастической идеи. Вариантов несколько. Вот, скажем, этажная схема. Метод такой: вы выбираете любой объект, ну, какой хотите?

— Зеркало годится?

— Я же говорю, любой. Итак, зеркало. Первый этаж — один объект — одно зеркало. Пожалуйста, чисто фантастическая вещь, когда на всех есть только одно зеркало. Других нет, оно единственное на всей планете. На эту тему уже вполне можно написать фантастический рассказ, нужно только продумать психологию героев в ситуации, когда этим зеркалом кто-то завладел и никому не дает его. Как люди могут в таком мире жить, что ощущают, не видя себя со стороны? Причем, возможно, даже воду нельзя использовать в качестве зеркала...

Теперь переходим на второй этаж. Это когда много объектов. В данном случае, когда много зеркал. Это наша реальная ситуация, зеркал у всех нас

достаточно. Но ведь нам нужно вывести фантастическую ситуацию, значит, предположим, что зеркал слишком много — целый зеркальный мир. Кстати, ситуация такая была у Азимова в «Конце вечности». Там в каком-то столетии герой попадает именно в такой зеркальный мир и в страшном возбуждении удирает оттуда, сломя голову. Могут быть варианты: скажем, зеркал не слишком много или не слишком мало, зеркалами владеет какая-то группа людей и так далее.

Следующий, третий этаж: цели, для которых существуют зеркала, выполняются, но самого объекта, то есть в данном случае зеркала, нет. Для чего зеркало? Чтобы человек видел себя. Вариант такой: герой живет в мире, где лучи искривляются произвольным образом, и человеку ничего не стоит искривить свой взгляд так, чтобы увидеть себя со стороны. Можно придумать и другие варианты мира, где зеркал нет, но их функции выполняются.

Четвертый этаж — это ситуация, когда отпадает необходимость в достижении данной цели. Цель существования зеркал — отражение, значит, в нем не нужно ничего отражать. А почему не нужно ничего отражать? Скажем, вариант такой: если ничего нет, то и отражать нечего. Или не нужно ничего отражать, потому что запретили. Что такое отражение? Это знание о себе. Выходит, о своем внешнем виде людям запрещено знать. Или, предположим, отражение физически невозможно. Так вот, если подумать над каждым из этих предложений, можно вывести какую-то фантастическую идею.

— Вы могли бы перечислить основные методы фантазирования?

— Их немало, но главные — пожалуйста: методы увеличения и уменьшения, ускорения и замедления, разделения и объединения, универсализации и ограничения, квантования и

непрерывности, динамизации и статичности...

— Простите, но все это как-то слишком общо, а потому не совсем понятно. Может быть, стоит проиллюстрировать отдельные методы литературными примерами?

— Ну что ж, например, прием увеличения. Роман Герберта Уэллса «Пища богов», где рост человека увеличивается. И наоборот — «Всевидящее око» Александра Беляева, где люди уменьшают в себе размеры атома. Впрочем, таких произведений, в которых люди уменьшаются или увеличиваются, очень много. Но совсем не обязательно увеличивать или уменьшать чисто внешние показатели, скажем, рост. Вот пример увеличения и уменьшения умственных способностей — рассказ Киза «Цветы для Элджернона». Здесь ставится эксперимент, где идиот, практически круглый идиот, катастрофически быстро становится гением. Потом опыт заканчивается, и он возвращается к прежнему состоянию, а значит, происходит принцип уменьшения. И так далее. Практически уменьшать и увеличивать можно все, что угодно. И таких приемов очень много, около сорока, так что через какой-нибудь месяц слушатели, как правило, начинают совершенно спокойно пользоваться ими, и ни для кого не составляет труда придумать, например, фантастических животных. А это первое упражнение на наших занятиях по развитию воображения. Любопытно, что вначале придумывают все примерно одинаковых. Через месяц после того, как приемами активно пользуются, я даю слушателям то же самое задание, и у всех они разные и необычные.

— Если не ошибаюсь, одна из наиболее необычных глав вашей книги — патентный фонд фантастики?

— Да, там зарегистрированы 40 фантастических изобретений и 10 фантастических открытий. Фантастическими изобретениями называют такие фантастические идеи, которые новы чисто технически и сделаны на таком высоком уровне, что за это действительно можно давать патент.

В фантастике изобретений сделано колоссальное количество, у нас же отобрано только сорок. Бывает, что фантасты делают и открытия, то есть обнаруживают явления, которых до них никто не знал, в том

числе и ученые. Вот, скажем, открытие (у нас оно идет под первым номером), авторы его французские фантасты Жан Ле Фор и Антуан Графиньи. В 1896 году ими была написана ставшая довольно известной повесть «Вокруг солнца». Открытие называется «Давление света на твердые тела». Здесь впервые обнаружили физический эффект, заключающийся в том, что падение света на твердую пластинку приводит к появлению у пластинки механического импульса, направление которого совпадает с направлением распространения света. Короче говоря, они открыли эффект давления света, который официально был открыт лишь несколько лет спустя.

— Ну, а теперь давайте поговорим о самом, на мой взгляд, фантастическом в вашей книге — о «Шкале оценок НФ идей». Не слишком ли это смело — оценивать литературные произведения? Кто дает нам право верить алгеброй гармонии? Да и вообще, какой смысл во всем этом, ведь литература — такая тонкая, субъективная вещь?

— Прежде всего, «шкала оценок», разработанная нами, — не шкала оценок литературных произведений, а шкала оценок научно-фантастических идей. И цель ее утилитарная: выяснить эффект той или иной идеи.

— Давайте возьмем какое-либо произведение и попробуем с помощью вашей шкалы оценить его. Ну, что-нибудь популярное, чтобы все знали. Скажем, «Аэлиту».

— Хорошо. Какая основная научно-фантастическая идея в этом романе? Полет на Марс с помощью ракетного корабля. Идеи социального плана, которые имеются в романе, к научно-технической фантастике отнести нельзя. Итак, полет на Марс при помощи ракетного корабля. По нашей четырехбалльной системе можно поставить один балл, когда прототип не изменен вообще, и два балла, когда прототип изменен незначительно. В данном случае ничего нового Толстой не внес в придуманные до него космические корабли, он, по просту говоря, взял идею Циолковского, так что максимум можно поставить полтора балла.

«Убедительность»... По тем временам — очень высокая.

Писатель взял научно-техническую идею, расписал ее очень подробно, со всеми деталями, хотя сейчас-то мы знаем, что все эти змеевики, трубы в космическом корабле — детский лепет, но в те годы они на читателя производили очень большое впечатление, это убеждало. А оценивать произведение нужно на момент его написания. Так что по убедительности можно даже поставить высший балл — четыре.

«Человековедческая ценность»... Образ Аэлиты, вообще говоря, не имеет отношения к данной идее, не попал бы герой на Марс, он бы ее не увидел, так что Аэлита, скорее, важна для тех, кто телел, — для Гусева и Лося. Теперь о них. Особенно ничего нового мы не узнаем: Лось — типичный представитель технической интеллигенции того времени, а Гусев — представитель восставшего пролетариата, каким видел его Алексей Толстой. Так что и здесь от силы полтора балла.

Зато художественная ценность произведения, конечно же, высока, литературные достоинства прозы можно оценить если не в 4 балла, так в 3,5.

Ну, и последний, пятый критерий — «субъективная оценка». Я думаю, выше трех нельзя ставить. Но это моя точка зрения, субъективная. Теперь **ВСЕ ПОЛУЧЕННЫЕ ЦИФРЫ МЫ ПЕРЕМНОЖАЕМ** и по результату можем определить, в какой класс по нашей шкале попал этот роман. Всего у нас двадцать классов, но выше семнадцатого пока никто не поднялся.

— Скажите, а могли бы наши читатели оценить произведения вот этого, седьмого номера «Паруса», по вашей шкале?

— В принципе это реально, но, предупреждаю, определение оценок по всем показателям (даже по пятому) требует хорошего знания фантастики и навыков аналитического мышления.

— Что ж, в таком случае предложение к нашим читателям — любителям фантастики: **попробуйте по четырехбалльной системе оценить литературные произведения этого номера. Показатели следующие: «новизна идеи»; «убедительность»; «человековедческая ценность идеи»; «художественные достоинства»; «субъективная оценка». Будем ждать результатов.**

Беседу вел Александр РОСИН

Рисунок Валерия РУЛЬКОВА

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ СВОЙ ПУТЬ

Повесть¹

То, что он принял за развалины крепости, оказалось обычным нагромождением камней. Но Сальников не пожалел затраченных на подъем часов. Вид отсюда открывался впечатляющий.

Позади — там, откуда он пришел, — лежало ущелье, узкое и темное. Будто след от сабельного удара прорезал толпу скал. А впереди толпились горы главного хребта. Иные слепили рафинадным блеском заснеженных вершин, другие скромно венчались темным кустарником. Через такой кустарник, цепкий и густой, Сальникову не однажды приходилось продира́ться за два дня пути.

Так далеко от долины он еще не заходил. Жаль, что и на этот раз поход оказался бесплодным.

Он в последний раз огляделся и вдруг заметил далеко впереди, меж горных склонов, поднимающийся в небо столб дыма.

«Вулкан? Гейзер?» — предположил Сальников и, скорее по привычке, отметил ориентиры, засекая направление. Пешком идти далеко, но Галицкий и Берсенеv, может быть, слетают туда, когда вернутся с побережья.

В долину он вошел в полдень. На пути в поселок сделал небольшой крюк, чтобы пройти мимо Подземного Храма, надеясь встретить Кори или кого-нибудь еще из знакомых послушников, но у ворот, кроме двух дневных стражей, никого не было.

Прихрамывая на растянутую ногу, Сальников миновал рошу и вошел в поселок.

¹ Журнальный вариант.

Горон, как всегда, сидел на высоком крыльце своего дома в позе глубокого раздумья, но, вероятнее всего, дремал. Тут же, во дворе, его внучок Басик изо всех сил пытался расшевелить огромную лохматую собаку, развалившуюся под навесом. Басик драл ее за уши, дергал за лапы и толстый хвост, но собака связываться с ним не хотела, делала вид, будто спит и ничего не чувствует. А может, и действительно спала.

— А, Вик-тор,— радушно сказал Горон.— Куда ходил, что видел?

— В Длинное ущелье ходил,— ответил Сальников, присаживаясь рядом.— Искал крепость, а крепости там никакой нет.

— Конечно, нет,— закивал Горон.— Откуда ей взяться?

— Если бы ты мне сразу сказал, я бы не пошел.

— Разве я не сказал? — удивился Горон.— Вот странно! Я же сам туда ходил как-то, только давно уже, когда молодой был, вроде тебя. Нет там крепости, видимость одна.

— А где же есть, Горон? — спросил Сальников, не очень-то надеясь на ответ.— Может, у Синих водопадов?

— Нет,— возразил Горон,— у Синих водопадов нет. Скорее, возле Горячих пещер.

— Где это?

— И не рассказать так просто. Далеко. Сначала нужно идти через Птичий перевал, потом левее взять, в обхват горы, через ручей, что в распадке, и опять в обхват горы, но уже другой. Как раз к Горячим пещерам и выйдешь.

— И сколько же всего нужно идти?

— Долго,— покачал головой Горон.— Три дня, а то и все четыре. Говорю, что далеко.

Пес, наконец, поднялся и нехотя поплелся мимо крыльца. Басик с радостным визгом вцепился ему в хвост, споткнулся, упал и поволокся пузом по мягкой, теплой пыли.

— Проводил бы ты меня, Горон, а? — сказал Сальников.— Не найду ведь один.

— Да,— согласился Горон,— одному тебе не найти. Завтра у Кироса праздник,— вдруг сообщил он.— Дочку замуж выдает. За Габеа из Речного поселка. Ты Габеа знаешь? Нет? Так приходи, познакомишься. Кирос сладкой наливки наварил целый чан. Будет весело.

— Так проводишь к Горячим пещерам? — не отставал Сальников.

Горон покачал головой.

— Нет, Вик-тор, не могу. Старый стал, сил мало. Да и не крепости это вовсе, сказки одни...

Нет, что не сказки, Сальников знал точно. Здесь, на Леноре, должны были оставаться опорные базы Пришельцев. Но где они? Или то, что от них осталось,— посещение Ленора Пришельцами случилось лет триста назад.

Хорошо бы о крепостях побеседовать с Учителями из Подземного Храма, но туда Сальникову хода не было, а в поселке Учителя почти не появлялись. Вот с послушниками Сальников разговаривал часто. И с врачаветелями, и с теми, кто погоду угадывает, и с воспитателями тоже. Особенно с Кори. Однако как только речь заходила о Пришельцах, все только улыбались и плечами пожимали недоуменно.

Во двор вбежала Нола — младшая дочь Горона, смуглая девушка лет восемнадцати. Увидела Сальникова, засмушалась и — в дом, только половицы скрипнули от быстрых шагов. Горон проводил ее довольным взглядом.

— Носится, как уперелая,— проворчал он.— Тоже скоро замуж пора отдавать. Так ты на свадьбу-то пойдешь, Вик-тор?

— Пойду, наверное,— ответил Сальников и уже у калитки вдруг остановился.— Да, Горон, совсем забыл спросить. Я со скалы дым видел. В той стороне, где закат, за Белым Исполином. Что там такое может быть?

Горон подумал.

— Поселок там, а больше ничего нет. Наверное, тоже варят наливку. Только дым оттуда не увидишь — больно далеко. Может, ближе видел?

— Может, и ближе,— пожал плечами Сальников.

На площади у общинного дома он встретил Кори.

— Рад тебя видеть, Вик-тор,— произнес юноша, разбивая, как и все жители долины, имя Сальникова на два слога.— Что ты узнал нового?

— Почти ничего,— махнул рукой Сальников.— Ходил в Длинное ущелье, но того, что искал, не нашел.

Они не спеша пошли рядом.

— Ты хромаешь,— заметил Кори.— Что с твоей ногой?

— Ничего страшного. Оступился, когда спускался со скалы.

— Хочешь, я пришлю к тебе Лотто? Он вылечит твою ногу очень быстро.

— Не нужно,— отказался Сальников,— я и сам ее вылечу.

— Да? — Кори взглянул на него как-то странно.

— Вот что я хотел спросить, Кори,— Сальников понял, что допустил какую-то промашку.— Со скал, что за Длинным ущельем, я видел дым. Очень далеко отсюда, за Белым Исполином, но видно хорошо. Что бы это могло быть?

— За Белым Исполином? — переспросил Кори.— Это в самом деле страшно далеко. Я никогда не был в тех местах...

Внезапно он замолчал, резко развернулся и, так и не произнеся ни слова, быстро зашагал прочь.

На свадьбу Сальников действительно решил пойти. Там будут люди из Речного поселка, может, удастся выспросить что-нибудь новое о крепостях Пришельцев. Поэтому когда Горон зашел за ним, Сальников сразу вышел навстречу.

За дедем увязался Басик. По случаю умытый и причесанный, он солидно вышагивал рядом.

Они дошли до центральной площади, когда их внезапно нагнал Кори.

— Вик-тор,— юноша слегка задыхался от быстрой ходьбы,— тебя хочет видеть Учитель!

— Зачем? — спросил Сальников, демонстрируя простодушное удивление.

Кори недовольно нахмурился. Вопросы в таких случаях задавать было не принято.

— Я только послушник,— сдержанно ответил он,— и не могу знать о намерениях Учителей. Мне нечего тебе ответить.

Он повернулся и, не оглядываясь, зашагал по дороге. Сальников кивнул на прощание Горону, потрепал по затылку Басика и пошел следом.

Воротами Храма служили легкие плетеные створки, навешенные на темное отверстие в известковой скале. Здесь начинался подземный лабиринт, обитель Учителей. Посохи стражников

разомкнулись. Сальников хотел пропустить вперед Кори, но тот отрицательно покачал головой, показывая, что Сальников должен идти один.

Дневной свет сменился мягким полумраком. В нишах короткого тоннеля стояли светильники, обозначавшие путь в небольшой круглый зал, освещенный так же скупо. Вдоль стен зала были расставлены грубо сколоченные скамьи, на одной из которых сидел человек. Повинуясь знаку, Сальников опустился на скамью рядом с ним.

Учитель был стар. Гораздо старше Горона. Возможно, впрочем, это впечатление возникло из-за аскетической худобы его лица и скудости освещения, лишь подчеркивавшего впалость щек и густую сетку морщин.

Молчание затягивалось, но Сальников не пытался его нарушить, сидел неподвижно, ждал, вслушиваясь в непривычную, неживую тишину.

— Я знаю, ты собираешь сказки, — сказал наконец Учитель. — Зачем ты это делаешь?

Голос его, слегка глуховатый, сохранял, тем не менее, гибкость и выразительность.

— Сказки — часть нашей жизни. — Сальников был готов к этому вопросу. — Они рождаются людьми и для людей. Если забываются одни, появляются новые. Но, забывая, мы всегда теряем что-то безвозвратно, и я хочу, чтобы сказки не исчезали из памяти. Кроме того, сказки дают мне хлеб и кров.

— Твое занятие не приносит плодов, как труд земледельца, но оно развлекает людей. Что ж, наверное, это тоже необходимо, — произнес старик после короткого раздумья. — Ты часто уходишь из долины в горы. Не пытаешься ли ты и там искать сказки?

Спокойная ирония прозвучала в его голосе, но Сальников подумал, что отвечать в том же тоне не следует.

— Я ищу там истоки сказок, — серьезно проговорил он. — Легенды жителей долины говорят о каких-то чужаках, что построили в горах свои крепости. Может быть, это не только легенды?

— Может быть, — отвечал старик, и Сальников не понял: безразличие скрывалось в его ответе или что-то иное.

Он ждал продолжения, но старик уже заговорил о другом.

— Ты говорил послушнику, что видел дым в горах?

— Да, — кивнул Сальников.

— Сможешь ли ты показать это место?

Сальников снова ответил утвердительно.

— Я хочу, чтобы ты проводил туда послушника Кори.

— Путь туда долог, — покачал головой Сальников, — не меньше трех дней. Дорога трудная, а у меня еще не прошла нога, которую я повредил в горах. Может, кто-нибудь из жителей поселка сумеет сделать это вместо меня?

— С тех пор, как жители долины перестали добывать пищу при помощи убийства, они не ходят далеко в горы. А последние охотники слишком стары и немощны, чтобы быть проводниками. Лучше тебя никто не сможет показать дорогу. Но я понял: ты чего-то хочешь за это? Говори.

— Я провожу Кори, — с облегчением произнес Сальников. — Но когда мы вернемся, я хочу, чтобы мне показали крепость чужаков.

Старик едва заметно усмехнулся.

— Хорошо, — он легко поднялся со скамьи, показывая, что разговор окончен. — Горон скажет тебе, как найти крепость.

Солнечный свет резанул по глазам, привыкшим к полумраку, и Сальников на секунду зажмурился. Открыв глаза, увидел, что Кори чуть поодаль

беседует с двумя мужчинами. Они не были жителями поселка, прежде Сальников их никогда не встречал. Их одежда была пыльной, лица изможденными, и Сальников слегка забеспокоился: не с побережья ли они пришли в долину? Если так, его положение может здорово осложниться. Придется что-то придумывать, менять легенду.

Окончив разговор, Кори проводил собеседников до входа в Храм и вернулся к Сальникову.

— Откуда пришли эти люди? — спросил Сальников. — Я никогда не встречал их в поселке.

— Издалека, — ответил Кори. — Это жители гор.

— Им тоже нужен совет Учителей?

— Ты пойдешь на встречу? — уклонился от ответа Кори. — Идем вместе.

Свадьба давно началась, но Сальникова и Кори встретил сам хозяин дома и усадил к большому столу, накрытому прямо во дворе, на почетную сторону — лицом к восходу солнца. Справа от Сальникова сидел Горон, соседкой Кори оказалась Нола. Отчего-то Кори сразу сделался очень серьезным, смотрел прямо перед собой, почти не поворачивая головы в ее сторону.

Кирос протиснулся между Гороном и Сальниковым, протянул чашу с вином.

— Выпей, чужеземец, — проговорил он чуть заплетающимся языком. — Это вино так же сладко, как твои сказки, но пьянит куда больше.

Он рассмеялся, довольный своей шуткой.

— Вчера ты вернулся с гор, — заговорил он, едва чаши опустели. — Не видел ли ты там чего-нибудь странного?

Горон в это время был увлечен спором с соседом слева и не слышал вопроса. Сальников уже собрался ответить, как вдруг почувствовал легкое, но настойчивое прикосновение локтя Кори.

— Нет, — помедлив сказал он. — А что странного можно увидеть в горах?

— Не знаю, Сказочник, — весело закричал Кирос. — Много небылиц ходит по свету, но, в отличие от твоих, они вовсе не так интересны.

Он вдруг вскочил и закричал еще громче:

— Тихо! Сейчас мы услышим о волшебных приключениях, о славных богатырях и страшных чудовищах! Вик-тор будет рассказывать сказку! Шум утих. Сальников достал из чехла лютню и провел пальцами по струнам...

Они вышли за светло, и когда солнечные лучи окончательно прогнали ночные тени, уже были на перевале. Разговаривали мало потому, что идти приходилось друг за другом, да к тому же Сальников, рассчитывавший добраться до цели скорее, чем в первый раз, взял довольно высокий темп.

К вечеру он увидел, что Кори заметно устал, и решил сделать привал. Поев, они завернулись в плащи и легли по обе стороны костра, но спать не хотелось ни тому, ни другому.

— Послушай, Кори, — сказал Сальников. — Расскажи мне об Учении. Я уже два месяца живу в долине, но не знаю о нем почти ничего. Или об этом тоже не полагается говорить с чужеземцами?

— Ты просто не спрашивал, — ответил Кори. — Учение открыто для всех. Смысл его прост, цель ясна. Человек должен быть чист в делах и помыслах перед лицом Великого Судии, и тогда дети его детей достигнут истинного могущества.

Учителя Подземного Храма знают мудрость минувших дней, приумножают ее и передают всем желающим безвозмездно, требуя лишь одного: соблюдения главных заветов. Их немного, но они стали законами нашего маленького мира: ни одно знание не должно нести зло, лишь то знание истинно, что отмечено печатью доброты; случайно при-

чиненное, неумышленное зло не заслуживает отщепления; зло намеренное — влечет изгнание того, кто его совершил; убийство не должно служить источником существования, способом продолжения жизни...

— Подожди, Кори, — прервал его Сальников, — но ведь раньше среди жителей долины было немало охотников?

— Да, — согласился тот, — правда, я уже не помню того времени. Когда-то жители долины охотились, чтобы прокормить себя, и Учителя не запрещали этого, потому что иного способа выжить не было. Но однажды накопленное знание родило новое. Учителя показали людям, как сделать поля всегда тучными. Они раздали чудесные семена, возвращенные с помощью Великого Судии, и урожай сделался вдвое обильнее. Они указывали лучшее время для начала сева и сбора урожая, что делать для того, чтобы земля не истощилась. Тогда в каждом доме еды стало вдоволь, и исчезла необходимость убивать.

— А те, кто не захотел принять Учения?

— Такие ушли из долины. Им нечего здесь было делать. Остальные отвернулись от них. Они переселились далеко в горы или к океану...

— Что дает постижение Учения?

— Некоторые из посвященных умеют излечивать раны и внутренние болезни, иные предсказывают погоду, другие становятся хранителями памяти прошлого и решают споры между жителями долины.

— А ты бы хотел стать Учителем? — не удержавшись, спросил Сальников?

Кори помолчал, потом произнес строго.

— Учитель — это не занятие. Можно хотеть стать пастухом, кузнецом или, — он слегка усмехнулся, — собирателем сказок, и желание твое, возможно, исполнится. Но хотеть сделаться Учителем бессмысленно, желание здесь не имеет никакого значения, потому что Учитель — это сущность.

«Ну что ж! — размышлял Сальников. — Пожалуй, Учение не совсем религия и не совсем философия — скорее нечто среднее. Учителя избавили долину от угрозы голода (выходит, они всерьез занимают селекцией), лечат, разрешают споры. Наконец, проповедуют ненасилие. Минусы? Отсутствие очевидных признаков прогресса. Но это с нашей, земной точки зрения. Чего, например, стоит одна их медицина! Даже нам не грех поучиться. Да ведь они и телекинез осваивают.

Мир, спокойствие и умеренное изобилие. Не так уж плохо. Разве не к этому стремилось человечество во все времена? Прямо рождественская картинка!»

Однако что-то в этой картинке Сальникову не нравилось, хотя и не мог он пока понять, что именно.

...Он проснулся внезапно, сразу, от ощущения давящей тревоги и рывком вскочил на ноги, озираясь спронежя. Кори тоже не спал, стоял у потухшего костра в такой же напряженной позе. Значит, причина их пробуждения одна и та же.

В чем эта причина, Сальников узнал уже в следующую секунду. Утреннюю тишину расколол хриплый рев. Ярость и голод звучали в нем. Сальников торопливо сунул руку в карман куртки, пальцы нащупали тонкую трубочку парализатора — единственное оружие, которым он мог воспользоваться в самом крайнем случае. В том, что такой случай настал, Сальников не сомневался.

Рев раздался снова, и зверь выпрыгнул из кустарника на поляну. Впервые он видел хищника так близко и не мог не содрогнуться, глядя на это налитое тяжелой, свирепой мощью тело.

Выхватив парализатор, Сальников шагнул вперед.

Внезапно на его плечо легла рука Кори и легонько оттолкнула в сторону.

— Не бойся! — проговорил Кори, и в голосе его не было трепета.

Кори встал прямо перед зверем, подобравшимся для прыжка. Сальников увидел, как закаменело лицо юноши, взгляд сделался неподвижным. Медленным, плавным жестом он протянул к зверю ладони.

Хищник опять зарычал, но в рычании теперь слышалась какая-то неуверенность. Прошла долгая минута, напряженные для прыжка мышцы расслабились, по телу волной прошла дрожь — зверь повернулся и тяжелой рысцой побежал прочь. Скоро он скрылся в лесной чаще.

Руки Кори бессильно упали, лицо стало серьезным. Он тяжело опустился на землю. Сальников вспомнил, что до сих пор держит в руке парализатор, и незаметно спрятал его в мешок.

— Что это было, Кори? — тихо спросил он.

Прежде чем ответить, его спутник несколько раз глубоко вздохнул, выпуская воздух сквозь плотно сжатые губы.

— Это Учение, — сказал он, и в голосе его звенело торжество. — Оно защищает нас от диких зверей. Гарпанг не может причинить вреда тому, кто постиг Учение. Убивать совсем не нужно...

Ему понадобилось время, чтобы окончательно прийти в себя, и в путь они тронулись лишь через полчаса.

От неба осталась узкая голубая полоска, все прочее пространство занимал серый, холодный камень. В некоторых местах стены ущелья сходились настолько близко, что и три человека не смогли бы пройти в один ряд. Через Длинное ущелье лежал единственный путь к долине со стороны главного хребта, и Сальников подумал, что оборонять ущелье мог бы совсем небольшой отряд.

Он усмехнулся своим мыслям. От кого станут оборонять жители долины?

Поворот находился в самом узком месте, и заметить его можно было лишь приблизившись почти вплотную. Впечатление тупика было настолько полным, что Кори, шедший сейчас впереди, растерянно замедлил шаги.

Сальников догнал его и легонько подтолкнул в спину, а еще через несколько метров они увидели выход и невольно пошли быстрее, стремясь поскорее вырваться из этой огромной каменной щели.

Миновав ущелье, Сальников остановился.

— Куда мы пойдем дальше? — спросил Кори.

— Нам нужно идти вот так, — Сальников показал рукой направление движения. — Но там уже нет дыма, Кори.

— Это не важно, — ответил тот. — Веди туда, где ты его видел.

Теперь идти приходилось медленно и очень осторожно. Естественная каменная тропа внезапно исчезла, и огибать скалу пришлось по траверсу, цепляясь за щели и выступы. Сальников добрался до плоской площадки, оглянулся и увидел, что Кори висит над бездной, с трудом удерживаясь на руках. Сальников сбросил с плеч мешок с едой и поспешил к нему на помощь.

К Кори он успел вовремя. А вот летящий в пропасть мешок, в который он переложил парализатор, удалось лишь проводить взглядом.

Они спустились по крутому щебенчатому склону, обошли выступ горы и увидели долину. Она была совсем маленькой. По дну долины протекал ручей, на берегу стояли дома. Вернее, скелеты того, что прежде называлось домами.

Деревня была сожжена. Дым от пожара Сальников и видел в прошлый раз.

Медленно и настороженно они вошли в деревню. Пепелище уже остыло, зола была прибита к земле дождем или разнесена ветром.

«Куда делись люди?» — подумал Сальников, повернулся к Кори и замер с вопросом на губах. Его спутник, страшно побледнев, неподвижно смотрел в какую-то точку расширенными от ужаса глазами. Сальников взглянул туда же.

— Что это? — прошептал он и тут же понял все сам. — Гарпанг? — приглушенно спросил он.

Кори коротко дернул головой и с усилием отверг взгляд в сторону.

— Это не гарпанг, — сказал он, облизнув пересохшие губы, и повторил еще раз: — Не гарпанг...

Они обошли всю деревню, еще дважды видели мертвые тела у сожженных домов и ничего больше.

— Идем отсюда, — проговорил Кори, стиснув руку Сальникова, — здесь нам нечего делать.

Он дрожал, как в лихорадке.

— Те двое, которых ты видел у Подземного Храма, принесли весть, что в горы пришли чужие. Они появляются небольшими отрядами и убивают всех, кто попадает на пути. Ты сам видел только что. Учитель хотел, чтобы я убедился в этом, увидел своими глазами. Теперь нужно возвращаться в долину.

— Разве ты не хочешь узнать, кто эти чужие? И зачем они сжигают деревни?

— Учитель приказал только увидеть и сразу идти назад. Он знает...

По-видимому, Учителям Храма было известно то, чего не знали ни Сальников, ни Кори. Теперь они не останавливались ни разу, но близилась ночь, а до входа в Длинное ущелье было еще далеко. Пришлось сделать привал.

...За ночь небо затянула белая пелена облаков. Сальников открыл глаза, сел, растирая мышцы, онемевшие на каменном ложе, и совсем рядом увидел еще одно облако — дыма. Оно выползло из-за небольшой горы, цепляясь за склоны, путалось в кустарнике. Сальников потряс Кори за плечо.

— Смотри, Кори, дым! Снова дым!

Взглянув туда, куда указывал Сальников, Кори тут же вскочил на ноги.

— Совсем близко от нас. Идем скорее! Мы должны возвращаться!

Сальников посмотрел на него с удивлением.

— Ты хочешь уйти, не попытавшись узнать, что произошло? Может быть, там кому-то нужна помощь?

— Все равно мы не сможем помочь, — нахмурившись, заявил Кори. — А если с нами что-нибудь случится, некому будет рассказать Учителю об увиденном.

Сальников рассердился.

— В конце концов, я должен был только показать тебе дорогу. Обратный путь ты найдешь и сам. Это очень просто. Когда выйдешь из Длинного ущелья, нужно все время держать на солнечный восход. Так что можешь меня не ждать. Прощай! — он повернулся и зашагал прочь.

Очень сейчас хотелось Сальникову, чтобы Кори догнал его, окликнул, но шагов за спиной не было

слышно, а когда спустя несколько минут он оглянулся, то не увидел на месте ночевки никого.

— Ну и черт с тобой, — в сердцах выругался Сальников по-русски.

По дороге он подобрал сухой и крепкий обломок ствола — какое-никакое оружие — и побежал по склону, рассчитывая выбраться из кустов как раз над местом пожара.

Кустарник поредел и кончился. Сальников упал в траву и осторожно подполз к краю карниза. Внизу горела какая-то одинокая лачуга. Около нее молча стояли люди в огромных квадратных шлемах и черных доспехах. Что-то в их облике неприятно поражало, но из-за расстояния Сальников не мог понять, что именно, как ни напрягал зрение.

Перед горящим домом лежала темная бесформенная масса. Один из черных шлемоносцев, ступая мелко, как бы с опаской, подошел к ней и ткнул коротким копьём. Масса дернулась, и Сальников понял, что это человек. Шатаясь, человек встал. Черные тут же выстроились полукругом и, выставив перед собой копья, начали наступать на него такими же маленькими шажками. Сальников слишком поздно понял задуманное ими — только когда жертва, не в силах перенести жар пламени за спиной, в отчаянии прыгнула вперед, грудью на копья...

Внезапно до Сальникова донесся человеческий крик. Он отполз от края карниза и снова нырнул в кустарник.

Несколько минут стремительного бега, и он выскочил на другой склон. Прямо под ним трое черных вели к месту пожара пленника со скрученными за спиной руками. Один из конвоиров с каким-то тупым, механическим усердием через равные промежутки времени ударял в спину пленника острием копья.

От воинов у горящего дома их отделил сейчас горный склон, удобнее момента не будет. Сальников бросился вниз, наперерез, перехватив поудобнее свою дубинку. В этот момент пленник пошатнулся и упал. Казалось, черный солдат ждал именно этого. Он медленно подошел к жертве и так же равнодушно дважды погрузил копье в расprostертое тело.

Сальников был уже совсем рядом, один из конвоиров обернулся, и тут Сальников налетел на него, опрокинул ударом дубинки, сразу же сбил с ног другого, оставшись с последним один на один.

Очень экономным и в то же время каким-то неестественным движением, словно руки его произвольно изгибались в суставах, противник выставил перед собой копье. Он был на голову ниже Сальникова и гораздо уже в плечах. Шлем его подходил на большую уродливую маску с прорезями для глаз и рта. Все это отложилось в сознании моментальным кадром, особо разглядывать времени не было.

Удар копья, направленный в грудь, Сальников легко отбил и, в свою очередь, обрушил дубинку на черный шлем. Слабая попытка парировать этот выпад не имела успеха. Солдат рухнул к ногам Сальникова.

Отбросив дубинку, он подбежал к пленнику, осторожно перевернул его и убедился, что опоздал. Пленник был мертв.

Он медленно отступил, вернулся к поверженным противникам, внимательно пригляделся и содрогнулся. Еще не веря до конца, прикоснулся к черному шлему и отдернул руку. Пальцы ощутили шероховатую роговую поверхность твердой, но живой плоти. Существа эти не были людьми.

Шершавый панцирь, покрывавший голову и грудь как у ракообразных, смыкался с кольцевыми хитиновыми сегментами нижней части торса. Суставчатые верхние конечности оканчивались тремя длинными и гибкими пальцеобразными отростками. Нижние — более мощные — имели в конце утолщения, похожие на сплюснутые копыта. Посредине туловища Сальников увидел рудиментарные отростки третьей пары конечностей, маленьких и слабых, плотно прижатых к телу. В тех местах, где панцирь был поврежден ударами Сальникова, из тел существ сочилась клейкая, беловатая жидкость. Кожистая пленка, прикрывающая глаза, небольшое утолщение на месте носа и прямая линия ротового отверстия придавали существам жутковатое карикатурное человекоподобие.

Одно из них вяло зашевелилось. Не совсем еще отдавая себе отчет в том, что собирается делать, Сальников подошел к нему и попытался приподнять. Существо оказалось сравнительно легким. Внезапно решившись, он вскинул существо на плечи, задыхаясь от напряжения, взобрался по голому, каменному склону наверх, на террасу, окруженную обросшими лишайниками валунами, огляделся и снял существо с плеч. Даже если остальные будут его искать, раньше, чем через час, этого места они не обнаружат. Во всяком случае, он сумеет заметить погоню издалека.

Существо, кажется, уже полностью пришло в сознание. Кожистые веки раздвинулись вверх и вниз, как шторы, глаза с вертикальными зрачками с холодным безразличием следили за Сальниковым.

Хотя он не был уверен, что существа использовали те же средства общения, что и люди, но все же спросил на языке жителей долины: «Кто ты?», а потом повторил этот вопрос на двух известных ему диалектах океанского побережья.

Ответом ему было молчание.

— Попробуем, — озабоченно бормотал Сальников, — попытаемся. Чтобы два разумных существа не поняли друг друга... Нет, брат, такого не бывает...

Он легонько массировал виски и затылок, сосредотачиваясь для ментообмена. Подумал: Кори, вероятно, тоже пригодился бы сейчас. Жаль, что нет под рукой ментоусилителя — с ним бы дело пошло на лад скорее. Кто бы мог предположить, что ментоусилитель здесь понадобится! Теперь же приходилось рассчитывать лишь на собственные возможности.

Сальников придвинулся поближе и погрузил взгляд в немигающие глаза существа. Медленно и осторожно он устремил сознание к партнеру, пытаясь нащупать путь, перекинуть хрупкий мостик к пониманию. Странное и неприятное ощущение заполнило его — словно царапает он ногтями по каменному монолиту, отыскивая впотьмах узкую щель.

В какой-то момент ему показалось, что он близок к успеху. Руки существа беспокойно зашевелились, вертикальные зрачки расширились.казалось, нужно лишь малое усилие. В каменной стене обозначилась трещина, но из нее вдруг плеснуло нестерпимым холодом, обожгло, отбросило прочь. Сальников отпрянул, почувствовав резкую головную боль. То, что открылось ему в этот миг, показалось нелепым и страшным. Сознание существа было не просто иным. Оно было совершенно чужим. Существо даже ненависти к Сальникову не испытывало — только холодное и бесконечное отвращение.

— Ничего, ничего, — вслух успокаивал себя Сальников, вновь собираясь с силами. — Кое-что

все-таки у нас получилось. Я же тебя услышал, как ты ни сопротивлялся. Теперь послушай меня. Послушай, не повредит...

Он глубоко вздохнул и принялся не спеша перебирать в уме образы, плетя из них тонкую мысленную вязь.

От сильного напряжения он прикрыв глаза и оттого не увидел, как существо, пошарив вокруг себя трехпальными конечностями, нащупало на земле каменный обломок и занесло над головой...

Когда Сальников пришел в себя и попытался приподняться, чьи-то руки легонько придержали его за плечи.

— Полежи немного, — сказал Кори и склонился над ним, отирая лицо мокрым платком. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — хрипло буркнул Сальников, отвел его руки, сел и охнул от боли. — Ничего, сейчас пройдет.

Осторожно потрогал голову. Кожа около лба содрана, и шишка, кажется, будет огромная.

— Значит, ты все-таки не ушел, Кори?

— Я тебя ждал, — хмуро проговорил Кори. — Потом пошел искать. Увидел, как отсюда бежит этот... поднялся и нашел тебя лежащим. Я же говорю: не ходи!

— Говорил, говорил... говорить проще всего, — огрызнулся Сальников.

— Ты сможешь идти? — обеспокоенно спросил Кори. — Тот, что убежал, может вернуться и привести с собой других.

— Смогу, — Сальников поднялся. Боль и головкружение быстро проходили. — Ты видел, что там... внизу?

— Видел, — односложно ответил Кори. — Обопришь на мое плечо.

— Не нужно, я сам. Все в порядке.

Сальников очень надеялся, что гнаться за ними никто не станет. Но погоня была. Они заметили ее через час. Четырнадцать черных капель насчитал Сальников на голом склоне. Преследователи шли уверенно, не задерживаясь и не сбиваясь с направления, и Сальников понял, что уйти будет нелегко.

Облачная пелена постепенно наливалась свинцовым оттенком. Тучи спускались все ниже — вершины гор уже были скрыты ими. Ветер с каждой минутой набирал силу, гнал мелкую водяную пыль. Видимость резко ухудшилась. Кори начал спотыкаться все чаще, иногда Сальников почти тащил его, ощущая, как у самого иссякают силы.

Пронизанная холодом ревущая мгла накрыла их на голом склоне, вмиг ослепила, оглушила, заставила упасть на мокрые камни. Преодолевая напор ветра, Сальников кое-как поднялся, нащупал руку Кори, потянул за собой.

Опираясь друг на друга, они побрели в огулающей тьме. В какие-то моменты сознание будто урывало от Сальникова, но когда вновь возвращалась боль, он ощущал, что продолжает двигаться и что Кори рядом.

Рука нащупала вертикальную шероховатую поверхность, и Сальников поднял голову. Скала преграждала путь, уходила вправо и влево, уже через несколько шагов исчезая в клубящейся мгле.

Сальников схватил Кори за шиворот и потащил вправо, надеясь найти хоть какую-нибудь щель, трещину, нишу, сознавая, что если вместо укрытия там окажется пропасть, они просто полетят вниз, что не будет времени и сил удержаться или повернуть. Но когда скала словно раздалась, открыв темную полость пещеры, Сальникова еще хватило на то, чтобы впахнуть туда Кори, потом взлезть самому, и лишь после этого он потерял сознание.

Стены и потолок пещеры испускали слабое голубоватое сияние. Сальников осторожно дотронулся до стены. Пальцы ощутили на камне слизистый налет, и он понял: светящаяся плесень. Однако сырости в пещере не ощущалось. Песчаный пол был ровным и сухим, словно в прибрежном гроте. Это удивило Сальникова: откуда взялась такая пещера высоко в горах?

Где-то там, снаружи, за каменными стенами, с прежней свирепостью выла буря. Здесь же было тихо и относительно тепло. Буря спасла их от преследователей, пещера спрятала от бури.

Он поправил плащ, укрывавший Кори, и двинулся вдоль стены, на всякий случай считая шаги — осторожность не помешает, хотя на лабиринт пока не очень похоже.

Ход изгибался почти с математической точностью, описывая окружность. Сальников даже замедлил шаги, опасаясь наступить на спящего Кори, когда ему показалось, что круг вот-вот замкнется. Однако Кори здесь не было, и если Сальников действительно совершил полный оборот вокруг невидимой оси, то путь этот он проделал по спирали.

А еще через несколько шагов перед Сальниковым открылся круглый зал диаметром метров двадцать. Весь он был уставлен плоскими эллипсообразными каменными блинами. Присмотревшись, Сальников увидел, что в расположении камней присутствует строгий порядок. Тот или те, кто занимался их расстановкой, преследовали, кажется, цель вместить возможно большее количество камней, оставляя между ними одинаковые проходы. По-видимому, камней здесь было не меньше двухсот.

Сальников пошел между рядами, осматривая странные камни. Взгляд задержался на обрывках какого-то материала, напоминающего тонкую, полупрозрачную слюду. Клочок этого материала рассыпался в пыль, едва Сальников к нему прикоснулся. И он вдруг понял, что напоминал ему этот зал. Кладку яиц, только огромных, длиной в метр.

Он еще раз огляделся и внезапно заметил у дальней стены какой-то темный предмет на каменном постаменте. Не отводя взгляда, Сальников направился к нему, аккуратно ступая в узких проходах...

— Вик-тор! — негромко позвал Кори, но не услышал в ответ даже собственного эха, словно светящиеся стены поглощали звук.

Острое ощущение одиночества пронизало Кори. Вик-тор пропал, исчез без следа, унесенный бурей или схваченный чужими, и ничто теперь не спасет Кори от беды.

— Вик-тор! — закричал он изо всех сил и тут же смолк, покрывшись потом от мысли, кто его сейчас может услышать.

— Ты чего кричишь? — раздался спокойный голос Сальникова. — Не бойся, кроме нас тут никого нет.

— Да, — неуверенно ответил Кори, смиряя частые удары сердца. — Я думал... мне показалось...

— Ты знаешь, Кори, а ведь мне неожиданно повезло, — сказал Сальников. — Догадываешься, где мы сейчас находимся?

Кори пожал плечами.

— Так я тебе скажу. Мы в крепости.

— Где? — не понял Кори.

— В крепости. В той самой крепости, о которых рассказывают ваши легенды, которую видел много лет назад Горон. Впрочем, он не эту видел, другую.

— А-а, — произнес Кори довольно равнодушно. Сальников усмехнулся, поглядел на него и сказал, но говорить ничего не стал.

— Вот что, — предложил он спустя некоторое время, — буря еще долго не кончится. Давай-ка займемся полезным делом. Поедим как следует и будем отдыхать, сил набираться. У тебя в мешке чего-нибудь осталось?..

Буря действительно бушевала всю ночь, но когда наступил день, солнце вновь светило с чистого голубого неба. Однако самым главным было то, что на всем открывшемся пространстве Сальников не заметил никаких следов вчерашних преследователей, либо бежавших от бури, либо уничтоженных ею.

Отправляясь из поселка, Сальников перевел компактный блок личной связи в автоматический режим. Однако катушка записи осталась совершенно чистой. Берсенева и Галицкий на связь не выходили.

За время их отсутствия в поселке что-то изменилось. Люди словно ждали больших перемен, но ожидание не содержало в себе тревоги. То было ожидание неведомого, случайного и необязательного.

Сальников шел по улице. Ворота одного из домов отворились, и на мостовую выкатилась тележка. Сальников посторонился. Обитые железом колеса грохотали по камням, владелец тележки толкал ее одной рукой, а другой придерживал огромный куль, свесившийся на сторону.

— Помог бы, Сказочник, — подмигнул он.

Сальников подошел, уперся рукой, шагая рядом.

— Далеко ли? — поинтересовался он.

— В Храм возьем, — отвечал хозяин тележки с затаенной гордостью. — Дочку в ученицы берут. Прежде никогда баб не брали. Вот ей запас на первый год и возьем, Учителя велели.

Он поправил немного куль и продолжал, понизив голос.

— А вчера еще многих взяли — и дочку мою, и у Фирена тоже, многих... Запаса Учителя просили давать не жалеючи.

Кирос и Горон встречали Сальникова у калитки. Лица у них были встревоженные и какие-то потерянные.

— Здравствуй, Вик-тор, — сказал Кирос, — новости у нас неслыханные. То все разговоры да разговоры, а тут уже не до разговоров — своими ушами! И верить не хочется, и не верить нельзя. Ты сам вчера оттуда, скажи: правда ли?

— Подожди ты, — прервал его Горон. — Сначала хоть объясни, в чем дело.

— А я что делаю? — оскорбился Кирос. — Я и говорю: пришел в поселок чужак. Ночью пришел, как раз к моему дому. Говорит: с гор. А кто его знает, откуда он.

— Раз говорит, значит, так и есть, — снова встрял Горон. — Ты не тяни, рассказывай.

— Я-то его утром на крыльце нашел. Сам удивляюсь, как он добрал. Весь в крови, чуть живой и бормочет все — слушать страшно. Я, конечно, не знаю, откуда он взялся...

— Зато я знаю, — перебил Горон. — Селение у двухглавой горы. Бывал я в тех местах не однажды. Давно было...

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ СВОЙ ПУТЬ

— Это уж в другой раз поведешь, — сварливо огрызнулся Кирос. — Тебе бы только перебить да с толку сбить... Ты послушай дальше, Сказочник. Говорит он про темную тучу, что пожжет всех нас и вытопчет. Мои молодые-то только смеются, какая туча, говорят, никто ничего не знает. А если бы и туча, Учителя беду отведут. Может, и ответ, думаю, а может... Что же там, в горах? А, Сказочник?

— Где он? — спросил Сальников.

— Кто? Этот-то? В доме лежит. Утих сейчас, видно, умаялся.

— Хочу на него посмотреть.

— Пойдем, — повел его Кирос, — только плохо он разговаривает. Сил совсем мало. Едва можно разобрать, о чем.

Пришелец лежал, раскинувшись на кровати возле открытого окна. Голова его и рука были перевязаны чистым белым полотном, через которое проступали темные пятна крови.

— Чего же за врачевателями не послали? — удивился Сальников.

— Да я хотел, — пожаловался Кирос, — а Горон говорит: подожди, успеешь, пусть сначала Сказочник придет.

— Он сейчас вне опасности, — хмуро пробурчал Горон, — раны его я осмотрел, понимаю кое-что, бывало всякое. А если придет врачеватель, то сразу велит нести в Храм. Сейчас всех, кто приходит, сначала в Храм зовут, а потом потихоньку из долины провозаюют — и не расспросить. Да ведь ты, Вик-тор, не хуже врачевателей сам лечить умеешь.

— Откуда ты знаешь? — удивился Сальников.

Горон заговорщицки подмигнул.

— А кто Гико из резино поселка живот поправил? Я-то знаю. В долине ничего не укроется.

— Смотрите, просыпается, — торопливо проговорил Кирос.

Глаза лежащего раскрылись. Он повел перед собой невидящим взглядом и вновь сомкнул веки. Сальников нагнулся к нему, вслушиваясь в едва различимый шепот.

— Они идут... смерть... — шептал раненый, — ...нет числа... все погибнут, все... не спастись...

— Что ты на это скажешь, Вик-тор?

Помолчав с минуту, Сальников заговорил.

— Там, в горах, мы с Кори видели чужих. Это они сожгли поселок за Белым Исполином.

— Кто они? Откуда пришли в наши края?

— Не знаю. Может быть, из пустыни, что лежит за горами, а может, их дом гораздо дальше... Они не похожи на людей, Горон. Это чужие, совсем чужие.

— Ты мне сказал вчера, что нашел крепость, — задумчиво проговорил Горон. — Я тоже видел крепость и знаю...

Окончить фразу он не успел. Дверь распахнулась, в комнату вошел Кори, а с ним еще два послушника.

— Почему ты не сообщил в Храм, что нашел раненого? — сказал Кори, обращаясь к Киросу и будто не замечая Сальникова и Горона. — Разве ты сумеешь помочь ему, как врачеватель? Если этот человек умрет, вина падет на тебя.

В первую секунду Кирос смутился, но смущение тут же сменилось гневом.

— Не рано ли ты взялся учить стариков? — сердито крикнул он. — Уж не тебе ли я должен давать отчет в своих поступках? Я не звал тебя сюда, мальчишка!

Кори покраснел, глаза его засверкали обидой. Он шагнул вперед, и Сальников сделал невольное движение, чтобы его удержать.

— Хозяин дома прав, — прозвучал с порога глуховатый голос. Все обернулись. В дверях стоял старик с худым, покрытым густой сетью морщин, лицом. Сальников узнал его. Этот Учитель беседовал с ним накануне путешествия в горы.

— Учение вызывает к долгу гостеприимства, однако и гость обязан уважать хозяина. Но молодой послушник тоже прав. Пусть пахарь займется пашней, оставив заботы о больных врачевателям. Ты поступил неразумно, Кирос, не призвав их к раненому.

Он повернулся к послушникам.

— Унесите его в Храм и помогите превозмочь болезнь.

Подождав, пока послушники вынесли на легких носилках больного, Учитель посмотрел на Сальникова.

— Я хочу говорить с тобой, чужеземец.

Кирос и Горон один за другим вышли из комнаты и прикрыли дверь. Учитель сел на табурет, подобрал длинное платье.

— Большая опасность грозит жителям долины, — сказал Сальников. — Беда, гибель. Кори рассказал, наверно...

— Послушай моего совета, Сказочник, — произнес старик, твердо встречая его взгляд, — уходи из долины. Еще не поздно это сделать. Ты сумеешь избежать опасности.

— А остальные? Они тоже уйдут?

Старик медленно покачал головой.

— Им куда уходить? Разве тебе неизвестно, что такое зима в горах? Ветер и стужа погубят всех даже раньше, чем кончатся запасы пищи. Но еще раньше их убьют чужие. Ты ведь еще не знаешь, что они заняли все проходы в горах. Их отряды уже вышли почти к самому побережью. А ты... Ты сможешь пройти, потому что ты один, и еще потому, — старик сделал паузу, — ...потому, что ты и сам чужой, хотя и не отличаешься от нас внешне.

— Что же станет с жителями долины? — с возрастающим недоумением спросил Сальников. — Как спасутся они?

— Учение защитит нас, — спокойно сказал старик. — Учение и Великий Судия. Жизнь не прервется в нашей стране. Тебе многое неизвестно, чужеземец. Например, ты не знаешь, что чужие уже приходили в долину много поколений назад. Правда, тогда их было гораздо меньше... Жители долины укрылись в Храме, а пришельцев истребила долгая, холодная зима. Память об этом храним мы, Учителя.

Именно сейчас для Сальникова все стало окончательно ясно. Все факты, наконец, заняли свои места.

— Вам известно многое, но отнюдь не все, — холодно проговорил он. — Знаешь ли ты, что такое крепости в горах? Те самые крепости, которые я так долго искал?

Старик равнодушно пожал плечами.

— При чем здесь крепости? Пришельцы строили их много лет назад, когда надеялись захватить горную страну...

— Совсем не то! Они родились в этих крепостях. Это... это... — он мучительно подыскивал подходящее слово, не нашел и произнес по-русски, —

это инкубаторы, кладки яиц, как в земляных гнездах. Крепости строили те, кто занес пришельцев из... невероятной дали. Тогда, в первый раз, родившись на свет в новом, чудом для них мире, они не были готовы к встрече с ним. Теперь все иначе. Теперь они пришли, чтобы остаться навсегда.

Старик легко поднялся на ноги и заговорил с неторопливой торжественностью.

— Мы, Учителя, хранители духа своего народа, не допустим, чтобы сделанное пропало втуне, чтобы народ, находящийся на пороге постижения великих истин, исчез с лица земли. Учение помогает нам предвидеть грядущее. Подземный Храм сбережет достигнутое.

— Достигнутое, — с тоской повторил Сальников. — А людей кто сбережет? Я же знаю. Вы уже избрали тех, с кем запретесь в Храме. По одному из каждого десятка. Разве не так?

Старик молчал, не спуская с него глаз.

— А остальные? Женщины, дети? Все те, кто не попал в число избранных?

— Подземный Храм не сможет вместить всех, — печально ответил старик, вновь опускаясь на табурет. — И мы никогда не перестанем скорбеть об остающихся. Но мы должны сохранить лучшее. Мы сбережем зерна для последующих всходов и тем самым сохраним Учение.

— Не скорбеть нужно, а защищать! — крикнул Сальников. — В долине много молодых, крепких мужчин. Неужели они станут безропотно дожидаться гибели? Нужно что-то делать. Вы не должны пропускать чужих через Длинное ущелье. Другого пути в долину нет!

Зрачки старика внезапно расширились. Какое-то время он боролся с подступившим волнением.

— Ты собираешься научить наш народ убивать, чужеземец, — проговорил он. — Хочешь отбросить нас далеко назад, во тьму зла и насилия, из которых его вывело слово Великого Судии.

— Не убивать, — тряхнул головой Сальников, — а защитить себя, своих детей, свое будущее.

Сальников стиснул челюсти, закрутил головой, тщательно пытаясь найти слова, что помогли бы, заставили понять... Случайно — впервые за все время разговора — его взгляд упал на открытое окно. Там, обратившись в слух, неподвижно стояли Кирос, Горон и Кори. Возможно, они оказались здесь случайно, но отойти были уже не в силах и напряженно вслушивались в каждое слово.

— Никому не подниматься к сверкающим высотам по мертвым телам покинутых в беде, — сказал Сальников. — Те, кто запрется вместе с вами в подземелье, — смогут ли они забыть, какой ценой выжили?

— Я вижу, чужеземец, ты считаешь живущих в Храме подобными ночным кровососам, — устало произнес старик. — Есть и другой путь для всех нас. Покинуть Храм, не пытаться спасти тех, кого возможно, и умереть всем вместе. Учителя равно готовы и к этому, и не запретят избрать этот путь тем, кто пожелает. Однако пойми, чужеземец, — и это главное! — каждый имеет право распоряжаться собственной жизнью, но никто не вправе — жизнь всего народа. Народу мы сохраним будущее во что бы то ни стало. Нам ничто не должно помешать. Поэтому никто не должен более знать о приближении опасности до самого последнего часа. Ни те, кто уйдет, ни те, кто останется.

Учитель смотрел на Сальникова потускневшими, старыми глазами.

— Ты хочешь изменить движение судьбы, проливая потоки крови. Хочешь победить несметные силы зла при помощи того же зла. Уходи. Уходи

туда, где ты был рожден, и живи по законам своего народа. Но не пытайся переменить или уничтожить не постигнутые законы чуждой тебе жизни.

Он с трудом поднялся, старчески побряхтывая, шагнул к двери.

— Я никуда не уйду, — сказал Сальников, ощущая, как от бессилия, непонимания его охватывает отчаяние. — Я останусь здесь. Законы у моего народа простые — это законы совести. По ним и живем. И дальше жить станем! И вам, дуракам, не дадим помереть! — заорал он что было сил в закрывшуюся дверь.

Постоял мгновение, потом подбежал к окну.

— Кори! Ты-то что молчишь! Может, ты так до самого конца собираешься молчать? И Ноле ничего не скажешь? Уйдешь в свое подземелье, да так и промолчишь?

Опустив глаза и отвернув лицо, Кори поддерживал под руку спускающегося с крыльца Учителя. Слов Сальникова он словно бы и не слышал.

...Царапины на плече и кисти немного саднили. Пустяки, всего лишь царапины. Кровотечение само прекратилось, Сальникову не понадобилась даже перевязка, хотя Нола пыталась к нему подступиться. С ним все в порядке, если, конечно, копыя человекаконасекомых не отравлены какой-нибудь дрянью.

С Габеа вот гораздо хуже. Лежит Габеа без сознания, стонет. Копье вошло меж ребер на ладонь ниже сердца. Кровь пузырится на губах — значит, задето легкое.

Горон тоже очень плохо выглядит. Совсем серый. Нужно его в третью линию поставить, на прикрытие.

Позиция у них отличная — то самое место в Длинном ущелье. Чужие наступают по трое в ряд — больше не умещается. Да еще валуны перегораживают проход. Настоящая стена. Крепость. Отбили уже четыре приступа. Самый тяжелый — третий. Тогда все были ранены, кто еще не успел получить раны в двух предыдущих. И Габеа как раз тогда... Своих раненых и убитых чужие вытаскивают. Это хорошо, а то бы через некоторое время лежали вровень с валунами. А может, у них убитых нет? Может, их вообще нельзя убить? Регенерируют, как дождевые черви.

Что за глупости лезут в голову! Не о том надо думать. Хватило бы сил. Надолго ли хватит у восьмерых, из которых одна девушка да двое стариков, чтобы сдерживать этот безмолвный и бесконечный черный поток?

Вот она, космическая экспансия в чистом виде. Корабль-термостат с сотнями (или тысячами?) зародышей добирается до выбранной заранее цели. Время роли не играет — кладка яиц сохраняется сколь угодно долго. Потом спуск на планету, поиск удобного места и строительство инкубатора. Этим, вероятно, тоже занимаются автоматы — иначе бы не случилось той, первой осечки из-за неверного выбора климатической зоны. В инкубаторе яйца развиваются, потом личиночная стадия, окукливание — то мумифицированное существо в полупрозрачном коконе, что он увидел в инкубаторе-крепости, более всего походило на куколку.

А уже вслед за этим начинается планомерный захват территории с полным истреблением возможных конкурентов. Полным и беспощадным.

Непонятно только, почему у них такое примитивное оружие? Космическая раса — и вооружение средневековья. Или все заранее предусмотрено — чтобы захватить Ленор, хватит и копий, незачем

знакомить аборигенов с лучеметами. Вдруг они сами сумеют ими воспользоваться...

Подошла Нола, протянула деревянный ковшик с водой.

— Попей, Вик-тор.

Сальников облизнул сухие губы.

— Спасибо, не хочу пока. Лучше побережь.

— Пей, я еще наберу. Совсем недалеко родничок в камнях отыскала. Ма-аленький, струйка едва брызжет, но набирается.

— Ты молодец, Нола, — сказал Сальников и с наслаждением выпил воду.

Не подвело бы оружие. Оружие у них, конечно, будь здоров. Хорошо еще, что Ронтар в своей кузнице успел отковать кое-что. Пластины эти на грудь и на руку вроде щита, наконечники для копий. У него — топор. Удобный, у длинной рукояти. Не сломалась бы рукоять. У самого Ронтара — молот. Повезло им с Ронтаром. Если бы он с ними не пошел, может, сейчас уже все бы закончилось. Не дубинками же воевать...

Габеа шевельнулся, протяжно застонал.

...Все равно это закончится — рано или поздно. С Ронтаром или без него. И чего же он добился? Все равно будет именно так, как предвидели мудрые старцы. В долине вырежут всех, кроме ушедших в лабиринты Подземного Храма. Может, и сумеют выполнить старцы свои духовные программы. Обучат народ всяким чудесам — телепортации, телекинезу. Чему там еще? Тогда им никакие чужаки ничем — в случае чего телепортируют их в пустыню или еще дальше. Гуманно, бескровно, без этого тошнотворного крошева. И, главное, окончательно. А Сальникова будут поминать в легендах, как дьявола-искусителя. Горон, Кирос и Ронтар с остальными — те просто заблудшие души, их и по имени не запомнят. Вот Кори несомненно праведником окажется — устоял перед искушением. Так что, получается, куда ни кинь — кругом Сальников неправ. Может, не намеренно, а из-за духовной отсталости. Недоразвитости. Из-за непонимания значения Великой Цели. Несчастный недоумок.

И вся-то логика этого недоумка сводится к нежеланию, чтобы женщины и дети погибли раньше, чем помрет он сам. И разница-то всего в нескольких днях или часах, итог-то все равно один. Но — не желает.

Одно утешение — не он один такой. Мудрецы всего не знают. Только здесь их почти десяток набрался. А страшно далеко отсюда, в нескольких парсеках, куда Сальникову уже никогда не возвратиться, — еще шесть миллиардов.

Внезапно в тишине каменной теснины обостренный ожиданием слух уловил звук шагов. Сальников вскопил на валун, но врагов не увидел и впервые за сегодняшний день испытал настоящий страх: звук приближался с тыла.

Он увидел, как побледнел Ронтар, как поспешно поднялся на ноги Горон и остальные, как Нола замерла в тревожной позе, склонившись над Габеа, словно прикрывая его своим хрупким телом.

Все это было уже бесполезно. Через несколько секунд из-за поворота выльется черно-панцирный безмолвный поток, такой же поток ринется с противоположной стороны, они сомкнутся, захлестнут, растоптав, разодрав в клочья горстку людей, затем, покружившись над их телами, вначале медленно, а потом все быстрее и быстрее, поток потечет в долину.

— Спина к спине, — скомандовал Сальников хрипло и необязательно.

Хруст песка раздавался все громче, грохотал, оглушал и внезапно стих.

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ СВОЙ ПУТЬ

Из-за выступа скалы вышел Кори, за ним еще с десяток мужчин. Каждый держал в руках какое-то подобие оружия — топор, вилы или просто железный стержень.

— Вик-тор, — сказал Кори, — мы очень боимся опоздать...

Он увидел Нолу, несколько мгновений молча смотрел на нее, не отрываясь, потом подошел и взял за руку.

Один из послушников, хмуро созерцавший эту картину, хмыкнул и покрутил головой.

— Меня зовут Гиль, — деловито сообщил он Сальникову. — Мы ушли вперед, очень торопились. Остальные не успели за нами. Но скоро они подойдут.

— Много еще людей идет за вами? — спросил Сальников.

Гиль не успел ответить, потому что у входа в Длинное ущелье началось движение темных тел с уродливыми шлемообразными головами. Гиль, слегка потеснив Сальникова, встал между ним и Ронтаром, неумело выставив перед собой топор.

Борис РУДЕНКО

ВИЗИТКА

Борис Руденко родился в 1950 году, окончил Московский автомобильно-дорожный институт, работал инженером, сотрудником милиции, журналистом. Сейчас — заведующий отделом журнала «Наука и жизнь». Публиковать фантастику начал в 1977 году. Ему принадлежит около трех десятков фантастических и приключенческих рассказов, повестей, опубликованных в центральных журналах, книжных сборниках. Многие из них переведены за рубежом.

КАКОВ ВОПРОС — ТАКОВ ОТВЕТ

«ПАРУС»: Как Вы думаете, готово ли человечество к встрече с братьями по разуму?

Б. РУДЕНКО: Были ли готовы папуасы Новой Гвинеи ко встрече с Человеком-с-Луны — Миклухо-Маклаем? Или народ государства ацтеков — с Кортесом? Дело в том, что ни тех, ни других, в общем-то, об этом никто не спрашивал, как не спросят, по всей видимости, и нас. Полагаю даже, что такая постановка вопроса папуасов и ацтеков немало бы озадачила. Поэтому остается уповать, чтобы подобная встреча (буде она все же произойдет) носила преимущественно познавательный характер. К такого рода встречам человек готов с того самого момента, как поднялся с четверенек на ноги.

Папуасам, к примеру, понравилось: Брат по Разуму — Миклухо-Маклай — привез с собой много красивых стеклянных бус.

Вы, наверное, помните: на одном из заседаний Малой редколлегии «Паруса» было решено, что нелишним будет иногда отрывать усталый взор от суровой действительности и устремлять его в грядущие века. Любопытно же знать или хотя бы предполагать, что мы будем носить и есть, в чем станет жить, как будем лечиться, учиться, развлекаться и даже, может, работать... Так появилась в «Парусе» рубрика «Фантпрогноз». Давайте сегодня попробуем не заглянуть в XXI век, а прокатиться туда.

ТАМ, ЗА ПОВОРОТОМ

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ

ФАНТПРОГНОЗ

Такой вот фантастический рассказ прислал нам школьник из Воронежа Олег Мехов:

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Марию Павловну он телепортировал на Марс («Пусть каналы растут...»). Сергея Николаевича на обычном фотонном космокатере отправил к Альфа Центавра. С толстой Зинаидой Петровной пришлось повозиться: она с трудом протиснулась в свернутое пространство. Анатолию Викентьевичу он прице-

пил гравилеты, и тот теперь парил в высоте, как горный орел. Нину Ивановну без хлопот переправил через подпространственный туннель в соседнюю Галактику...

Больше уроков сегодня не было, поэтому остальных учителей Вася Петров, ученик 7-го «Я» класса 12-й СШ г. Космодемьянска, пока оставил в покое.

Не будем обвинять молодого писателя в негуманном обращении с сеятелями разумного и вечного. Кто его знает, как там, в будущем, сложатся отношения с учителями... Будем надеяться, что даже в школе никто никого никуда посылать не будет — может, для того и создавал свое произведение-предостережение Олег Мехов.

Нас, если честно, другое интересует: способы перемещения надоевших герою рассказа педагогов в пространстве.

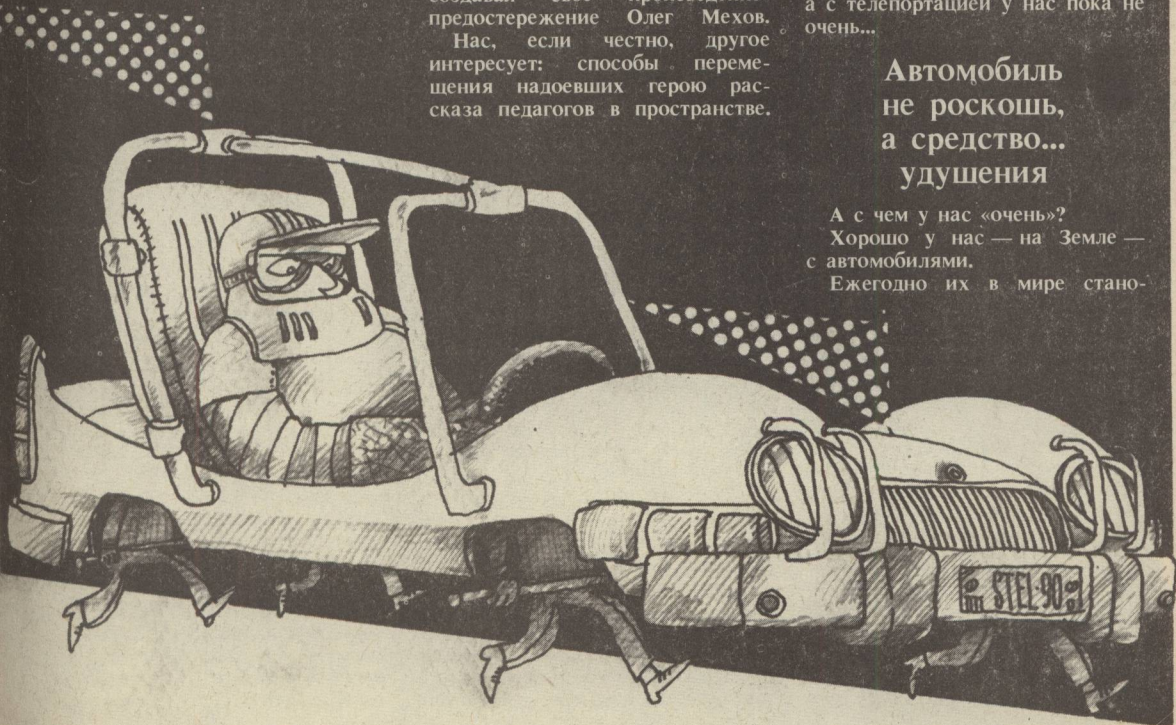
То есть, попросту говоря, транспорт будущего.

Судя по всему, воронежский школьник не оставляет никаких шансов «на выживание» рутинным автомобилям, самолетам и прочим там разным трамваям. Да и не он один: перелистайте фантастов — нультранспортировка, телепортация, сверхсветовые космолайнеры, бог знает как складывающееся пространство... Или, на худой конец, какой-нибудь пространственно-временной континуум.

Конечно, странно было бы ожидать, что в XX-м веке начнется расцвет гужевого транспорта, а гонки на верблюдах вытеснят «Формулу-1». Однако всего десятилетие осталось до стыковки с будущим столетием, а с телепортацией у нас пока не очень...

Автомобиль не роскошь, а средство... удушья

А с чем у нас «очень»? Хорошо у нас — на Земле — с автомобилями. Ежегодно их в мире стано-

вится почти на 35 миллионов больше. К концу века мы будем иметь 700-800 миллионов замечательных средств передвижения. Все вместе они «сожрут» 3 миллиарда 200 миллионов тонн кислорода за год. Зато добавят в наши легкие пару миллиардов тонн окиси углерода, не считая всяких там окислов азота и прочих ароматных веществ.

Понятно, в больших городах жизнь от этого лучше не станет, а может, и совсем исчезнет. Мы-то с вами, благодаря отечественной автопромышленности и привычке есть нитраты и пестициды, с полвека еще как-нибудь продержимся, а в США, скажем, где сейчас 700 авто на 1000 жителей, «автомобильная экспансия» вот-вот станет неотвратимой.

Добавьте к этому 8 миллионов ежедневно жертв дорожных аварий в мире (в СССР в 1988 году автомобиль убил 58651 человека — чуть не 5 Афганистанов!) и согласитесь: злейший враг человечества не смог бы придумать ничего страшнее нашей вожделенной четырехколесной мечты.

Выбор невелик: либо надо от автомобиля отказываться совсем, либо попытаться его приручить, превратив злобно рычащего хищника в безвредное домашнее животное.

Какой из двух возможных путей избрать? ПОДУМАТЬ НАД ЭТИМ ВОПРОСОМ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ «ПАРУСА». Понятно, что если вы собираетесь шагать по первому пути,

Недавно в Японии был построен парусный танкер водоизмещением 20 тысяч тонн. Быть может, это начало новой эры парусного флота. Танкер оснащен алюминиевыми и стальными высокопрочными парусами. Управляются они электронной техникой, учитывающей скорость и направление ветра, точно выдерживающей заданный курс... Уже сегодня доказана высокая экономичность таких судов, их экологическая чистота, простота и надежность в эксплуатации.

По прогнозам специалистов, к 2000 году ожидается появление самолета на 1000 пассажиров, который будет летать со скоростью, в 10 раз превышающей скорость звука (более 12.000 км/ч).

то постарайтесь при этом не заставлять и нас ходить пешком.

ИТАК, СУДЬБА АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА В ВАШИХ РУКАХ.

Но, зная о привычке отдельных читателей пользоваться шпаргалками, мы, чтобы облегчить им задачу, все же познакомим с некоторыми прогнозами специалистов на ближайшее будущее, которое...

...рыбим жиром попахивает

Нельзя сказать, что они — специалисты — предсказывают скорую революцию на транспорте, во всяком случае, на наземном. Даже такой фантазер, как писатель Артур Кларк, например, считает, что в XX-м веке легкой автомобиль дороги никому или, вернее, ничему не уступит. Правда, он станет гораздо легче, будет иметь более совершенный двигатель и способный при ударе восстанавливать прежнюю форму кузов.

Прогноз писателя-фантаста не из самых смелых: автомобилестроители уже в 1995 году рассчитывают создать пятишестиместную машину весом до 800 кг с керамическим двигателем, который (двигатель) может работать практически без системы охлаждения.

Еще несколько ожидаемых принципиальных новинок. «Дворники» исчезнут — ветровое стекло станет водоотталкивающим. Детектор алкоголя не позволит запустить мотор

На трассе длиной 318 километров в Швейцарских Альпах проводились соревнования «Тур де соль» автомобилями с двигателями, приводимыми в действие солнечной энергией. В них участвовало 58 автомобилей разных категорий. Победила «Солнечная серебряная стрела» (совместное производство западногерманской фирмы «Мерседес-Бенц» и швейцарской «Альфа-Реал»). Масса «Стрелы» — 181 кг, скорость — до 70 км/ч.

В ФРГ сейчас создана программа, согласно которой в середине 90-х годов будут выпущены первые партии пассажирских легковых автомобилей с солнечным приводом.

Одним из путей сокращения автомобилей в городе специалисты считают создание монорельсовых транспортных си-

водителью, если тот навеселе. Автомобиль изменит форму: скорее всего, он будет похож на каплю, положенную набок. Безопасность пассажиров обеспечит бортовой компьютер, получающий команды из космоса от спутника-«регулирующего».

Вот с чем еще необходимо считаться: с извечной тягой человечества ездить быстро. Не случайно Наполеон прославился помимо всего и рекордом скорости передвижения в санном экипаже: удирая от Кутузова, он всего за 13 дней покрыл расстояние от Москвы до Парижа.

Понятно, у каждого века свои представления о скоростных пределах. Всего 90 лет назад в том же Париже судили некую мадам д'Юфес, которая в Булонском лесу неслась на автомобиле со скоростью 13 км/час, что, по мнению судей, «могло вызвать серьезное дорожное происшествие». А недавно американец Нобл на машине «Траст-2» с реактивным двигателем мощностью 48 тысяч лошадиных сил показал «на мерной миле» скорость 1034,7 км/час, и никого это особенно не удивило.

Тем не менее, автомобилеракетам специалисты в своих прогнозах особого внимания не уделяют. Не в последнюю очередь и потому, что на них горючего не напасешься, а запасы нефти на планете, увы, далеко не бесконечны.

Да что там ракеты, скоро в бензобаки обычных автомобилей заливать будет нечего. Американцы посчитали, что как

стем. Поезда, состоящие из отдельных модулей (кабинок вместимостью от 1 до 10 человек), формируют в процессе движения: конструкция модулей позволяет автоматически сцепляться в состав и распцепляться. Пассажир набирает код пункта назначения, а ЭВМ выбирает оптимальный маршрут движения. Несколько систем подобного типа уже эксплуатируются.

Возможный вариант замены реактивной авиации — создание пассажирского трубопроводного транспорта. Уже есть проекты «экипажей» в трубе, мчащихся со скоростью 1000 км/час. Выгоды такого «вылета в трубу» очевидны — безопасность, независимость от погодных условий, минимальное воздействие на окружающую среду.

ни модернизируй двигатель, как ни снижай массу машин, а все равно (с учетом авиа- и железнодорожного транспорта) к 2000 году придется сжигать 1 миллиард 200 миллионов литров нефти в сутки.

Так что хочешь, не хочешь, а надо искать какие-то другие виды топлива.

Например, ... рыбий жир. А что — в Исландии грузовики успешно работают на этом полезном для здоровья, но нелюбимом детьми всего мира горючем. Запах? А чем запах жареной рыбы хуже бензинового аромата?

Если же серьезно, то больше перспектив у водорода. Еще в 1986 году патентное бюро США выдало японскому изобретателю Ватанабе патент на автомобиль с водородным двигателем. Однако, по прогнозам, получать дешевый водород в достаточных количествах мы научимся лет через 50. А пока как быть?

Может, стоит вернуться к электромобилям? Именно вернуться: еще в 1912 году их было выпущено около 6000 легковых и 4000 грузовых. Конечно, достоинств у электромобилей немало: не тархтят и воздух не засоряют. Но не зря от них в свое время отказались: стоят дорого, а дальность поездки ограничена.

Правда, сейчас весьма серьезно обсуждается такая идея. В дорогу закладывается кабель, от него через воздушный зазор ток поступает в приемник электромобиля. А чтобы не быть полностью привязанным

к кабелю, на машину дополнительно ставится электрический аккумулятор. Не знаем, как у нас, а в США, где у 45 процентов населения по два и более автомобиля, такие городские транспортные системы явно имеют неплохое будущее. Хотя бы для поездок на работу или в кино.

Но скорость?.. Электромобиль, установив в 1898 году мировой рекорд — тогда француз Шасслу-Лоба промчался на нем со скоростью 63 км/час, — больше пока на звание быстреего в мире не претендует. А всем нам, естественно, не терпится попасть из пункта «А» в пункт «Б» как можно скорее.

Ну, что ж, в таком случае предлагаем вам вылезть из кабины авто- или электромобиля и пересечь вот в это странное сооружение, висящее

между небом и землей

Любопытные иногда метаморфозы происходят с вроде бы хорошо знакомыми вещами. Тысячи лет верой и правдой служило человечеству колесо, и вдруг обнаружилось, что это гениальное изобретение... тормозит колесо прогресса.

Да, представьте: когда начали увеличивать скорость поездов, оказалось, что контакт колес с рельсами нарушается. Проскальзывают колеса, буксуют.

Тогда пришли к мысли о бесколесном рельсовом транспорте: с воздушной подушкой и с электромагнитной подвеской.

«Подушку» постепенно отвергли — шума от нее много и энергии требует, как не в себя.

А вот уже первые эксперименты с поездами на магнитной подвеске показали, что игра стоит свеч. В 1977 году в

Японии на испытательной трассе длиной 7 км был установлен мировой рекорд скорости — 517 км/час. Спустя два года в Гамбурге на международной выставке «Транспорт» посетители смогли прокатиться на поезде с электромагнитной подвеской «Трансрапид 05» со скоростью 500 км/час.

Западногерманские специалисты определили, что за два с половиной часа пассажир на автомобиле может проехать «от двери до двери» 150 км, на поезде — 250, самолете — 900, а на транспорте на магнитной подушке — примерно 1000 километров. При этом, в отличие от авиации, «магнитоплан» не зависит от капризов погоды, дешевле, доставляет вас в центр города... Представляете, командировка за две-три тысячи километров с завтраком и ужином дома.

Итак,

давайте думать на чем поедим по XX-му веку? Придумаете — напишите. Только не робейте, фантазировать надо с размахом. Например, так: «Автотранспорт со временем станет средством массового пользования рабочих, колхозников и интеллигенции, ... значительно поднимет культуру сельского населения».

Эта цитата из книги «Транспорт и его будущее», изданной в 1948 году. Умели люди мечтать!

Ефим ШУР

Оформление

Сергея СТЕЛЬМАШОНКА

ИЩУ ДРУГА

ФАН-КОНТАКТ

Восторженных поклонников романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» просят откликнуться:
Елена КУХАРЕНКО,
341016, Донецкая область,
г. Мариуполь, пер.
Коперника, д. 33;
Олег СОЛНЫШКОВ,
370008, г. Баку,

ул. Спандаряна, д. 55,
кв. 42;
Татьяна ШАРОВА,
334510, Крымская область,
г. Керчь, ул. Победы,
д. 16, кв. 51

Хотела бы познакомиться с теми, кто увлечен астрологией.

Альбина
ШАРАФУТДИНОВА,
16 лет.
743120, Каракалпакская
АССР, г. Тахияташ,
1 микрорайон,
д. 11, кв. 76

Фанат фантастики. И
этим все сказано!

Владимир АСТАПОВ,
674665, Читинская
область, г. Краснокаменск,
д. 445, кв. 64

Всех, с кем я знакома,
почему-то ничуть не занимают астрономия. Может,
по переписке отыщутся
единомышленники!

Ася ВАНДЕНКО, 19 лет.
325050, г. Херсон,
ул. Лавренева,
д. 27-а, кв. 68

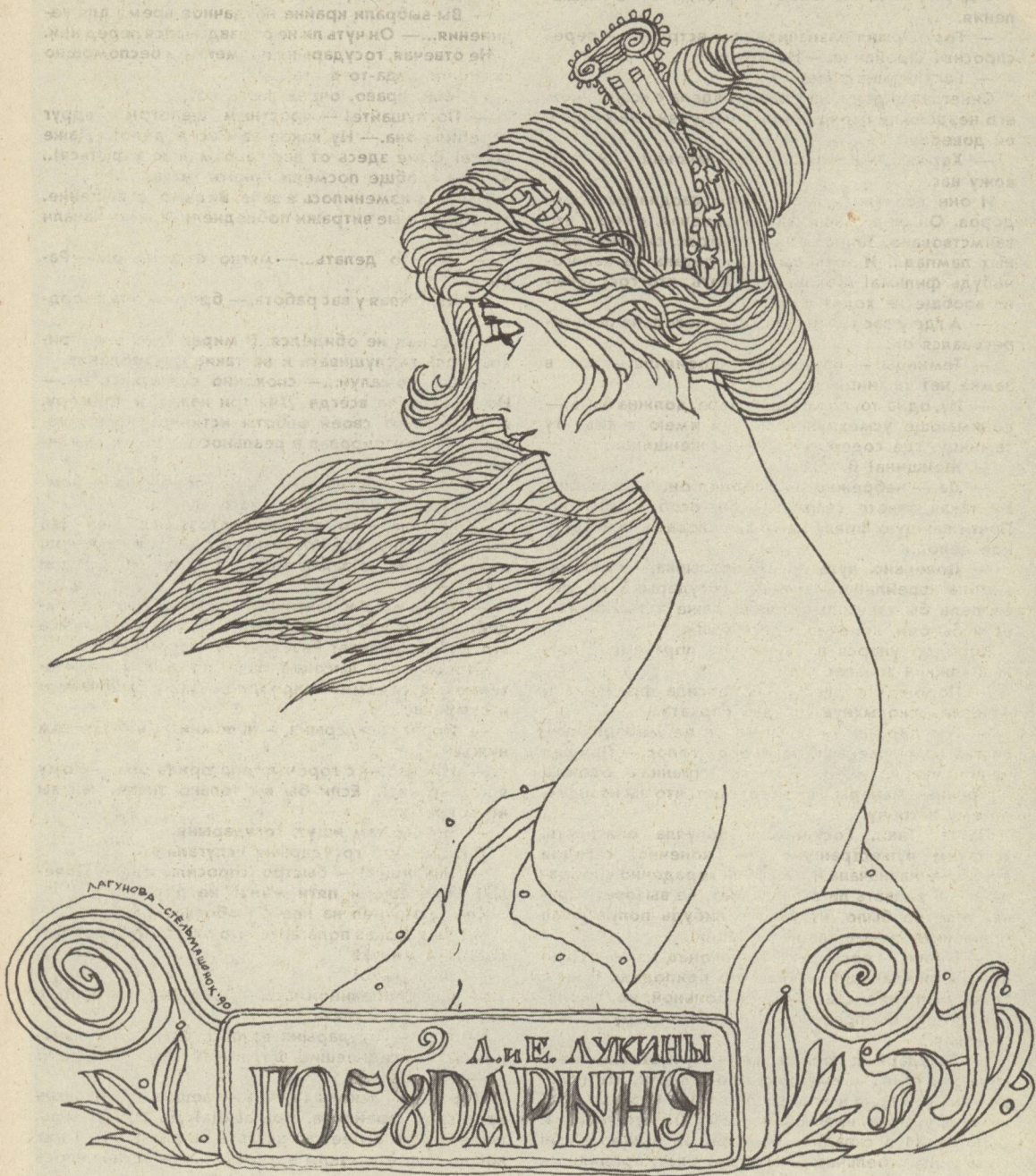
Обменяться со сверстниками мнениями и наблюдениями об НЛО есть необходимость у

Ольги ТЕРЕНТЬЕВОЙ,
14 лет.

606034, Горьковская
область, г. Дзержинск,
ул. Галкина, д. 3, кв. 136;
Елены МУЗЫЧКО, 16 лет.
692881, Приморский край,
п. Углекаменск,
ул. Бархатная,
д. 5, кв. 8

(Окончание на стр. 62)

Рассказ

По роду службы ему часто приходилось вторгаться в мир чьих-либо грез и, причинив этому миру по возможности минимальный ущерб, приводить человека обратно — в реальную жизнь.

Проклятая, признаться, должность...

Вот и сейчас — ну что это за строение возвышалось перед ним! Храм не храм, дворец не дворец — нечто безумно вычурное и совершенно непригодное для жилья.

Он осторожно тронул костяшками пальцев металлическое кружево дверей, и все же стук получился громкий и грубый. Как всегда.

С минуту все было тихо. Потом из глубины двorca послышались быстрые легкие шаги, тревожный шорох шелка — и двери отворились. На пороге, придерживая створки кончиками пальцев, стояла синеглазая юная дама ошеломляющей красоты.

— Фрейлина государыни, — мелодично произнесла она, с удивлением разглядывая незнакомца.

«С ума сошла! — обескураженно подумал он. — Да разве можно окружать себя такими фрейлинами!»

В двух словах он изложил причину своего появления.

— Государыня назначила вам встречу! — переспросила фрейлина. — Но кто вы!

— Государыня знает.

Синеглазая дама еще раз оглядела с сомнением его нездешний наряд. Незнакомец явно не внушал ей доверия.

— Хорошо, — решила она наконец. — Я провожу вас.

И они двинулись лабиринтом сводчатых коридоров. Он шел, машинально отмечая, откуда что заимствовано. Таинственный сумрак, сияние красных лампад... И хоть бы одна деталь из какого-нибудь фильма! Можно подумать, что государыня вообще не ходит в кино.

— А где у вас тут темницы! — невольно поинтересовался он.

— Темницы! — изумилась фрейлина. — Но в замке нет темниц!

— Ну, одна-то, по крайней мере, должна быть, — понимающе усмехнулся он. — Я имею в виду ту темницу, где содержится некая женщина...

— Женщина! В темнице!

— Да, — небрежно подтвердил он. — Женщина. Ну, такая, знаете, сварливая, без особых примет... Почти каждую фразу начинает словами «интересное дело...»

— Довольно вульгарная привычка, — сухо заметила фрейлина. — Думаю, государыня не потерпела бы таких выражений даже в темницах... если бы они, конечно, здесь были.

Коридор уперся в бархатную портьеру. Плотный тяжкий занавес у входа...

— Подождите здесь, — попросила фрейлина и исчезла, всколыхнув складки бархата.

— Государыня! — услышал он ее мелодичный, слегка приглушенный портьерой голос. — Пришел некий чужестранец. У него странная одежда и странные манеры. Но он говорит, что вы назначили ему встречу.

Пауза. Так... Государыня почуяла опасность. Никаким чужестранцам она, конечно, сегодня встреч не назначала и теперь лихорадочно соображает, не вызвать ли стражу. Нет, не вызовет. Слушая еще не было, чтобы кто-нибудь попробовал применить силу в такой ситуации.

— Прости, — послышалось наконец из-за портьеры, и ожидающий изумленно приподнял бровь. Голос был тих и слаб — как у больной, но, смолкнув, он как бы продолжал звучать — чаруя, завораживая...

— Государыня примет вас, — вернувшись, объявила фрейлина, и ему показалось вдруг, что говорит она манерно и нарочито звонко. Судя по смущенной улыбке, красавица и сама это чувствовала.

Поплутав в складках бархата, он вышел в зал с высоким стрельчатым сводом. Свет, проливаясь сквозь огромные витражи, окрашивал каменный пол в фантастические цвета. В тени у высокой колонны стоял резной деревянный трон — простой, как кресло.

Но вот вошедший поднял глаза к той, что сидела на троне, и остановился, опешив.

Все было неправильно в этом лице: и карие, небольшие, слишком близко посаженные глаза, и несколько скошенный назад подбородок, да и нос излишне длинноват...

Каким же образом все эти неправильные, не красивые черты, слившись воедино, могли обернуться столь тонкой, неповторимой красотой!

— Простите за вторжение, государыня, — справясь с собой, заговорил он, — но я за вами...

— Я поняла... — снова раздался этот странный глуховатый голос, после которого все остальные

голоса кажутся просто фальшивыми.

— Вы выбрали крайне неудачное время для уведомления... — Он чуть ли не оправдывался перед ней.

Не отвечая, государыня надменно и беспомощно смотрела куда-то в сторону.

— Мне, право, очень жаль, но...

— Послушайте! — яростным шепотом вдруг перебила она. — Ну какое вам всем дело!.. Даже здесь! Даже здесь от вас невозможно укрыться!.. Как вы вообще посмели прийти сюда!

И что-то изменилось в зале. Видимо, освещение. Многоцветные витражи побледнели, краски начали меркнуть.

— Ну, что делать... — мягко ответил он. — Работа.

— Паршивая у вас работа, — бросила она в сердцах.

Пришелец не обиделся. В мирах грез ему приходилось выслушивать и не такие оскорбления.

— Да, пожалуй... — спокойно согласился он. — Но, знаете, не всегда. Дня три назад, к примеру, я получил от своей работы истинное наслаждение — отконвоировал в реальность вашего замдиректора.

— Что! — Государыня была поражена. — Замдиректора! И какие же у него грезы!

— Жуткие, — со вздохом отозвался он. — Все счеты сведены, все противники стерты в порошок, а сам он уже не заместитель, а директор. Предел мечтаний...

— А вы еще и тактичны, оказывается, — враждебно заметила государыня. — Зачем вы мне все это рассказываете! Развлечь на дорожку!

Стрельчатые высокие окна померкли окончательно, в огромном холл-зале было пусто и сумрачно.

— Пора, государыня, — напомнил он. — Вы там нужны.

— Нужна... — с горечью повторила она. — Кому я там нужна!.. Если бы вы только знали, как вы не вовремя...

— Но вас там ищут, государыня.

Похоже, что государыня испугалась.

— Как ищут! — быстро спросила она. — Почему! Ведь еще и пять минут не прошло...

Он посмотрел на нее с любопытством.

— Вы всерьез полагаете, что отсутствуете не более пяти минут!

— А сколько!

— Два с половиной часа, — раздельно выговорил он, глядя ей в глаза.

— Ой! — Государыня взялась кончиками пальцев за побледневшие щеки. — И что... заметили!

— Ну конечно.

Портьера всколыхнулась — вошла синеглазая красавица фрейлина. Красавица! Да нет, теперь, пожалуй, он бы ее так назвать не рискнул. «В них жизни нет, все куклы восковые...» — вспомнилось ему невольно.

— Государыня! К вам фонтанель!

Стрельчатые окна вспыхнули, камни зала вновь озарились цветными бликами, и стоящий у трона человек закашлялся, чтобы не рассмеяться.

Стремительно вошедший фонтанель был строен и пронзительно зеленоглаз. Немножко Сирано, немножко Дон Гуан, а в остальном, вне всякого сомнения, — какой-нибудь сорванец из переуллка, где прошло детство и отрочество государыни. Придерживая у бедра широкую, похожую на меч, шлягу, он взмахнул шляпой, одно перо на которой было срублено чем-то остроотточенным.

— Я прошу извинить меня, фонтанель, — явно волнуясь, начала государыня. — Поверьте, я огорчена, но... Срочное государственное дело...

Мастерски скрыв досаду, зеленоглазый бретер

склонился в почтительном поклоне, но взгляд его, брошенный на пришельца, ничего хорошего не обещал. Цепкий взгляд, запоминающийся. Чтобы, упаси боже, потом не ошибиться и не спутать с ким-нибудь ни в чем не повинным человеком.

— Это... лекарь,— поспешно пояснила государыня, и взор фонтанеля смягчился. Теперь в нем сквозило сожаление. «Твое счастье, что лекарь,— отчетливо читалось в нем.— Будь ты дворянин...»

— Да вы хоть знаете, что такое «фонтанель»? — тихо и весело спросил пришелец, когда они вдвоем с государыней выбрались из зала.

— Не знаю и знать не хочу! — отрезала она. Лабиринт сводчатых переходов вновь натолкнул его на мысль о темнице, где должна была, по идее, томиться сварливая женщина без особых примет, однако от вопроса он решил тактично воздержаться.

Вскоре они пересекли ту неуловимую грань, за которой начинается реальность, и остановились в пустом прокуренном коридоре. Дверь отдела была прикрыта неплотно.

— Слышите! — шепнул он.— Это о вас... — Интересное дело! — вещал за дверью раздраженный женский голос.— Мечтает она! Вот пускай дома бы и мечтала! Она тут, понимаешь, мечтает, а я за нее ишачить должна!..

— Так а что ей еще остается, Зоя! — вмешался женский голос добрее.— Страшенькая, замуж никто не берет...

— Интересное дело! Замуж! Пускай вон объявление в газету дает — дураков много... Интересное дело — страшенькая! Нет сейчас страшеньких! В джинсы влезла — вот и фигура. Очки фирменные нацепила — вот и морда... А то взяла манеру: сидит-сидит — и на тебе, нет ее.

Государыня слушала все это, закусив губу. — Знаете,— мягко сказал он.— А ведь в чем-то они правы. Если бы время, потраченное вами в мире

грез, использовать в реальной жизни... Мне кажется, вы бы достигли желаемого.

— Чего! — хмуро спросила она.— Чего желаемого!

Он вздохнул. — Прошу вас, государыня,— сказал он и толкнул дверь кончиками пальцев.

В отделе стало тихо. Ни на кого не глядя, государыня прошла меж уткнувшимися в бумаги сотрудницами и села за свой стол.

С горьким чувством выполненного долга он приоткрыл дверь и двинулся прочь, размышляя о хрупких, беззащитных мирах грез, куда по роду службы ему приходилось столь грубо вторгаться.

Свернув к лестничной площадке, он услышал сзади два стремительных бряцающих шага, и чья-то крепкая рука рванула его за плечо. Полутемная лестничная клетка повернулась перед глазами, его бросило о стену спиной и затылком, а в следующий миг он понял, что в яремную ямку ему упирается острие широкой, похожей на меч, шпаги.

— Вы с ума сошли! — вскричал было он, но осекся. Потому что если кто и сошел здесь с ума, так это он сам. На грязноватом кафеле площадки, чуть расставив ботфорты и откинув за плечо потертый бархат плаща, перед ним стоял фонтанель.

— Как вы сюда попали! — От прикосновения отточенного клинка у него перехватило горло.

— Шел за вами.— Зеленоглазый пришелец из мира грез выговорил это с любезностью, от которой по спине бежали мурашки.— Сразу ты мне, лекарь, не понравился... А теперь, если тебе дорога твоя шкура, ты пойдешь и вернешься сюда с государыней.

Рисунок Сергея СТЕЛЬМАШОНКА

ВИЗИТКА

Любовь и Евгений Лукины родились в 1950 году. Окончили Волгоградский пединститут. В 1972 году стали мужем и женой. Первый фантастический рассказ написан в соавторстве в 1975 году, первая публикация — в 1981-м (повесть «Каникулы и фотограф», газета

«Вечерний Волгоград»). В 1984 году заняли первое место на Тбилисском молодежном конкурсе антивоенного фантастического рассказа (рассказ «Право голоса» в результате переведен на пять языков). В 1986 году — всесоюзным голосованием КЛФ рассказ «Не верь глазам своим» («Знание — сила», № 10) объявлен лучшей публикацией года. В 1987-м повесть «Разные среди разных» отмечена второй премией журнала «Вокруг света». У Лукиных много зарубежных публикаций: рассказы «Пробуждение» и «Щелк!» вошли в альманах «Световой год 5» (Берлин), «Право голоса» — в сборник «Самая последняя война» (Афины) и т. д. В этом году Нижне-Волжским книж-

ным издательством будет выпущен первый авторский сборник «Когда отступают ангелы».

КАКОВ ВОПРОС — ТАКОЕ ОТВЕТ

«ПАРУС»: Как вы думаете, фантастика уводит в мир грез или, наоборот, выводит из него?

Л. и Е. ЛУКИНЫ: Нам кажется, что фантастика, как и вся литература вообще, имеет скорее обуздывающие функции, нежели прищипывающие. Человек — существо деятельное и тем опасное. Если не отвлечь его с помощью искусства, он обратит земной шар в глобус в течение десятилетия.

Это если коротко. А если длинно — то это уже будет книга.

А. САЛОМАТОВ

Для многих эти события прошли совершенно незамеченными. Может, из-за праздника 1 Мая, который как раз собирались праздновать, в силу чего в Москве и некоторых других городах была налажена торговля праздничными продуктами. А может, потому, что в те дни по телевизору показывали многосерийный детектив, главный герой которого, как непотопляемый авианосец, показывал чудеса выживаемости в самых невероятных условиях, за что и получил очень длинное но меткое прозвище — Небetsyянеломаетcя только кувыркается.

А началось все с событий трагических, но не таких уж и необыкновенных: по радио сообщили, что ураган «Мария» прошелся по Каролинскому архипелагу и оставил на островах лишь пальмовые комли да булыжники весом более десяти тонн.

Затем диктор сообщил, что в районе Оклахомского месторождения угля упал большой метеорит. Похожее сообщение пришло и из Австралии. Там космический булыжник спалил целый поселок и после этого зарылся в землю на несколько десятков метров.

Но самое интересное произошло все же в городе Москве: из музея-квартиры недавно почившего кормчего пропала его двухметровая бронзовая статуя. При этом сигнализация оказалась исправной, замки были на месте, а сторож заявил, что он, как и положено, всю ночь бродил вокруг музея. Директор, рассказывая эту странную историю, явно не верил сторожу. В его интонации чувствовался какой-то намек, что, мол, бродить-то может, он и бродил, но врет, наверное, как сивый мерин.

Не поверил сторожу и Павел Иванович — скульптор, он же автор пропавшей статуи. Павел Иванович сидел в это время у себя в мастерской, пил слабенкий кофе и вместе с директором недоумевал: как это можно вытащить такую тяжелую, громоздкую вещь, не попортив сигнализации и замков. В глубине души Павел Иванович не очень расстроился, узнав об этом дерзком похищении. Кормчий помер и, как выяснилось сразу после его смерти, человеком он, может, был и неплохим, но руководителем государства посредственным, если не сказать хуже. Ведь не могла же экономика такой огромной страны прийти в упадок за каких-то несколько месяцев после его смерти.

Статую, конечно же, было жалко, но только как произведение искусства. Хотя и здесь причин для расстройства у Павла Ивановича как будто не было: таких статуй в свое время только из бронзы было отлито более тысячи штук, а их мраморные, гранитные и гипсовые копии никто и не считал. Они тиражировались на протяжении многих лет, и только на родине кормчего, в его родном городе, их было восемнадцать штук.

Справедливости ради следовало бы сказать, что из восемнадцати статуй только одна была из бронзы — в восстановленной из пепла мраморной избе, в которой родился великий человек.

В общем, Павел Иванович дослушал новости, допил кофе и, как у него было заведено, принялся за работу.

В этот день телефон у Павла Ивановича в мастерской звонил не переставая. Звонили друзья, директор музея-квартиры, партийные работники, милиция, словом, все, кого сколь-нибудь заинтересовало это событие.

На вопросы Павел Иванович отвечал всем примерно одинаково: «Да, уже знаю, слышал. Ну, что поделаешь? Да, подонки. Надеюсь, надеюсь». И только представителю власти Павел Иванович

ответил: «Ну, не я же это сделал. Нет. Никто не интересовался. Надеюсь, надеюсь!».

Ближе к вечеру, когда удовольствие от работы несколько притупилось, а на улице сделалось темно, Павел Иванович отмыл руки от глины, переоделся в чистое и сел за стол выпить традиционного слабого кофе.

Надо заметить, что мастерская у Павла Ивановича находилась в самом ближайшем пригороде, сразу за кольцевой дорогой, в небольшом полудачном поселке. Мастерская была большой, в три этажа, но этажи существовали только в той половине дома, где находились гаражи, комнаты для отдыха, кухня и прочие хозяйственные помещения. В самой же мастерской, где, собственно, и творил скульптор, не было никаких перекрытий — ни горизонтальных, ни вертикальных. Посреди этого помещения стоял мощный подъемный механизм для ворочения особо крупных произведений искусства. Кроме того, через всю мастерскую шла узкоколейная железная дорога для транспортировки больших скульптур. Дорога эта уходила за тяжелые, плотно пригнанные ворота прямо в сад, туда, где эти скульптуры грузились на автомобили.

Павел Иванович любил после работы посидеть в самом углу мастерской за простым верстаком, над которым не переставая работал трехпрограммный радиоприемник. Каково же было его удивление, когда диктор вдруг сообщил, что со своего постаamenta у северных ворот ВДНХ пропала известная мухинская композиция «Рабочий и колхозница».

— Как могло такое произойти?! — спрашивал диктор у многомиллионного слушателя. — У кого поднялась рука на символ союза рабочего класса и крестьянства?!

Ошеломленный Павел Иванович слушал и не верил своим ушам. «Ну, ладно, кормчий, — думал он, — всего два метра, но рабочий с колхозницей — это же несколько вагонов металлоконструкций! Незаметно не вынесешь».

От нехорошего предчувствия у Павла Ивановича заболело сердце. Он поставил чашку с кофе, и тут пронзительно зазвонил телефон. Павел Иванович вздрогнул всем телом, поднял трубку и опасно поднес ее к уху.

На том конце провода его друг и коллега Иван Павлович громко зашептал:

— Паша, слышал?

— Слышал, слышал, — отозвался Павел Иванович, ощупывая грудную клетку.

— Ну, и что ты думаешь? — спросил Иван Павлович.

— Не знаю. Бред какой-то. По-моему, они там, на радио, все с ума посходили. Надо съездить к ВДНХ, самим посмотреть. Ну ведь не может этого быть, чтобы незаметно...

— А с чего ты взял, что незаметно? — перебил его Иван Павлович. — Незаметно, без указания...

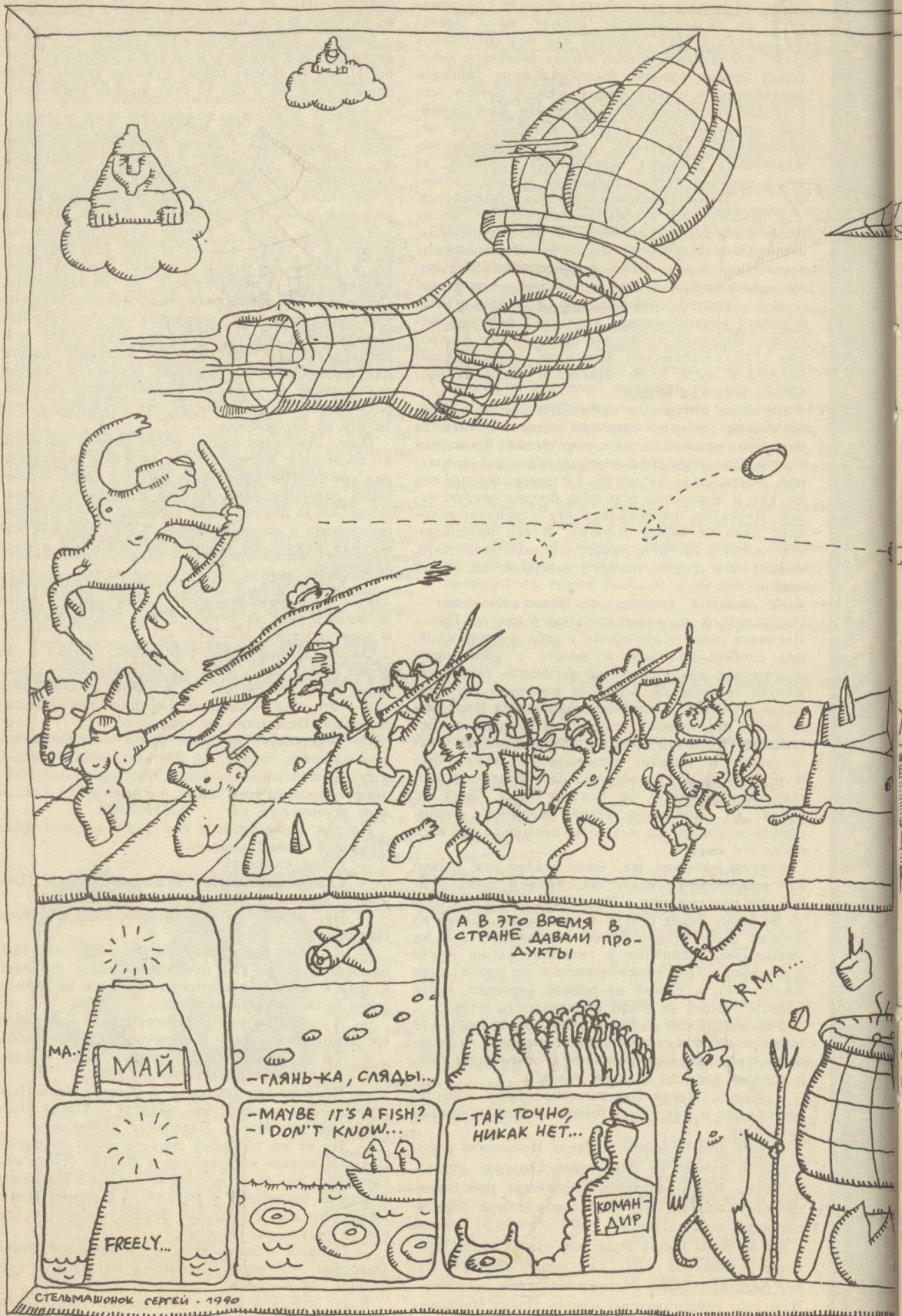
— Ты думаешь, что...? — начал Павел Иванович.

— Ну, а ты как думаешь? — ответил Иван Павлович. — Это знаешь, чем пахнет? — Павел Иванович не дал Ивану Павловичу договорить.

— Ну не по телефону же, — перебил он его. — Слушай, пошли кого-нибудь к ВДНХ. Пусть посмотрит... Эх, надо бы самим! — Павел Иванович с тоской посмотрел в потолок. — Слушай, Иван, может, ты сам съездишь? Заодно посмотри, как там, в центре, все спокойно?

— Заодно! — саркастически усмехнулся Иван Павлович. — У меня бронхит, а на улице — сам знаешь. Мне сейчас только и разезжать.

В это время в ворота мастерской Павла Ива-

МА...
МАЙ

-ГЛЯНЬ-КА, СЛЯДЫ...

А В ЭТО ВРЕМЯ В
СТРАНЕ ДАВАЛИ ПРО-
ДУКТЫ

АРМА...

FREELY...

-MAYBE IT'S A FISH?
-I DON'T KNOW...

-ТАК ТОЧНО,
НИКАК НЕТ...

КОМАН-
ДИР

СТЕЛЬМАШОНОК СЕРГЕЙ - 1990

МЫ ПРИШЛИ К ТЕБЕ,
ХОЗЯИН, РАССКАЗАТЬ,
ЧТО СОЛНЦЕ ВСТАЛО!

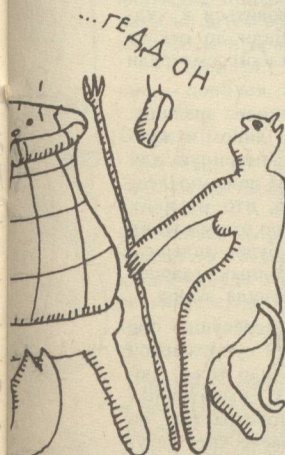
OH, THOSE
RUSSIANS!

Хоть
РАЗ
ПОСЛУЖИ

NO DRINKING ANYMORE!

ВАС-ТО ЛЕПШИ
ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЕ
ЛЮДИ?

ПЫЛЬ...

новича постукали так, будто использовали для этого лом или кувалду. Павел Иванович опять вздрогнул, быстро проговорил: «Ладно, выяснишь что, позвони», — и бросил трубку. После этого он повернулся всем телом к воротам. Время было позднее, Павел Иванович никого к себе не ждал и скорее от неожиданности и испуга крикнул: — Войдите! — И тут же от сильного удара двери распахнулись, и в мастерскую, тяжело ступая, вошел украденный или, как теперь выяснилось, ушедший бронзовый кормчий.

Надо было видеть лицо Павла Ивановича, когда его доселе неживое дитище переступило порог мастерской. Это было даже не лицо, а какое-то грубое подобие лица, жалкая подделка, бутафория, крашеное папье-маше. Павел Иванович сделался белым, как мелованная бумага, нижняя челюсть его съехала куда-то вбок и повисла на дряблой коже, а вокруг радужной оболочки глаз образовались белые поля со следами повышенного внутриглазного давления.

— Ба-ба-ба, — первое, что сказал Павел Иванович, но слово никак не давалось ему, и он принялся за другое. — Ва-ва-ва... — А бронзовый кормчий вышел на середину мастерской, остановился и тяжелым металлическим голосом произнес:

— Я пришел, хозяин!

В общем, все это длилось довольно долго. Павел Иванович долго приходил в себя, долго не мог поверить, но все же под давлением факта вынужден был это сделать. Кормчий все это время стоял смиренно, давая возможность хозяину осмыслиться. Но тут в дверь снова постукали.

— Кто там? — хрипло, с надрывом крикнул Павел Иванович, и двери снова отворились, и в мастерскую вошел еще один бронзовый кормчий. Он так же, как и первый, вышел на середину мастерской и проскрежетал:

— Я пришел, хозяин.

А дальше началось что-то уже совсем невообразимое. Двери в мастерскую не успевали закрываться. Бронзовые статуи входили одна за другой, и каждая приветствовала хозяина, как и первые две.

Уже через полчаса кормчих набилось в мастерскую так много, что Павел Иванович почувствовал удушье, будто из помещения выкачали воздух. А статуи все прибывали и прибывали. При этом задние теснили передних, а те все ближе и ближе отступали верстак.

Павел Иванович и не заметил, как оказался на верстаке. Забравшись туда, он нечаянно сорвал со стены приемник, и тот, болтаясь на шнуре, неожиданно сообщил: «Наш специальный корреспондент передает из Нью-Йорка, что самый крупный город США охватила паника — с острова Либерти исчезла статуя Свободы. Очевидцы утверждают, будто видели, как она якобы сама покинула постамент и скрылась в водах Гудзона. Чего только не придумает досужий американец», — закончил диктор. А Павел Иванович вдруг закричал нечеловеческим голосом, и в то же время с улицы донесся мощный звук трубы, будто это сам архангел Гавриил оповещал человечество о конце света. И сразу мастерская начала пустеть. Бронзовые кормчие без паники, соблюдая очередность, быстро покидали мастерскую.

Когда в помещении не осталось ни одной статуи, Павел Иванович, обессиленный, по стене сполз на верстак, слабеющей рукой снял телефонную трубку и набрал 02.

— Приезжайте, — сипло попросил он, — они уже ушли...

Гаврцев трудно чем-либо удивить — город портовый, окно, так сказать, в Европу со стороны Атлантики. Но этот день им запомнился надолго...

Утро выдалось удивительно теплым, и ближе к полудню на набережной было достаточно много народу. Легкий бриз гонял кофейный запах под разноцветными зонтами, трепал женские прически, а в море задирал верхушки волн, и те так и катились с белыми барашками до самого пляжа.

Когда в километре от берега над водой появилось что-то белое, те, кто смотрел на море, приняли инородное тело за лодку. Но предмет довольно быстро увеличивался в размерах, приподнимался над водой и вскоре стал похож на парус.

Гаврцы вообще-то народ любопытный, но этот необычный предмет долгое время не привлекал ничего внимания. Пока, наконец, не оказалось, что это и не лодка вовсе, и не парус, а огромная кисть руки с шипастым факелом, очень похожая на руку статуи Свободы с острова Либерти.

Рука с факелом двигалась с хорошей скоростью, и, по мере приближения к берегу, из воды показался вначале головной убор статуи, а затем и сама голова.

Набережная оживилась. Праздные гаврцы оставляли свои столики, служащие магазинов — магазины, а наиболее сообразительные захватывали с собой стулья из кафе, чтобы встать на них, потому что паранет уже был плотно облеплен зрителями.

Паники пока еще не было, но шум стоял препорядочный. Обсуждали: что это, откуда и зачем. То тут, то там вспыхивали споры. Слышались выкрики: «Подводными лодками тащат», «Американцы совсем сбрендили!», «А зачем она здесь?», «Наверное, у них коммунисты пришли к власти», «Подводными лодками по дну такую дуру не утащить».

В общем, болтали разное. Одна много повидавшая старушка даже выкрикнула: «Она же идет!» И действительно, видно было, как приподнимается и опускается верхняя часть статуи, и это было похоже на обычный человеческий шаг.

В себя люди пришли, когда из воды появилась «Декларация прав человека». До статуи оставалось не более трехсот метров. Паника вспыхнула моментально, как взрыв. Нескольким наиболее нервным женщинам завизжали, народ отхлынул от паранета, и началось беспорядочное метание: мамы искали своих детей, мужья — жен, официанты — сбегавших посетителей. Наиболее сообразительные со спринтерской скоростью бросились домой, дабы успеть приготовить к худшему. Менее сообразительные забили до отказа все кафе и магазинчики и с ужасом смотрели на приближающуюся Свободу.

Да, это, конечно, было достойное зрелище: огромная женщина с неподвижным лицом и жутким факелом, похожим более на занесенную для удара палицу, шла по пояс в воде. И даже последней дворняжке уже было понятно, что никаких подводных лодок там нет и что скоро эта ужасная статуя выйдет на берег, а то, что будет дальше... Впрочем, «на дальше» у перепуганных гаврцев не было времени. Паника захлестнула город.

А в это же время в небольшой деревушке под Страсбургом, в своем доме, на своей супружеской постели проснулся местный ветеринар мсье Дюваль. Кроме работы, жены и двух симпатичных сыновей мсье Дюваль имел два пристрастия: он вырезал из стволов деревьев человеческие фигуры и любил выпить. Первому он отдавал все свободные дни, второму — вечера.

В то утро мсье Дюваль проснулся с сильного похмелья, усидев накануне с приятелем несколько бутылей красного вина.

Нацепив халат, мсье Дюваль вышел на улицу, постоял у дома, почесывая живот, а затем сам себе сказал:

— Что-то вертолеты разлетались. Должно быть, дождь будет.

В этот момент периферийным зрением он заметил слева от себя какое-то движение и повернул голову. Там, где совсем недавно стояли несколько его скульптур, валялись лишь два бревна. Но мсье Дюваль успел заметить, как в кусты удалилась большая уродливая женщина, вырезанная им полгода назад из двухметрового липового бревна.

— Фу ты, черт,— испугался мсье Дюваль и перекрестился.— Мари,— крикнул он в раскрытую дверь,— Мари, можно тебя на минуту?

Мадам Дюваль появилась через несколько секунд. Руки у нее были по самые локти испачканы в муке, а на лице было написано такое недовольство, что мсье Дюваль счел нужным извиниться.

— Прости, Мари,— сказал он,— ты не знаешь, куда подевались мои скульптуры?

— Не знаю я, где твои чурки,— грубо ответила мадам Дюваль и собралась было уходить, но супруг остановил ее.

— А кто же знает? Вчера они были здесь, а сегодня их нет,— возмущенно сказал он.

— Отстань от меня со своими деревяшками,— ответила мадам Дюваль.— Пить надо меньше.

— При чем здесь пить? — воскликнул мсье Дюваль. В этот момент он посмотрел вперед и увидел за лесом, который начинался в километре от дома, нечто из ряда вон выходящее. Со стороны границы, упираясь головой в небо, с огромным мечом в поднятой руке, прямо к его дому шла женщина... не женщина, в общем, гигантская фигура с перекосенным лицом.

— Фу ты, черт,— прошептал мсье Дюваль и сплюнул. Он отвернулся, чтобы избавиться от галлюцинации, и вслух сказал:— кажется, я допил.

— Допился, допился,— обрадовалась супруга, а мсье Дюваль еще раз посмотрел в сторону леса, но видение не пропало. Более того, он почувствовал, что земля слегка подрагивает.

— Армагедон,— прошептал мсье Дюваль,— посмотри туда, Мария.

Мадам Дюваль посмотрела туда, куда указывал муж, побледнела, несколько раз перекрестилась, но затем вдруг схватила мужа обеими руками за волосы и поволокла его в дом.

— Допился, допился,— плаксиво причитала она,— допился, негодяй.

— Что ты... что ты? — кричал мсье Дюваль.— Отпусти!

— Что же ты со мной делаешь? — не унималась мадам Дюваль.— Что же ты так пьешь-то, негодяй?! — А чудовищная женщина очень быстро увеличивалась в размере и так же быстро приближалась. Уже через полминуты до нее оставалось каких-нибудь пятьсот метров. Видно было, как ее гигантский каменный подол, развеваясь, сметает на своем пути всю мелочь человеческой деятельности.

Мадам Дюваль так и не удалось утащить мужа в дом. Оцепенев от ужаса, она застыла на пороге рядом с мсье Дювалем, и так стояли они рядышком и смотрели на чудовище, а фигура со скоростью курьерского поезда пронеслась всего лишь

в нескольких метрах от дома, оставляя позади себя огромные следы-ямы, каждую из которых можно было бы использовать под фундамент небольшого дома.

— Армагеддон,— мертвым голосом повторил мсье Дюваль, и тут его супругу как прорвало. Она бросилась на грудь своему мужу и зарыдала.

— Прости меня, милый,— громко запричитала она.— Вот и пришел он, этот день. Прости меня, если можешь! Господи!

— Да, да,— торжественно и тихо сказал мсье Дюваль. Он повалился на колени рядом с супругой и печально пообещал:— Господи, больше ни капли в рот.

В это же время в Гавре статуя Свободы вошла в устье Сены, а затем выбралась на берег. Мостовая с гулом долетала под ее ногами, город наполнился дребезжанием оконных стекол. От сотрясения качались фонарные столбы и с деревьев облетала молодая листва. А вскоре над Свободой закружились десятки два военных вертолетов. Словно крупные насекомые, они летали вокруг колосса с факелом, соревнуясь в бесстрашии. Одна за другой машины облетали гигантский факел, затем цепочкой пронеслись мимо лица Свободы, но статуя не обращала на них никакого внимания. Она выбралась, наконец, на широкий проспект и быстро зашагала по направлению к Парижу.

Весть о том, что к Парижу направляются две гигантские статуи, парижане восприняли с юмором. Не убедило их и сообщение по телевизору, где показали шагающую Свободу с острова Либурти. Зрелище было восхитительное, и многие оценили качество «мультипликации». И все же паника началась до того, как статуи достигли столицы Франции. И началась она на вокзале, где-то около полудня, с одного незначительного инцидента. Дело в том, что на Восточный железнодорожный вокзал начали прибывать поезда, из которых, к величайшему удивлению пассажиров и служащих вокзала, начали выходить и не люди вовсе, а их металлические, каменные и гипсовые копии. Другими словами — статуи. К стати сказать, примерно то же самое происходило и во всех аэропортах: Шарль де Голль, Бурже и Орли.

Те, кто видел, как из дощатых товарных вагонов сыпались белые, серебристые и бронзовые скульптуры, вначале приняли это за маскарад, за какую-то непонятную игру или розыгрыш. Пассажиры радостно подходили и подбегали к гостям, пытались с ними заговорить и очень удивлялись тому, что гости совершенно не обращают внимания на хозяев, да и странным размером прибывших. А размеры были очень разные — от метра и до десяти.

Из вагонов выходили гигантские женщины с веслами и неповоротливые бойцы в каменных накидках с каменными же автоматами в облупившейся серебрянке. Крупные подростки в гипсовых галстуках, с обшарпанными горнами, барабанами и различным спортивным инвентарем. Восторг парижан вызвали гигантские каменные быки на открытой платформе. Четыре таких быка, играя могучими известняковыми мускулами, медленно втащили на перрон невиданного калибра чугунную пушку с диаметром жерла примерно в метр. Кто-то из наиболее образованных парижан признал в ней русскую Царь-пушку из Московского Кремля, и по толпе прошелестело: «Русские! Это русские! Ну, дают! Ну, молодцы!»

Но особенно всех поразило огромное количество и разнообразие статуй вожда международного коммунистического движения. Только из

одного вагона их вышло около сотни, и все они были выкрашены бронзовой краской. Из следующего вагона вышла следующая сотня, покрашенная серебрянкой. А дальше уже пошли вожди без всякой цветовой субординации: белые, серые, коричневые и даже два зеленых.

Паника началась, когда одна из скульптур — какой-то крашенный революционер — упала и разбилась. Ужас овладел парижанами: при виде гипсовых осколков, которые только что передвигались своим ходом, как это делают только живые существа.

По вокзалу пронеслось: «Новое оружие русских!», и вслед за этим, теряя на ходу узлы и чемоданы, пассажиры, служащие вокзала и набравшие зеваки бросились кто куда. Через несколько секунд вокзал очистился от людей.

А поезда все прибывали и прибывали. Они уже забили все подъездные пути к Парижу. То же самое происходило и в аэропорту. Там не успевали освобождать посадочную полосу для вновь прибывающих самолетов. И вскоре потянулись к центру города строгие колонны произведений монументального искусства.

И все же многие парижане пока еще ничего не знали о странных пришельцах, а те, кто знал или что-то слышал, считали, что их просто разыгрывают. Особенно веселились и недоумевали те, кто слышал по радио сообщение, будто на юге Франции пересек границу египетский сфинкс из Долины Царей. Что будто бы он хотя и ползет, сохраняя заданную ему позу, но делает это чрезвычайно быстро и при этом не очень-то разбирает дорогу — ломает на своем пути все, что пошло.

После этого диктор сказал, что на площадь Бастилии со всех сторон стекаются скульптуры, украшавшие ранее площади и скверы столицы Франции. И что из всех музеев страны исчезают произведения монументального искусства.

К полудню почти все население города, за исключением пьяных и безнадежно больных, охватила паника. По всем телевизионным каналам транслировали одно и то же: гигантскую женщину с факелом с острова Либерти и еще более гигантскую — с Мамаева кургана. Обе они очень решительно двигались в сторону Парижа, а в ясном весеннем небе над их головой стрекозами шныряли вертолеты и, похоже на стрижей, истребители ВВС Франции. Да и над самим Парижем в небе стоял такой гул, будто авиакомпания всего мира устраивали здесь показательные выступления.

Особенно страшно выглядели кадры, где статуя с Мамаева кургана рубанула воздух своим титановым мечом и сшибла несколько вертолетов. В свою очередь женщина с острова Либерти, видимо, пробуя факел на прочность, сшибла гражданский вертолет с известным кинооператором, снимавшим фильмы Хичкока.

Весь Париж в это время сидел у телевизоров, на улицах не было ни одной живой души. И лишь изредка то там, то здесь можно было видеть, как перебежками от подворотни к подворотне куда-то спешат каменные изваяния с мраморными и гипсовыми бельмами вместо глаз.

А в это время от Восточного вокзала к Площади Де Голля потянулась длиннейшая вереница пришельцев. Они шли в колонну по десять, твердо чеканя шаг. Возглавляли колонну несколько скульптурных композиций с развешивающимися знаменами. Бронзовые революционеры и революционерки крошили своими многопудовыми башмаками и сапогами парижские мостовые, рвали провода и иногда, не вписавшись в поворот, въез-

жали бронзовыми знаменами в окна испуганных парижан.

У Триумфальной арки колонну пришельцев встретил специальный полицейский батальон, но вскоре и он вынужден был отступить, потому что пули не причиняли статуям никакого вреда. Они застревали в бронзовых телах впереди идущих революционеров.

Первая серьезная стычка между хозяевами и «гостями» произошла где-то на полпути между Триумфальной аркой и Эйфелевой башней. Колонна пришельцев наткнулась на баррикаду скульптурных аборигенов. Баррикада задержала авангард колонны лишь на одну минуту и была нещадно растоптана. Хозяевам удалось только слегка потрепать роту гипсовых пионеров. Потери и с той, и с другой стороны были примерно одинаковые: десятка два пионеров разлетелись вдребезги от удачно брошенных булыжников. Но на помощь пионерам пришли их чугунные наставники, и столько же мраморных античных героев осталось лежать в подворотнях.

На улицах Парижа давно уже шли небольшие бои между пришельцами и хозяевами. Рота Пушкинского музея безуспешно осаждала Лувр, и два могучих бронзовых всадника в ажурных доспехах гарцевали на его ступенях, пытаясь тяжелыми мечами открыть двери музея. Незадолго до этого группа с Аничкова моста завела своих коней в Лувр, да так там и осталась, и бронзовые воины, ломая двери, трубно гудели: «Ренгаты!»

Взвод чугунных студентов МГУ где только мог, очищал фасады домов от архитектурных излишеств. Они очень ловко орудовали чугунными свитками и какими-то невыслышными измерительными приборами времен Христофора Колумба. Тем же самым занимались и статуи со станции метро «Площадь революции». Они сбивали с фасадов домов гадов и химер, а Аполлон давил лепную нечисть чугунными колесами своей колесницы.

А у Эйфелевой башни под самыми опорами уже столкнулись две странные армии. В воздухе стоял такой хруст и скрежет, что казалось, будто вертолетные винты в небе крутятся только благодаря ветру или усилиям пилотов. Но в какой-то момент все сразу стихло, бой прекратился, и обе армии откатились назад. По колоннам пронесся гулкий ропот, и армия пришельцев развернулась на 180 градусов. После этого послышалось долгое дружное: «Ур-рааа!», а над крышами домов, упиравшись головою в небо, показалась гигантская женщина с Мамаева кургана. Ее темное лицо было обращено на запад, именно туда, где из-за домов появился вначале факел, а затем и голова статуи с острова Либерти.

Две чудовищные фигуры приближались друг к другу с такой скоростью, что уже через несколько мгновений обе встали как вкопанные по разные стороны Эйфелевой башни. И еще раз долгое чугунное «урра-а-а» прокатилось по улицам Парижа.

После этого колосс с титановым мечом обратил свое гневное лицо на статую с факелом, и в небе громыхнуло: «Защищайся!» Она положила вторую руку на рукоять меча, шагнула вперед и, размахнувшись, ударила. Меч с бомбовым свистом пронесся над головой Свободы и врезался в Эйфелеву башню. Словно брызги, посыпались с башни прожектора и прочая мелочь. Конструкция страшно закрипела, и два пролета ухнули вниз, а башня слегка накренилась. И сразу после этого хозяева откликнулись дружным воплем.

Женщина с Мамаева кургана отступила на шаг и раздавила в пыль взвод гипсовых спортсменов. А в это время статуя с острова Либерти, страшно размахивая факелом, сделала обманный выпад и изо всех сил метнула «Декларацию прав человека» прямо в лицо своей сопернице. Гигантская статуя успела отшатнуться, а «Декларация», пролетев несколько сот метров, раскрошила роту гипсовых доярок с гипсовыми подойниками.

«А-а-а!» — поплыло над Парижем, и две армии вновь сошлись у опор Эйфелевой башни.

А в это время, в стороне от места боевых действий, на крышу кафе поднялись десятка два бронзовых скульптур. Все они были старомодно одеты, в каких-то немислимых плащах и цилиндрах, и в руках многие из них держали не весла и пулеметы, а обычные бронзовые книги или допотопные трости. И все же самым странным было то, что группа эта состояла как из пришельцев, так и из хозяев.

Наблюдая за боем, некто с длинным носом и в длинном бронзовом плаще металлически прогудел: «А что, мистер Диккенс, соцреализм-то лучше вооружен».

«Ес,— согласилась статуя и попыталась отодрать бронзовую шляпу от головы,— но авангард более неуязвим. Посмотрите вот на ту железку. Уничтожить ее никак невозможно, даже если раздавить. Просто получится новая скульптура».

«Да, да»,— подтвердила сутулая фигура с большими отвислыми усами. И только статуя с бронзовой книжкой сказок в руке покачала головой и печально прогудела: «Ну не надо, не надо, господа. Вас же депили интеллигентные люди».

Хозяева начали теснить пришельцев, когда к ним пришло подкрепление. С той стороны Сены вдруг повалили боги и полубоги, человек-быки и обнаженные безголовые девы. Их было так много, что они сразу смяли авангард противника и крылатой бронзовой конницей вклинились глубоко во вражескую армию. Изредка кого-нибудь из этих всадников сообщала заваливала золоченая группа с фонтана «Дружба народов», бронзовые кормчие вылавливали из толпы безголовых дев, но чаще падали под ударами тяжелых крыльев, копыт и кулаков, так и не успев отловить свою жертву. Перевес был явно на стороне хозяев. И напрасно зывала одинокая фигура Медного всадника: «Да где же эти Будды, мать их...?!» Крик его тонул в общем шуме. В воздухе свистели гипсовые, мраморные и металлические копья, диски и кувалды. Одна такая кувалда снесла голову могучему мраморному Зевсу, и по рядам хозяев прокатился ужасный рев.

А подкрепления, которого ждали пришельцы, все не было.

А тем временем две гигантские женщины отошли от Эйфелевой башни, которая им только мешала. Все кругом замерло, когда в небе в очередной раз загромыхало. На какое-то время обе армии будто заключили соглашение. И те, и другие молча наблюдали за передвижениями колоссов, потому как исход боя во многом зависел именно от них. И даже вертолеты, образовав широкий круг, зависли над всем этим безобразием на безопасном расстоянии.

Давя и своих, и чужих, колоссы отступали к набережной. Они примеривались друг к другу, словно борцы, топтались на месте, превращая ухоженный бульвар в разбомбленное снарядами поле.

Первой начала статуя с Мамаева кургана. Она размахнулась погнутым мечом и, сделав большой шаг вперед, ударила. Где-то на высоте тридцати метров над Землей огромный меч столкнулся

с факелом статуи с острова Либерти. От удара у женщины с Мамаева кургана отломилась кисть руки вместе с мечом. То же самое произошло и со статуей Свободы, после чего меч с факелом, пролетев несколько сот метров, исчезли в клубах пыли обвалившихся зданий.

Бой внизу возобновился. Остатки армий успели построиться в полки и под боевой клич двинулись друг на друга. И тут по рядам пришельцев пронеслось: «Царь-пушку везут! Царь-пушку везут!» И действительно, передние ряды вдруг отхлынули назад и на образовавшейся площадке оказалась чугунная Царь-пушка. Быков, которые ее притащили, быстро развели в разные стороны, и два дюжих бронзовых молотобойца вкатили в жерло пушки чудовищное ядро. Зрелище это было настолько ужасным, что противник дрогнул, и в поредевших рядах богов началась паника.

«Ну, милая, хоть раз послужи!» — крикнул один из молотобойцев. Ядро при этом выкатилось из жерла прямо на кричащую статую, расплющило ее и откатилось в сторону.

Пришельцев уже начали было рассеивать по близлежащим улицам и переулкам, когда в небе опять захлопотало: «Резерв давай!» Долгожданная команда как будто удвоила силы пришельцев. Около сотни гипсовых пионеров подняли свои бутафорские горы, поправили облупившиеся барабаны, и поплыло над Парижем гулко: «Вставай, вставай, дружок...»

А тем временем одновременно в нескольких местах более пяти тысяч низкорослых крашенных статуй швырнули на землю гипсовые кепки и зашалаги к Эйфелевой башне.

С долгим криком «ур-раа!» бросился резерв пришельцев на армию хозяев, но те вдруг выпустили свои запасные части, и поползло по улицам черт-те что: какие-то железобетонные динозавры и гигантские Микки Маусы, кафельные слоны, и черепахи, и мозаичные герои киножазов. А за всем этим зверьем двинулись совсем непонятные фигуры, не имеющие ни формы, ни, может быть, даже содержания.

Армия пришельцев пришла в движение. Кто-то маленький, гипсовый и с большими усами крикнул: «Братва, абстракция поперла!» И тут же несколько сот таких же усатых, в наглухо застегнутых френчах, бросились с обеих флангов вперед. Им удалось обогнать вражескую армию и, миновав статую с Мамаева кургана, они окружили женщину с острова Либерти. Сотни полторы повисло их на ногах у Свободы, а та принялась отмахиваться от разъяренных усачей, как от мух, единственной целой рукой.

Вскоре почти все усатые были раскрошены и раздавлены, но статуя с Мамаева кургана сумела воспользоваться случаем: она ухватила противницу за шипы головного убора. Отбиваясь кулеть, статуя с острова Либерти успелась свободной рукой за пояс противницы, улучила момент и днула ее ногой в каменный живот. В воздухе послышался такой грохот, что несколько вертолетов замертво упали на землю, два истребителя столкнулись в воздухе, а обе армии отхлынули друг от друга.

Лицо статуи с Мамаева кургана сделалось ужасным. Она покачнулась, отступила на несколько шагов назад и со страшным грохотом повалилась в Сену.

Жуткий рев потряс Париж. Кричали все, кто еще имел такую возможность, и даже головы, отбитые от своих каменных туловищ, разинув рты, хрипели и шипели.

И тут же к женщине с острова Либерти кинулись все, кто хоть как-то мог противостоять ее

могучей силе. Сверкая на солнце нержавеющей сталью, «колхозница» швырнула свой серп на землю и протаранила головой вражескую Свободу. «Рабочий», вслепую размахивая молотом, ударил ее по ноге. Несколько бронзовых скульптурных композиций, из тех, что помощнее, бросились Свободе под ноги. Отовсюду слышались крики: «Гипс за гипс, бронза за бронзу!»

Наконец, статую с острова Либерти повалили на землю и она, ударившись головой о здание, утонула в клубах пыли.

Хозяева бросились было защищать поверженную Свободу и уже отбили ее неподвижное тело, но тут противник резко отступил.

«Зовите его! Зовите ЕГО!» — кричали пришельцы, и вместе с тем они отходили все дальше и дальше вглубь улиц и переулков, а затем разделились на два потока, образовав посредине широкий проход.

Обе армии на какое-то время замерли. Только вертолеты да самолеты нарушали зловещую тишину высоко над городом. Наконец, послышались тяжелые шаги, а вскоре в образовавшемся проходе показались два бронзовых матроса, увешанные гранатами и пулеметными лентами. Они несли на своих могучих руках гигантский гранитный бюст человека с усами и маршальскими погонами.

«А-а-а!» — нестройно заорали пришельцы. Потрясая оружием, они шли за усатой головой плотными шеренгами. А гранитный бюст зловеще покачивался на руках у бронзовых матросов, и при виде этой странной головы хозяева дрогнули. Динозавры и Микки Маусы, слоны и черепахи потянулись назад. Боги и полубоги сгрудились под Эйфелевой башней и как загипнотизированные наблюдали за приближением усатой головы.

Но тут великое множество бесформенных скульптур хлынуло вперед, и тут же оба бронзовых матроса были сбиты с ног, а гигантский бюст рухнул на мостовую.

К упавшей голове подбежал огромный мраморный атлант, поднял ее над собой и швырнул вслед отступающей вражеской армии. В рядах гипсовых вождей и колхозниц образовалась широкая просека, голова прокатилась по ним как катак, оставляя позади себя мелкую щебенку. А когда ветер унес пыль, в конце этой просеки, среди поверженных собратьев, лежало лишь гранитное красное ухо величествен с корыто.

Наблюдая за боем с крыши кафе, бронзовые фигуры постепенно исчезали, они уходили по очереди через люк, через который и попали туда. И лишь одна из них — курчавый мужчина в длинной накидке — склонив голову, печально прогудел: «Во что Париж превратили!»

Еще на улицах и в переулках Парижа шли бои, когда на опустевшее поле сражения, словно гигантский танк, выполз охранитель царских усыпальниц — древний сфинкс. Он равнодушно осматрелся, затем подполз к поверженной Свободе и лизнул ее своим шершавым каменным языком.

После этого египетский получеловек-полузверь с грохотом подполз к останкам женщины с Мамаева кургана и, вытянув каменную шею, лизнул и ее.

Солнце клонилось к закату. Париж утонул в пыли, словно после невиданного извержения вулкана. А по улицам города, среди белых холмов гипсовых и мраморных осколков, среди нагромождений расплющенных, искореженных статуй бродили спятившие от ужаса и горя парижане. Им было жалко своей столицы и Эйфелевой башни.

...В начале июня, а именно пятого числа, Павла Ивановича повезли на открытие памятника жертвам сталинских репрессий. Павел Иванович с удовольствием отказался бы от этого хлопотного мероприятия, но он был автором проекта.

Памятник вышел грандиозным. Только для того, чтобы накрыть его, понадобилось около тысячи квадратных метров брезента. Когда же брезент автомобилями стянули с памятника, собравшиеся ахнули: памятник впечатлял. Группа изможденных людей, каждый из которых был не менее семи метров росту, стояли, прикованные многопудовыми цепями к постаменту.

— Не уйдут? — шепнул Павлу Ивановичу заказчик.

— Вообще-то, металл тонкий, а цепи настоящие, — тихо ответил Павел Иванович. — Хотя... кто его знает. Ну, не дай бог, не дай бог.

Вечером того же дня в ворота мастерской к Павлу Ивановичу громко постучали. Чашка с горячим кофе выпала из рук пожилого скульптора, но он этого уже не почувствовал.

ВИЗИТКА

Здесь не хватит места для того, чтобы перечислить все имена художников монархического реализма, имперского, капиталистического и реализма развивающихся стран. А если серьезно, то соцреализм — это не художественный метод, как нам его представляли, а прокрустово ложе социмперской идеологии. Соцреализм — это гипсовые пионеры и облупившиеся статуи вождей, похожие на олигофренов, на каждой станции. В Саратове, например, таких фигур — пруд пруди.

Соцреализм — это и десятиметровые вожди, намалеванные на скорую руку. Я сам их малевал, а вот теперь, что называется: «Я тебя породил, я тебя и убью».

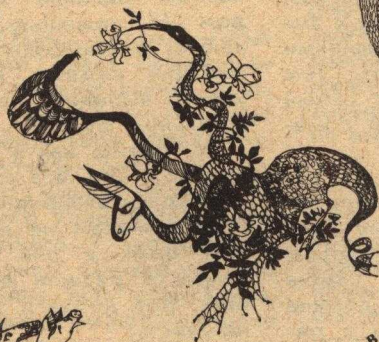
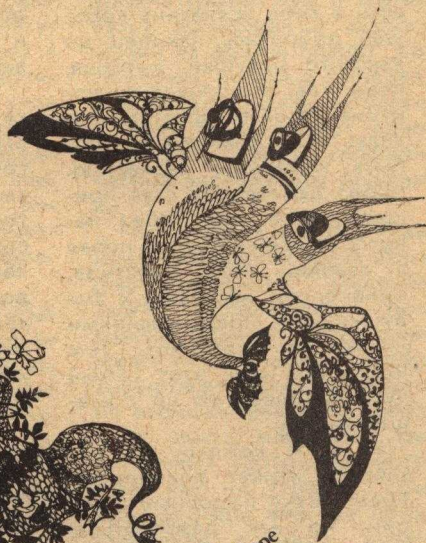
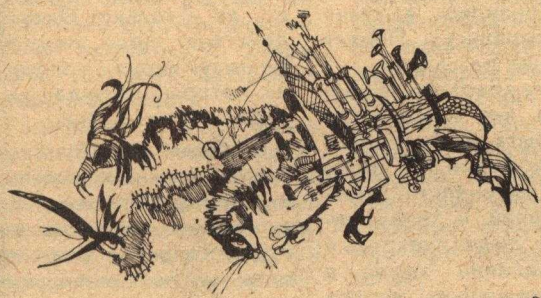
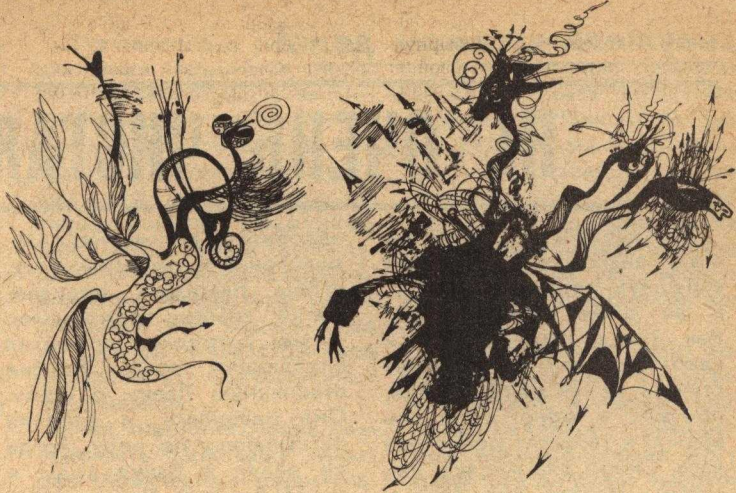
Насчет авангарда: авангард — это всегда поиск. Все сиюминутное, бездарное отсеется, останется шлих. По нему и будут судить о нашем времени потомки. А авангард пойдет дальше. Он всегда впереди, потому и зовется авангардом. Я не понимаю тех, кто с пренебрежением относится к авангарду. Это же разведчики. Они по крупницам отыскивают то самое золото, из которого потом льют монеты.

Андрей Саломатов родился в 1953 году. Начинал как художник. Много путешествовал. Обошел пешком полстраны. В Средней Азии ловил змей и черепах, на севере — валил лес, в Крыму — писал на заказ картины вроде «Слет пионеров у обелиска славы». Работал буфакором, художником, сторожем, литературным консультантом. Печатался в журналах «Детектив и политика», «Пионер», «Юный техник», «Советский школьник», в газетах «Совершенно секретно», «Книжное обозрение», «АВТО» и др.

КАКОВ ВОПРОС — ТАКОВ ОТВЕТ

«ПАРУС»: Похоже, что вы не любите и соцреализм, и реализм вообще. Вы считаете, что будущее за авангардизмом?

А. САЛОМАТОВ: Если говорить о реализме вообще, то я очень люблю таких мастеров феодального реализма, как Боттичелли, Брейгель, Дюрер, Крахань и т. д.

Вообще-то такая «драконовская» выставка в этом номере не планировалась. Просто мы попросили студентку Минского художественного училища Лену Виноградову сделать иллюстрации к рассказу, главный герой которого обычный трехголовый Змей Горыныч. Лена добросовестно Нам оставалось только выбрать один из нескольких вариантов. И вот тут выяснилось, что задача невыполнима. Потому что все Горынычи нам нравились одинаково. То есть редакция пошла на поводу у юной художницы. Вот так и случился этот первый в жизни Лены персональный вернисаж. Надеемся, что читатели нас поймут и решение наше одобряют.

ОДНА ГОЛОВА ХОРОШО,
А ТРИ ЛУЧШЕ

НЕ ОЧЕНЬ ЧИСТАЯ СИЛА

Все началось с того, что моя знакомая рассказала страшную нервную историю. В ее доме завелся Стук. Как только она входит в квартиру, что-то начинает стучать, да так заигрывающе, причем, в одно и то же время, и таракит ровно два часа. Скоро два месяца, как стучит. Начала она призывать к себе всяческих ворожей, добралась, наконец, до какой-то бабушки, которая, пошептав, помолившись, покурив какой-то аромат, сказала: если домой стучит, быть какому-то несчастью. Через две недели стук прекратился, а еще через некоторое время друг ее попал в аварию. Моя знакомая, однако, это несчастье с бабушкиными предсказаниями никак не связывает. Тем не менее, стук этот самый чуть не довел ее до помешательства.

И я, и каждый из читателей может понарасказывать кучу подобных историй, но как разобраться, что происходит на самом деле? Видимо, ответ должна дать наука. Поэтому я решила обратиться за разъяснениями к заведующему отделом теоретических проблем АН СССР Эрасту Ивановичу АНДРИАНКИНУ.

А он сам начал с довольно страшной истории.

В хорошем доме на окраине поселка Н. поселилась молодая семья. Муж — шахтер, его жена — учительница и маленький сын. И вот в этом доме началась прямо какая-то чертовщина: на ребенке ни с того ни с сего загоралась одежда, на обоях появились изображения гробов, однажды обнаружили даже вонзенные в стену кусочки стекла...

— Мы не могли не среагировать на эту жалобу, и наш сотрудник выехал на место происшествия. По-

надобились долгие часы размышлений и экспериментов, чтобы разгадать проказы, мягко говоря, домовушки.

Наш сотрудник проделал следующий опыт: бросил стеклянную банку о стену. Она разбилась, и осколки рассыпались по полу. Тогда он налил в банку воды и снова бросил. Представьте, осколки вонзились в стену и не осыпались. Первая загадка была разгадана.

Якобы самовозгорающаяся одежда, как выяснилось, была покрыта специальным составом, который при высушении воспламенялся... А потом разгадали и тайну настенных рисунков: свекровь в черном одеянии зашла в дом (с помощью своего ключа) и выцарапала угрожающий символ. Но при уходе выронила обычную вязальную спицу.

Ну, прямо, как в фильме ужасов. Хотя все объяснись удивительно прозаично. Родственникам не нравился этот брак, и они просто-напросто решили его разбить. Вот до чего доводит ненависть.

О гипнотическом влиянии человека на человека можно говорить много. Но я скажу только следующее: когда создается стрессовая обстановка, человек становится очень податлив подобным действиям. И ему начинает казаться, что вокруг него происходит нечто странное.

Вот как мы смоделировали одно «чудо». Гипнотизер, воздействуя на сомнамбулу своим голосом, приводит его в определенное состояние, а затем берет в руки книгу и ходит с ней по комнате. Что же видит сомнамбула? Что книга, раскрытая книга, сама собой перемещается по комнате, перелистываются страницы, видит даже текст.

А вот подтверждение на-

шей модели на практике: в одном городке прошел слух, что врач поликлиники умеет уменьшать человека в росте. И представьте себе, что все, кто ходил смотреть чудо, говорили, что действительно видели, как стоящий перед доктором человек становился маленьким-маленьким, как гномик. Чудо, да и только. Оказалось, действие: люди, поддаваясь гипнозу, верили голосу врача, который убеждал их, что перед ними гномик.

В общем, если б вы только знали, сколько жалоб на всяких там барабашек и домовушек получает наш институт... Конечно, все проверить мы не можем, просто не располагаем достаточным количеством сотрудников, времени и средств. Однако некоторые расследовать приходится, и очень часто оказывается, что непонятные вещи, происходящие у нас дома, — результат чьей-то целенаправленной деятельности. Одним из видов которой является так называемая ИТД.

Дело в том, что индивидуально-трудова деятельность может нести в себе немало криминала.

Человек унес с работы слиточек бронзы и решил выплавить из нее подсвечник (который стоит, кстати сказать, рублей сто). Для этой работы ему необходимо сделать вытяжку, но не в окно, а в вентиляционный канал (по соображениям конспирации). И вот канал расверлен и туда дополнительно вставлен вентилятор, так как без него нельзя полностью обеспечить вытяжку вредных веществ. Выплавка, или, в иных случаях, сварка, происходит, допустим, на третьем этаже, запах же может чувствоваться на четвертом и даже на втором.

«Странный» запах должен быть обязательно слабым, иначе его быстро «засекут» соседи и пожалуются куда надо.

Этот слабый, но постоянно действующий раздражитель может привести к тому, что человек сходит с ума. Но помешательство скорее заинтересует медиков, чем милицию. Ведь даже по сигналу милиционер не учует слабый запах, а если и почувствует, то не сочтет за криминал.

Совсем чудеса происходят со звуками. Если вентиляционный канал рассверлен, достаточно открыть форточку и подойти к двери, чтобы услышать настоящее рычание домового.

Гадалкам дальше очень легко строить свои предсказания, так как домовый действует в определенной промежуток времени, скорее всего после работы, и в определенный отрезок времени — несколько часов.

Или у вас вдруг начинают падать предметы. Это уже, скорее всего, «виноват» деревоотделочный станочек. Станок работает, вибрирует, и в резонанс с ним входит какой-нибудь предмет из вашей квартиры, например, будильник. Он, естественно, падает, допустим, среди ночи (ИТД ведь протекает в основном в нерабочее время). Будильник падает, хотя к нему никто не прикасался.

Есть еще масса случаев присутствия так называемого барабашки.

Представьте себе, что вы абсолютно здоровы, веселы и счастливы. На улице — летний зной, а в квартире прямо-таки жара. И вдруг при 24 градусах по Цельсию вам становится так холодно, ну, прямо до озноба. И никак не согреться, и никакие свитера не помогают. Где искать причину? Мы, как правило, находим ее у соседей. И не всегда близких.

Для некоторых работ итэ-дэшникам требуется большой расход воды, а значит, надо переделывать краны. Система водоснабжения обдувается воздухом. Если в шахте, где расположены канализационные коммуникации, начать гнать вентиляцию, то охлаждаются трубы, а значит, в квартире резко холодает. Вот каково даже не научное, а чисто бытовое объяснение барабашкиных заигрываний.

Итак, подобного рода деятельность барабашки имеет ряд характерных признаков: ощущение холода при высокой комнатной температуре, падение температуры в одной определенной квартире, присутствие запахов типа жженого железа, моющих средств, бытовой парфюмерии, но только очень слабых, едва уловимых и постоянных, страшное завывание при открывании форточки.

— Одним словом, — продолжает Эраст Иванович, — очень многие случаи появления барабашки можно объяснить либо воздействием гипноза, либо деятельностью наших соседей. И никакого волшебства, потустороннего воздействия здесь нет. Однако... у нас в отделе есть сотрудники, которые считают вполне реальным существование левых структур разумных существ, жизнь в совершенно других полях, то есть не наша форма жизни, а, например, форма заряженного шара, не имеющего материальной субстанции, но, тем не менее, умеющего мыслить... Полтергейст в таком случае есть как бы проекционное (шуточное) отображение этой жизни.

Лично я не разделяю этой точки зрения. Я считаю, что все это имеет сугубо земное происхождение, как-то: влияние погоды, определенные заболевания, магнитные бури, деятель-

ность человека и т. д., но и не отрицаю существования на свете волшебных явлений, так как может оказаться, что наш трехмерный мир есть проекция десяти-мерного мира. И волшебное может проявляться, как некое очень-очень сложное явление, пока, увы, непостижимое. Я не исключаю волшебного.

Как и не исключаю возможность прилета инопланетян, может, в нашей галактике — миллион цивилизаций, которые вполне могли развиваться до очень высокого уровня (равно как и погибнуть), возможен и «занос» жизни из других планет. Хотя случаи, которые в последнее время описаны в прессе, у меня не вызывают доверия. Это, скорее, геофизические явления или подделка.

Но самое, я считаю, главное в отношении всего этого фантастического, мистического и волшебного — правильно понимать, что наша жизнь — сочетание детерминированного и случайного, не отрицать никакого полезного опыта, например, религиозных воззрений, которые, как ни странно, обогащают наше научное представление о мире, нужно привыкнуть и к той мысли, что некоторые явления мы ни сейчас, ни в ближайшем будущем не сможем постигнуть, что чего-то нам пока не дано объяснить.

Однако закончить нашу беседу я хотел бы в мажорных тонах. Человеческая мысль не стоит на месте. Возможно, для объяснения явлений подобного рода нам потребуется создать новые направления в науке, но это дело сменяющего нас поколения. И, может быть, потом явления полтергейста будут для нас так же легко и просто объяснимы, как сейчас мы объясняем ребенку, что такое молния.

Ольга СОКОЛ

НЕ ОЧЕНЬ ЧИСТАЯ СИЛА

Юрий БРАЙДЕР, Николай ЧАДОВИЧ

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИК

Рассказ

На службу Клешов привык являться загодя, хотя мотивы, побудившие его к этому, ничего общего с трудовым энтузиазмом не имели. За эти, каждодневно отрываемые от личного времени, час-полтора он успевал собрать уйму информации по многим горячо интересующим его вопросам. Причем, пользовался исключительно ушами да изредка — вполне безобидными наводящими вопросами. Более того — мнительный, как и все фартовые люди, Клешов вбил себе однажды в голову, что именно таким способом сможет когда-нибудь обмануть судьбу. Представлялось это ему примерно так: если в длинной череде дней выпадет вдруг тот единственный, отмеченный свыше неумолимой черной силой, когда у кого-либо из постовых милиционеров или у своего же брата-инкассатора сорвется с языка удивленно-злорадное: «Слыхали про нашего Клешова? Кто бы мог подумать!», он в этот самый момент обязательно окажется где-нибудь неподалеку, как всегда тихий и незаметный, как всегда чуткий и зоркий. И тогда еще все можно будет изменить, хватит и времени, и сноровки, и хладнокровия. Опять капкан лязгнет впустую, опять облава пронесется мимо, опять неуловимой тенью проскользнет он под красными флажками.

Потолкавшись немного среди клиентов в операционном зале и заглянув во все служебные помещения банка, вход в которые не был ему заказан, Клешов, как обычно, закончил свой рейд у кассовой стойки, за которой, скрытая от посторонних глаз матовым стеклом, восседала его давняя знакомая Инна Адамовна Тумасян. По годам ей полагалось быть еще женщиной хоть куда, однако длительное общение с огромными суммами чужих денег при почти полном отсутствии своих собственных не пошло Инне Адамовне на пользу. Она рано увяла, обабилась, была оставлена мужем и, судя по всему, успела утратить интерес к жизни вообще и к мужчинам в частности. Исключение делалось только для Клешова, человека по всем статьям положительного, мало-помалу да к тому же еще и члена бытовой комиссии месткома.

Приняв от Клещова хрупкую, слегка примороженную гвоздику (накануне приобретенную им на колхозном рынке, причем, чистый доход от этой несложной финансовой операции составил без малого десять червонцев), Инна Адамовна тут же принялась обмахивать ею на манер оперной Кармен. Недолгая их беседа, состоявшая главным образом из обмена слухами относительно намечавшейся вскоре эпидемии какого-то чрезвычайного опасного гриппа, уже заканчивалась, когда Клещов как бы невзначай поинтересовался:

— Ну, а на работе у вас какие новости?

— Ах, не говорите! — Инна Адамовна трагически взмахнула гвоздикой. — Вчера вечером опять фальшивую купюру изъяли. Сторублевую. И до чего аккуратно сделана! Только на гербе не все надписи читаются да в защитной сетке дефекты имеются. Прямо кошмар какой-то!

— Специалисты, — выдал из себя Клещов, ощутив в левом подреберье острую, короткую боль. — А глянуть можно?

— Уже сдали в милицию.

— Давно?

— Часа два прошло...

Машинально поглаживая правую сторону паха, где в потайном карманчике хранились ровно десять сотенных бумажек — родных сестричек той, о которой рассказывала Инна Адамовна, Клещов вышел на крыльцо. Влип, подумал он, подставляя ветру разгоряченное лицо. Неужели опять влип?

Клещов не был трусом, муками совести никогда не страдал — бог миловал! — однако, давным-давно привыкнув к ежедневным своим преступлениям, привык и к каждодневному страху (хотя страх этот не был страхом глупого и беззащитного зайца, скорее он был сродни страху многоопытного, не однажды битого волка, прекрасно знающего цену и себе, и своим врагам).

Что же делать? Что? Притихнуть, залечь на дно, замереть на время? А деньги? Новенькие, почти настоящие деньги, которые даже сквозь кальсоны нестерпимо жгут тело, похрустывают под ладонью, просятся на волю? Сколько положено на них труда, сколько надежд с ними связано! Ведь два часа всего и прошло! Вряд ли громоздкая милицмейская машина успела уже раскрутиться на все обороты. Пока не застучали телетайпы, пока не запищали радики, пока не побрели по значным местам патрули и участковые, предупреждая всех встречных и поперечных, надо действовать! Действовать! Действовать решительно и быстро!

Нахлобучив ушанку глубже на глаза, он бросился к автобусной остановке. Уже не разум вел его, а могучий слепой инстинкт. Так иногда зверь, случайно избежавший засады и уже сбивший со следа гончих, вновь возвращается к логову, чтобы спасти свое потомство, своих беспомощных детенышей, самое дорогое, что только может быть у всех живущих на этом свете.

А вот для Клещова самым дорогим на свете были деньги!

Центральные ворота колхозного рынка украшали две бетонные, крашенные под бронзу фигуры одинаково огромного размера. Фигура в спецоке и сдвинутой на затылок кепке опиралась на сноп пшеницы, фигура в косынке и платье до щиколоток протягивала перед собой корзину, полную фруктов, — и, скорее всего, никаких других колхозников поблизости не имелось. Промышлял

тут, в основном, люд приезжий, лукавый и загребуший.

Решительно отвергнув услуги развязных коробейников, предлагавших ему целые кипы мутных черно-белых открыток, на которых чеканный профиль вождя соседствовал с пушистыми котиками, Клещов прошел за ограду. Овощные и мясомолочные ряды уже пустовали, но там, где торговали цветами, семечками и южными фруктами, народ еще толпился. Многочисленные свечки, горевшие в прозрачных ящиках с гвоздиками и тюльпанами, придавали рынку сходство с каким-то запущенным храмом или с кладбищем в день поминовения.

Вчерашнего каквзца Клещов заприметил еще издали. Поминутно сморкаясь и чихая, тот топтался на прежнем месте, простуженным голосом рекламируя свой нежный товар.

У-у, спекулянт проклятый, выругался про себя Клещов. Дернул же тебя нечистый разменять сотню! Наверное, в ресторане перед девочками решил шикануть? А что, если милиция уже вычислила его? Не исключено. И вполне возможно, что стоит он здесь сейчас совсем не по своей торговой надобности, а по чьему-то строгому приказу, высматривая в рыночной сутолоке давешнего покупателя. Смотри, смотри, генацвале! Скорее ты свой Казбек отсюда увидишь, чем меня!

Клещов резко повернул и устремился к фруктовому павильону. Пробормотав что-то насчет жены и родильного дома, он попросил плосколицего восточного человека с загадочным, а может, просто заспанным взором, взвесить полкило бессовестно дорогого винограда. Получив кулек, Клещов долго копался по карманам, звеня мелочью и шестеста рублевками, потом с печальным вздохом вытащил сотенную: «Прости, друг, других нет!» Потомок Железного Храма долго мял бумажку, рассматривал ее на свет и даже нюхал, однако в конце концов сполна выдал сдачу мокрыми десятками и пятерками.

Вторую купюру разменял для него в шашлычной какой-то явно безденежный алкаш. «Сбегай, приятель, за сигаретами, от товара не могу отойти. Пятерик можешь себе оставить...» Третья бесследно исчезла в людском водвороте вместе с миловидной блондинкой, о непростых жизненных обстоятельствах которой красноречиво свидетельствовал небрежно зашукатуренный синяк под глазом. Напрасно прождав красотку почти полчаса, Клещов, проклиная все на свете, а в особенности бесчестных баб, бросился на поиски очередного подставного «лоха», однако совершенно случайно столкнулся с плечистым мужчиной, чей мимолетный, но пристальный взгляд неприятно резанул его.

Поспешно скрывшись в толпе, Клещов сделал по рынку несколько замысловатых петель и заперся в кабине туалета. Там он торопливо, не чувствуя вкуса, сожрал виноград — не пропадать же добру! — и утопил в унитазе все оставшиеся сторублевки, изорвав их на мелкие клочки.

Клещов уже миновал увековеченных в бетоне тружеников села, когда к воротам, мигая синим маячком, подлетела милицмейская автомашинка. Из нее выскочили двое (слава богу, не оперативники — сержанты наружной службы в черных дублених полушубках) и бегом бросились на территорию рынка. Навстречу им кто-то в штатском вел громко причитающую блондинку. Сержанты еще не добежали до них, как штатский махнул рукой куда-то вглубь, — туда, мол, давайте, да побыстрее! Невнятно донесли обрывки фраз: «В кро-

лицей шапке... среднего роста... в руках кулек с виноградом...»

...Жил Клещов на окраине, в ветхом бревенчатом домишке, давно предназначенном на снос, как, впрочем, и все другие строения на улице. Однако по неизвестной причине снос этот постоянно откладывался, жилой фонд ветшал без ремонта, заборы заваливались, водоразборные колонки или бездействовали, или безудержно фонтанировали, тротуары зимой тонули в сугробах, а летом — в лопухах.

Цепной кобелина Пират, уступавший легендарному Церберу только количеством голов, но отнюдь не размерами и свирепостью, глухо заворчал, почуяв хозяина. Главной его страстью было наполнение утробы, однако Клещов не очень-то поощрял это, не без основания полагая, что неудовлетворенные желания должны побуждать людей к инициативе и творчеству, а зверей — к бессоннице и злобе.

Не зажигая в доме света, Клещов спустился в подпол, где у него было оборудовано нечто вроде слесарной мастерской. Внимательно проверив одному ему известные тайные знаки, Клещов убедился, что никто из посторонних не побывал здесь в его отсутствие, и только после этого сдвинул в сторону старинный, наполненный всяким хламом шкаф, за которым обнаружилась низкая металлическая дверца, запертая на навесной замок.

В потайной комнате было душно, пластами висел сизый табачный дым, пахло типографской краской и немытым человеческим телом. Почти все наличное пространство комнаты занимала гудящая, лягающая машина — некий гибрид печатного станка Гутенберга и современного промышленного робота. С большого барабана медленно сматывалась лента бумаги, снабженная водяными знаками, в четочном ритме шлепали разнообразные клише и штемпели, нумератор, управляемый датчиком случайных чисел, выставлял в положенном месте семизначный номер, гильотинный нож отрубал от ленты готовые купюры, которые, пройдя напоследок еще через один аппарат, придававший им потертый и засаленный вид, огромными бабочками выпархивали в картонный ящик из-под импортных консервов. В углу на табуретке дремал Боря Каплун, главный конструктор, единственный строитель и вечный раб этой машины — золотые руки, светлая голова, голубиная душа, горькая пьянь.

Под тяжелым взглядом Клещова он проснулся и радостно осклабился:

— Кто к нам пришел! Шефу-у-у-ля! А я тебе, шефуля, миллион напечатал. Ты теперь богат, как Ротшильд. Надо бы спрыснуть это дело!

— Перебьешься, — буркнул Клещов, поймав в воздухе очередную купюру. Да, все точно! Имеются дефекты в защитной сетке. А про надписи на гербе он и раньше знал. Как-никак сам клише резал. Полжизни, считай, на это дело ушло, и все впустую!

Единственным предметом — кроме физкультурки, конечно, — по которому Клещов в школе, а потом и в училище полиграфистов, имел твердую пятерку, было черчение.

Первую свою фальшивку он изготовил пятнадцать лет от роду на клочке синей тетрадной обложки при помощи линейки, школьного рейсфедера и туши. Это был билет в кинотеатр на популярный в то время двухсерийный фильм «Великолепная семерка». Билет получился — лучше настоящего. В училище Клещов занялся изготов-

лением медицинских справок, освобождавших от занятий — не задаром, конечно. Печати и штампы перекатывал со старых, использованных бланков свежесваренным крутым яйцом. Научился виртуозно копировать любые почерки. Сгорел по глупости. Понадеявшись, что никто не станет вчитываться в неразборчивые «медицинские» каракули, выставил в очередной справке диагноз: «Вывих пищевода». Разбирательство было долгим и шумным, однако по молодости лет его пожалели — дали доучиться.

Впрочем, все это в конечном итоге можно было считать шуточками. Настоящая работа началась много позже, когда Клещовым уже овладела неудержимая страсть к деньгам. Времена «трудные, но светлые» как раз сменились временами легкими, но темными.

В памяти Клещова этот момент почему-то ассоциировался с исчезновением в гастрономах колбасы, началом джинсовой эпопеи и первыми судорогами книжного бума. Многие его сверстники и, что самое обидное, даже знакомые, стали обзаводиться машинами, дачами, кооперативными берлогами, импортным барахлом. Не за зарплату, само собой. Все это хотелось и Клещову. Да еще как хотелось! Может быть, впервые в жизни он задумался всерьез и надолго. Единственное, что он умел делать в совершенстве, — чертить, рисовать, копировать. Вывод напрашивался сам собой. Первую фальшивую десятку он рисовал целый месяц, все вечера напролет. За зиму он основательно подпортил зрение, но набил руку. Трудностей со сбытом на первых порах не было, однако во время пятой или шестой попытки, уже подходя к покупкам к кассе, он заметил, что каждый предъявленный червонец подвергается скрупулезному осмотру. Как на беду, других денег с собой у Клещова не имелось. Он попробовал повернуть назад — не удалось, напирала нахватавшаяся дефицитов толпа. Пришлось притвориться безденежным пьяницей. Из магазина его выдворили за шкуру, к счастью, без мордобития. Наутро Клещов ощутил где-то в сердце тоненькое булавочное острие, которое впоследствии всегда сопровождало его, то почти исчезая на время, то разрастаясь до размеров кинжала.

Забросив трудоемкие и весьма ненадежные живописные опыты, Клещов засел за разработку технологии типографского метода, для чего по книгам изучил фотододел, целлюлозно-бумажное производство и материаловедение. Устроился работать гравером в мастерскую Худфонда. Малыми партиями скупал по деревням самую тонкую овечью шерсть и подходящее по номеру льноволокно. На все это ушел не один год и немало настоящих, всамделишных денег. Наконец, дело пошло, обещая головокружительный успех в самое ближайшее время. Однако сбыть удалось всего двадцать купюр, да и то, в основном, подслеповатым базарным торговкам или подвыпившим буфетчицам. Неважные получились деньжонки, может быть, даже хуже тех, рисованных. Несколько раз Клещов спасался буквально чудом. Вдобавок вышли неприятности на работе — его поперли из мастерской, обвинив в краже литографского камня. Пришлось, бросив все, ретироваться в другой город. Из всех этих порух и бедствий Клещов вывел следующее резюме: удачу может гарантировать только фальшивка, выполненная в точности, как оригинал, или, в крайнем случае, еще лучше его. Как тот, первый, незабвенной памяти, билет в кино. А на это у него недоставало ни знаний, ни опыта, ни технической сноровки.

Резкая перемена к лучшему наметилась в его жизни только после встречи с Борей Каплуном. Однажды метельным декабрьским вечером тот остановил Клещова возле стеклянной забегаловки, известной в городе под названием «Мутный глаз», и предложил в обмен на стакан вина открыть тайну путешествий во времени. Сухой колючий снег больно хлестал по лицу, забивался за воротник, а Боря, одетый в штопаный лыжный костюм и дырявые кеды, ничего этого словно не замечал. В таком виде он действительно походил на пришельца из совсем других веков.

История Бориных злоключений вкратце выглядела примерно так. Был он изобретателем, как говорится, милостью божьей. Современное состояние техники совершенно не устраивало Бору. Он был непримиримым врагом банальных истин и тривиальных решений. Если для какого-нибудь устройства ему требовалось колесо или, скажем, болт, он всякий раз изобретал это колесо или болт заново, используя свежие, принципиально новые и нередко совершенно дикие, на первый взгляд, идеи.

Пользуясь всеми этими счастливыми обстоятельствами, Боря мог бы успешно подвизаться в любом БРиЗе или КБ, создавая что-нибудь пусть и нехитрое, но позарез нужное народному хозяйству. Однако его талант был совершенно иного свойства. Борины изобретения были или абсолютно не нужны людям, или могли понадобиться им лет эдак через двести. Среди его любимых детищ значились: самозавязывающиеся шнурки, самовар, способный функционировать в безвоздушном пространстве, способ уничтожения тараканов при помощи энергии квазаров, комплект индивидуальных защитных средств для ценных пород рыбы, обитающей в реках промышленно развитых стран.

Одно из этих изобретений, а именно — хронактор (если точнее: «Устройство для извлечения из объективного будущего материальных тел с заранее заданными свойствами») и стало причиной крушения Бориной жизни.

На явление хронактиции он наткнулся совершенно случайно, изучая возможность управления полем тяготения Земли. Сам хронактор ничего общего с машиной времени, так полюбившейся писателям-фантастам, конечно же, не имел. Согласно Бориной теории, основной характеристикой нашего мира является уровень энтропии, причем, в момент его рождения показатель этот был минимальным, а в момент гибели должен приблизиться к максимуму. Таким образом, время есть не что иное, как движение универсума (то есть всей нашей реальной Вселенной) от одного уровня энтропии к другому, более высокому. Точно так же реки, повинувшись силе гравитации, текут с холмов в низины. Если в какой-то замкнутой системе — хронакторе — создать энтропию более высокую, чем она есть в настоящий момент, какой-то ограниченный поток времени обязательно повернет вспять (в нашем примере с рекой роль хронактора может играть обычный вакуумный насос, подающий воду из реки на огороды). Понятно, что все материальные тела, захваченные обратным потоком времени, переместятся из будущего в настоящее. Вес этих предметов ограничивался силой притяжения Земли, поэтому они могли быть весьма невелики — книга, цветок, расческа. Впоследствии Боря, не любивший действовать на авось, дополнил свое

изобретение блоком избирательности, дабы поворачивать не первое попавшееся время, а лишь то, в котором содержались нужные ему вещи.

Академический институт, проводивший экспертизу хронактора, твердо придерживался принципа, что все, относящееся к его профилю, но созданное вне его стен, изначально является вещью идеалистической, антинаучной, а возможно, даже вредительской. Вследствие этого отрицательное заключение было предопределено заранее. Боря глубоко заблуждался, полагая, что, открыв что-нибудь необыкновенное, можно стать академиком. Все обстояло как раз наоборот. Прежде чем лезть в дебри чистой науки, необходимо было сначала нахватать званий и должностей.

Не чувствуя подвоха, Боря согласился на все предварительные условия, поставленные институтом. В чисто практических вопросах он был прост, как дитя. Целью поиска была выбрана информация — комиссия вполне резонно полагала, что ничего более ценного в будущем не имеется. На исходе семидесятого часа непрерывной работы, когда попеременно сменяющие друг друга эксперты уже начали многозначительно переглядываться, покручивая пальцем возле виска, а лимит электроэнергии института был исчерпан на квартал вперед, в приемном устройстве хронактора обнаружился черный диск величиной примерно с однокопеечную монету. «Пуговица!» — категорически объявил самый башковитый из членов комиссии, хотя диск при всей своей прочности был необычайно тонок и имел посередине только одно отверстие.

По настоянию Бори диск все же направили на комплексное физико-химическое исследование, в ходе которого он бесследно исчез после того, как при температуре в восемьсот градусов был подвергнут давлению в десять тысяч атмосфер. Лишь много позднее Боря стал догадываться, что вместе с диском исчезла и вся мудрость двадцать пятого или тридцатого века, записанная каким-то еще не известным нам способом.

Он решил бороться за свое изобретение до конца, хотя по натуре борцом вовсе не был. Вскоре Борино имя приобрело в научных кругах скандальную известность. Экспертизы, назначаемые одна за другой, благополучно проваливались. Молодежный журнал поместил фельетон, в котором характеризовал его как крохобора, маньяка и авантюриста.

Боря принялся топить горе в вине, чего раньше с ним никогда не случалось. Друзья от него отвернулись, зато появились прихлебатели. Ему советовали уехать за границу — дескать, там поймут, там помогут, там умеют ценить толковых людей. И однажды, в минуту тяжелой меланхолии, Боря обратился в ОВИР с соответствующим заявлением.

В ОВИРЕ сидели люди современные, образованные и неглупые, для пользы дела до поры до времени притворявшиеся дураками и бюрократами. Они сразу догадались, чем чревата утечка на сторону таких мозгов, и тут же сочинили вежливый отказ, мотивируя его причастностью Бори к военным тайнам (действительно, некоторое время он служил кочегаром в строительных войсках и успел немало узнать там об устройстве совковой лопаты и водогрейного котла).

Боря запил еще горше. В редкие минуты просветления он, на базе отвергнутого хронактора, создавал аппарат, способный перемещать во времени не только неодушевленные предметы, но и людей, причем, как в прямом, так и в обратном направлении. Непризнанный при жизни, Боря рвался в будущее. Для того, чтобы обойти огра-

ничение по массе, он разработал блок миниатюризации, уменьшавший человека — без всякого для него вреда — до размеров мыши.

Одновременно Боря подал в ОВИР новое заявление, в котором открещивался от своих прежних планов и просил разрешения на выезд в светлое грядущее. Вывод срочно назначенной психиатрической экспертизы, полностью совпавший с мнением общественности, был однозначен. В лечебнице Боря очень скучал, всячески уклонялся от процедур, не раз объявлял голодовку и смущал других пациентов, твердо ставших на путь излечения.

Отпущенный в свой срок на волю, Боря, потерявший прописку и жилплощадь, скитался по пивным, ночевал в подвалах, питался — а в основном, закусывал — добродетельными подавниями, все чаще боел и, несомненно, очоурился бы где-нибудь под забором, если бы судьба не свела его с Клешовым. Тот внимательно выслушал Борю, угостил, как и обещал, вином, привел к себе домой, а наутро засадил за работу. Убедившись через неделю, что Боря именно тот, за кого себя выдает, Клешов популярно объяснил гостю, что машина времени и противометеоритный зонтик для лунного туризма ему пока без надобности, зато позарез нужен простой, надежный и малогабаритный станок для печатания денежных знаков. Все Борины возражения морального плана он опровергал новой порцией выпивки.

Так непризнанный гений и неудавшийся академик стал соучастником обыкновенного фальшивомонетчика.

— Все, — сказал Клешов. — Глуши машину. Опять прокол.

— Засветился, шефуля? — счастливо улыбаясь шербатым ртом, спросил Боря.

— Не скайся, тебе тоже не отвертеться, если что.

— Я псих, справку имею. Что с меня взять?..

— Шкуру возьмут. Для чучела...

Вновь, как в давно прошедшие, потускневшие в памяти годы своей скучной и скудной юности, Клешов оказался на распутье. Нельзя сказать, чтобы он был сейчас беден, скорее наоборот — любой рыночный барыга, любой подпольный коммерсант, любая девочка из валютного бара, да что там говорить, любой житель этого многолюдного, светного города мог позавидовать ему. Уже имевшихся капиталов с лихвой хватило бы до гробовой доски. Кажется, живи себе и радуйся! Ан нет! Вся закавыка состояла в том, что жизнь и радость заключались для него вовсе не в возможности безоглядно сорить деньгами — деньги были жизнью и радостью сами по себе. Идея накопительства переросла в манию, в болезненную страсть. День, к исходу которого его казна не увеличивалась хотя бы на сотню-другую, считался прожитым впустую.

Таким образом, о сворачивании или даже о временном прекращении дела не могло быть и речи. Однако и лезть головой в петлю не хотелось.

Где же выход? Корпеть над клише? Совершенствовать технологию? Сомнительно. Лучше, чем есть, уже вряд ли получится. Технический предел достигнут. Тут даже гениальный Боря вряд ли поможет. Переквалифицироваться? Поменять профиль работы? Тряхнуть сберкассу, хлопнуть на маршруте кого-нибудь из коллег-инкассаторов? Не годится. Не потянет он «мокруху», не тот характер. Да и что толку от тридцати-сорока тысяч? Замахнуться на банк? Заказать Боре работа, сокрушающего бетонные стены и

прожигающего стальные двери? Бред, глупость. Вот если бы наловчиться брать незаметно. По-немногу, но регулярно. Когда хватятся, будет поздно. Тут шапка-невидимка нужна. Впрочем, в спецхранилище и в такой шапке не проскользнешь. Сигнализация там всякая наляпана, и на тепло реагирует, и на движение, и на звук. Нет, тут нужно придумать что-то совсем новое. Чтобы, скажем, не ты за деньгами лазил, а деньги сами к тебе пылили. Что-то он об этом вроде слышал. От Бори, кажется. Хвалился он, что из будущего может любую штучковину извлечь по заказу. А вдруг не сочинял? Да, заманчиво... Это был бы идеальный вариант. Пропали, допустим, в двухтысячном году у кого-то деньги — а я здесь при чем? Пусть себе ищут. Я до этих годков когда еще доживу. Плюс — никакая реформа не страшна. Они там еще только соберутся печатать новенькие денежки (с дифракционной решеткой на рисунке, с молибденовыми нитями в бумаге или с другим каким фокусом), а у меня их уже целый мешок приготовлен!

— Эй! — позвал он Борю. — Помнишь, ты про аппарат рассказывал... ну, тот, который время вспять поворачивает? Не врал?

— Не-е, — беззаботно ответил Боря. — Было такое дело, шефуля. Было да сплыло.

— А если опять попробовать?

— Не осילו. Одна труха в голове осталась.

— А ты не спеши, подумай. Пораскинь мозгами. А все, что надо, я достану.

— Раскидывать особо нечем. Усохли мозги. Впрочем, могу один адресок дать. Аппарат мой в том подвале валяется. Если, конечно, пионеры его еще в металлолом не сдали...

Несколько последующих суток Клешов провел почти без сна, в лихорадочном возбуждении, которое овладевало им всякий раз при начале большого многообещающего дела.

Хронатор оказался цел и невредим, пришлось только очистить его от паутины и мышных гнезд.

Остаток зимы ушел на прокладку к дому силового кабеля и добывание всякой мелочевки, необходимой для доводки и модернизации аппарата, как-то: японской волоконной оптики, шведских композиционных сплавов, турбонасосного агрегата от американской ракеты «Сатурн-5», бразильского натурального латекса, перуанской бальсы, отечественных двутавровых балок. Поскольку трезвому Боре мешали работать муки совести, а пьяному — алкогольные галлюцинации, на весь период монтажа, запуска и испытаний он был ограничен в спиртном и, благодаря заботам Клешова, постоянно пребывал в некоем среднем состоянии.

Программу для поиска сформулировал сам Клешов, ради такого случая записавшийся в читальный зал городской библиотеки. Была она, возможно, и не абсолютно точной, но зато поримски краткой: «Всеобщий эквивалент обмена, выражающий стоимость всех других товаров». К словесной формуле прилагались изображения различных образцов платежных средств, начиная от золотого императора и кончая зеленой тысяче-долларовой купюрой. Конечно же, не были обойдены вниманием родные рублики.

Первые сеансы поиска успеха не принесли, но Боря всякий раз успокаивал Клешова, поясняя, что хронатор находится в состоянии самонастройки и, как только указанное состояние закончится, деньги потекут Ниагарой.

Однако время продолжало равномерно и неумолимо двигаться от одного уровня энтропии к

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИК

другому, а Клешов, возвратившись с работы, каждый вечер заставлял одну и ту же картину: пустой лоток приемного устройства и вдребезги пьяного Борю, валявшегося на полу среди каких-то странных банок и флаконов. Едкая химическая вонь, исходившая из этих сосудов, вскоре забила все другие запахи подвала. За неполный месяц хронактор сожрал электроэнергию на пятьсот рублей и не дал ни копейки дохода. Кроме того, создаваемое им поле сверхэнтропии ужасным образом действовало на все находившиеся в доме предметы. Металлы стремительно корродировали, дерево превращалось в труху, ткани ветшали и рассыпались, стрелки часов крутились, как бешёные. Вылупившиеся ночью клопы на рассвете уже сами давали потомство, а к вечеру издыхали от старости. На Борином лице появились морщины, а на голове — плешь.

Клешов, в волосах которого стала неудержимо пробиваться первая седина, ходил мрачный, как царь Менелай после похищения Елены Прекрасной.

А между тем хронактор функционировал вполне нормально. Просто Боря, равнодушный к «всеобщему эквиваленту обмена», незаметно для Клешова заменил программу на «Спирт и спиртосодержащие жидкости».

Искомое поступало довольно регулярно, однако не всегда в удобном для употребления виде. Чаще всего это были лаки, клеи, денатураты, чистящие средства и другие продукты явно технического назначения. Боря мучился поносом, его неудержимо рвало, по телу пошли фиолетовые пятна. Однажды, после приема вовнутрь изрядной дозы жидкости для выведения бородавок, ему привиделась белая крыса с пронзительно яркими глазами, которая, держа наперевес гаечный ключ тринадцатого номера — ключ этот он долго и безуспешно разыскивал накануне, — промаршировала на задних лапах из одного угла комнаты в другой.

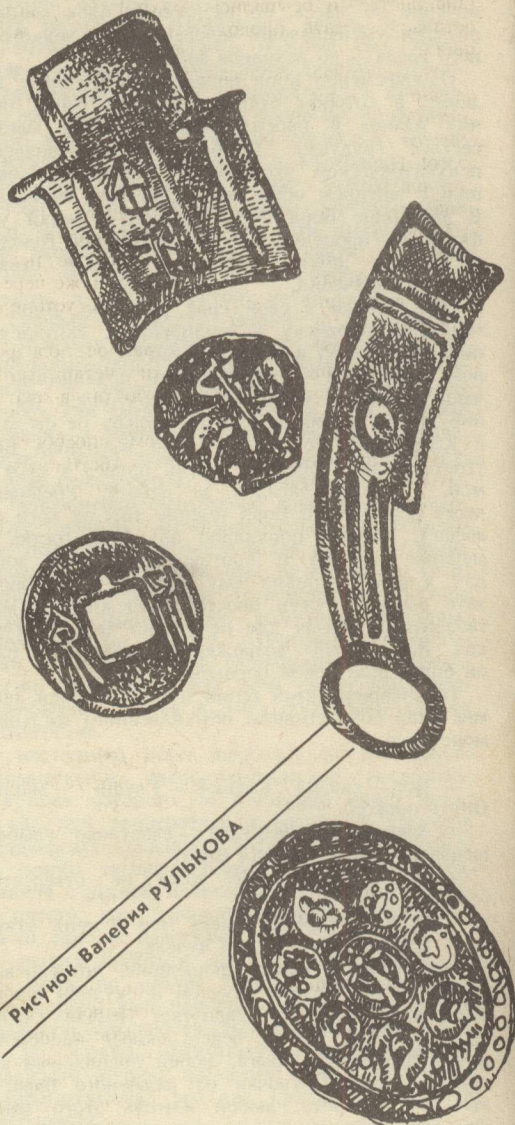
Однако трудно у них с этим делом, подумал Боря как-то раз, извлекая из хронактора одеколон «Венерианские зори». Вместе с флаконом из неземного василькового хрусталя в его руке оказался квадратик плотной бумаги, на которой очень красивым шрифтом было отпечатано десять строк на различных языках, включая иероглифы и арабские закорючки. Фраза на русском языке — как, очевидно, и все другие — гласила:

Объясните, пожалуйста, для каких конкретно целей Вам требуются спиртосодержащие жидкости. Заранее благодарен.

Аллен Яньцзяо Линьков,
инспектор-смотритель
116 зоны времени.

Боря поразился за потомков, так быстро вычисливших его, и на той же бумажке написал карандашом: «Чтоб забалдеть». Потом подумал немного и добавил: «Давайте побольше, не жалейте. Заранее благодарю. Борис Борисович Каплун, туняец».

Ответ последовал незамедлительно. Это была тоненькая книжечка, скорее даже брошюрка, судя по всему, факсимильное издание другой, выпущенной намного раньше. В книжке живо и убедительно описывались причины употребления спиртного, пояснялась химия алкогольного опьянения, приводились статистические данные о вреде пьянства по разным регионам планеты, а также подроб-

но излагались все этапы борьбы человечества с зеленым змием, закончившейся полным его поражением. Если верить книжке, последние в мире предприятия, производившие спиртное (в Глазго, Бордо и Бобруйске), были превращены в мемориалы общепланетного значения. Фигура последнего алкоголика Василия Петровича Сучкова была помещена в музей восковых фигур мадам Тюссо, между космонавтом Пилипенко, обнаружившим жизнь в метановых облаках Юпитера, и баронетом Джоном Гулдом, добывшим последнего дикого зайца-русака в Евразии. Для вящей убедительности там же экспонировался макет печени Василия Петровича в масштабе один к десяти и изъятый у него самогонный аппарат (нагревательным элементом в нем служил портативный ядерный реактор на быстрых нейтронах, а брожение осуществлялось при помощи специального штамма бактерий, созданных методом генной инженерии).

Едва только Боря закончил чтение, как страницы брошюры пожелтели, свернулись, как опав-

шие листья, и осыпались прахом, среди которого осталась лежать продолговатая пилюля желтого цвета.

Это, наверное, «колеса», решил несколько ошарашенный Боря. Логика его была нехитра: коль спиртное у потомков отсутствует, значит, балдеют они от чего-то другого. Ведь нельзя же без этого! Наркотиков он никогда раньше не пробовал, однако от товарищей по несчастью в лечебнице слышал про них много хорошего. Проглотив пилюлю, Боря прилег на койку, ожидая скорого эффекта. Однако ничего особенного не происходило. Чувствовал он себя прекрасно, даже чересчур, дрожь в пальцах прошла, в мыслях установился порядок.

Внезапно Борей овладело странное подозрение. В его прояснившейся памяти четко всплыла фраза из брошюры, на которую он вначале не обратил внимания:

«Успеху борьбы с пьянством способствовало широкое применение препарата «Абстинонт», вызывающего стойкое отвращение ко всем алкогольным напиткам...»

Боря пулей вылетел на улицу (что, кстати, строжайше запрещалось ему) и с помощью двух пальцев опростал в серый подтаявший сугроб содержимое желудка. Однако было уже поздно — проклятый абстинонт, по-видимому, действовал не менее быстро и эффективно, чем яд кураре. Первая же Борина попытка причаститься экзотическим одеколоном окончилась плачевно. Организм его решительно и бурно отвергал спиртное.

Наутро Клещова поразила странная метаморфоза, происшедшая с Борей. Он впервые за две недели побрился, за завтраком не курил, брезгливо отказался от предложенной чарки и окончательно сразил шефа тем, что попросил его купить зубную щетку и пасту.

За работу они засели поздним вечером, после окончания телевизионной программы — хронатор сильно понижал напряжение в электрической сети всего квартала, что могло вызвать весьма нежелательную реакцию соседей. Втайне от Клещова Боря уже успел восстановить прежнюю программу, и успех не заставил себя ждать: в приемное устройство прямо из пустоты посыпались монеты — и позеленевшие от времени, и новенькие, будто только что из-под пресса. Денежный дождь, продолжавшийся почти четверть часа, сделал Клещова обладателем обширнейшей, хотя и небрежно подобранной, нумизматической коллекции. Тут были и истертые римские динарии, и арабские дирхемы с прилепанным ушком, и византийские милисарии, и древнерусские серебряные гривны, и юбилейные советские рубли, и загадочные восьмиугольники неизвестного номинала, отчеканенные, судя по легенде на аверсе, Кооперативной Республикой Антарктидой в 2102 году. Коллекция эта, видимо, принадлежавшая в будущем частному лицу или какому-нибудь небогатому провинциальному музею (ни одного золотого, только серебро, медь, алюминий и никель), сама по себе стоила немало, однако Клещов ожидал совсем другого.

Хронатор вновь зашарил в грядущих веках, но на этот раз его единственной добычей оказалась уже знакомая Боре картонка с текстом на десяти языках:

Объясните, пожалуйста, для каких конкретно целей вам требуются денежные знаки. Заранее благодарю.

Аллен Яньцзяо Линьков — инспектор-смотритель

116 зоны времени.

Клещов, хоть университетов не кончал, был похитрее Бори. После некоторого раздумья он ответил так:

Для финансирования справедливой освободительной борьбы.

Следующая посылка из будущего состояла уже из двух предметов — брошюры и записки следующего содержания:

По вполне достоверным данным на вашем отрезке времени и в вашем регионе никакая справедливая освободительная борьба не ведется. Прошу извинения.

Радж Трофимович Янг, референт по истории нового времени.

Пока Клещов вникал в смысл послания, Боря начал вслух читать брошюру, голосом акцентируя внимание на некоторых фразах. Из текста следовало, что деньги как таковые давно исчезли из употребления. Каждому землянину в момент рождения общество предоставляет безвозмездный кредит, которого вполне хватает на пропитание, одежду, развлечения, общественный транспорт (в том числе межпланетный), приобретение и содержание жилья, медицинское обслуживание (включая троекратную замену всех жизненно важных органов) и т. д. Доступ к остальным благам (дача в поясе астероидов, садовый участок на дне океана, личная космическая яхта, возможность коллекционировать произведения искусства, туризм и отдых в иных эпохах) зависел только от качества и количества труда данного индивида.

Далее следовало описание весьма редкой болезни, известной как синдром Шейлока или «корыстолюбие».

Едва Боря прочел этот абзац, как Клещов вырвал у него брошюру и отшвырнул прочь. Еще в полете она начала разваливаться лохмотьями, и пола достигла лишь пригоршня пепла, из которого с легким стуком выкатилась пилюля той же формы, что и первая, но черного цвета.

С хронатором также происходили удивительные превращения — вначале медленно, а потом все быстрее и быстрее его металлические части стали покрываться коррозией, изоляция проводов лопалась, пластмасса разрушалась, оптика мутнела, проводники выгорали. Вихрь безжалостных тысячелетий обрушился на хронатор и в считанные минуты обратил его в пыль.

Боря хотел обидеться, но потом передумал, согласившись с логикой потомков. Точно так же в наше время поступают взрослые люди, отбирая рогатки и самопалы у несовершеннолетних шалопаев.

А Клещова, похоже, вообще уже ничего не интересовало. Он сидел в полнейшей прострации, уронив руки на колени и вперив в пространство остановившийся взгляд. Его состояние в этот момент мог понять лишь тот, кому хоть однажды довелось пережить крушение мечты, кого безжалостно сшибала с ног злая судьба, кому случилось в одночасье утратить цель и смысл жизни.

Боря между тем подобрал е пола черную пилюлю (что бы тут ни говорилось, а к своему шефуле он успел привязаться и желал ему только добра, особенно сейчас, когда сам был в полном порядке), обтер ее о штаны и вместе с кружкой воды подал Клещову. В другие времена тот от Бори и горелой спички не принял бы, но сейчас, когда рассудок его помутился, а сердце ныло особенно сильно, без возражений проглотил пилюлю, решив, очевидно, что это какое-то успокаивающее средство.

Никакой заметной реакции, конечно же, не

последовало. Клешов по-прежнему подавленно молчал, в лице не изменился и даже позы не переменял. Избавился ли он от своей, хоть и не заразной, но весьма прилипчивой болезни, или все еще находился в ее власти — сказать было трудно. Тут нужен был эксперимент, и план его уже вырзал в обострившемся до невозможности Борином уме.

Он тихонечко удалился в спальню и спустя некоторое время позвал оттуда Клешова. Тот, все еще пребывая в трансе, послушно последовал на голос сообщника. Сцена, представлявшая перед ним, была из числа тех, что способны повергнуть в трепет самые заскорузлые души. Кровать Клешова была сдвинута с места, а тайник под ней разорен. В эмалированном тазу бесшумно и жарко пылал огонь, в который Боря щедро подкладывал все новые и новые купюры. Ситуация обязывала Клешова как-то высказаться — похвалить Боря или, наоборот, обругать, однако молчание затягивалось, и лишь временами с губ его срывались жалобные мычащие звуки.

Боря принял это мычание за вопрос и жизне-радостно стал пояснять:

— Это я, шефуля, опыт такой провожу. Тест на жлобство. Выясняю, выработался ли у тебя иммунитет к корыстолюбию.

Лучше бы Боря так не говорил! А еще лучше — не разводил бы этот дурацкий костер. Пере-старался он. Перегнул палку. Надо было для пробы сначала рубль сжечь, да и то желательно свой собственный. Синдром Шейлока — болезнь не простая, это вам не банальный алкоголизм.

Как взбесившийся лев, как тропический ураган, налетел Клешов на тщедушного Боря. Он даже не ударил его, нет — он просто сдул, смял, отшвырнул жертву прочь. Костер был погашен в одну секунду — драгоценное содержимое таза, вывернутое на пол, Клешов накрыл собственной грудью. После этого, обжигая пальцы, он начал торопливо сортировать купюры, выбирая те из них, на которых сохранился номер, — он точно знал, что при этом условии банк обязан обменивать поврежденные дензнаки. Вот только как объяснить, откуда взялось столько обгоревших денег? Что придумать? Ох, беда!

— У-у, гад! — прорывал он через плечо. — Подожди, получишь у меня сейчас!

Однако Боря на эту угрозу никак не отреагировал. Он сидел, привалясь спиной к стенке, между кроватью и опрокинутой тумбочкой, откинув голову на правое плечо и выпучив желто-красные закатывшиеся глаза.

Некоторое время, сидя на корточках, Клешов наблюдал за ним, потом встал и встряхнул за плечи. Бороина голова мотнулась в другую сторону, открыв залитую кровью щеку и глубокую ссадину между глазом и ухом.

Все, подумал Клешов. Убил! Этого только не хватало! Ну и ночка!

Он долго стоял так в тяжелом раздумье, между бездыханным телом и кучей дымящихся банкнот, потом устало вздохнул и глянул на часы.

До рассвета оставалось часа два-три.

Борино тело, состоявшее из тонких, птичьих костей, весило немного. Клешов легко взвалил его на плечо и, отпихнув ногой тревожно воющего пса, потащил за дом — туда, где участок выходил задами к крутому обрыву, под которым глухо шумела во тьме река, сильно разбавленная технологическими отбросами и потому в черте города никогда не замерзавшая.

Глубина тут метров десять, думал он. Как говорится, концы в воду. Кто его, беспаспортного, искать будет.

От реки пахло тиной и мазутом. Не доходя шагов десяти до обрыва, Клешов сбросил Борино тело на землю и стал торопливо его ошупывать.

Так, в карманах спички, табачные крошки, какие-то бумажки, пробки. Все вон, чтоб никакие следов. Кеды, лыжный костюм — в этом я его и подобрал. Труссы мои, но в таких трусах полстраны ходит. Больше ничего нет.

Почему-то Клешов пожалел вдруг, что так и не справил Боре приличной одежды, успел только подарить несколько пар носков и кое-что из старого белья.

Кажется, все! Не мешало бы еще камень на шею. Впрочем, сойдет и так. Тут на дне всякой проволоки больше, чем на линии Маннергейма. Бог даст, зацепится.

— Ну, прощай, — сказал он. — Видит бог, не хотел я! Так получилось.

— О-о-о! — тонко и жалобно простонал Боря. — О-о-о! Голова-а-а!

Зубы Клешова клацнули. Он присел, ухватил Боря за шиколотки и, по-рачьи пятясь, поволок к краю обрыва.

Дико, истошно орали немногочисленные, а потому необыкновенно наглые петухи. Вот-вот на улицах должны были появиться первые прохожие.

Доташу до ближайшего телефона-автомата, вызову неотложку, его оставлю возле будки, а сам смоюсь, решил Клешов.

Он до сих пор не мог понять, почему не исполнил задуманного, почему в самый последний момент, когда голова Бори уже свесилась над пропастью, куда более темной, чем окружавшая их ночь, а по склону обрыва застучали, запрыгали, уносясь к воде, сбитые камешки, в его собственных руках не хватило силы на один-единственный, последний толчок... То ли кишка тонка оказалась, то ли причиной был сам Боря, тихо и даже как-то спокойно промолвивший вдруг: «Не надо в воду... Боюсь... Лучше здесь добей...» — кто сейчас разберет. Факт оставался фактом — вместо того, чтобы пускать пузыри, Боря, вновь потерявший сознание, трясся сейчас на закорках Клешова.

Телефонная будка встретила их зиянием расколотых стекол. Дверь отсутствовала напрочь, точно так же, как и трубка, вместо которой торчал короткий, разлохмаченный обрывок шнура.

Следующий переговорный пункт находился в километре отсюда, напротив здания милиции.

Брошу здесь, кто-нибудь подберет, подумал Клешов. Тыльной стороной ладони он попытался утереть пот, а вышло — размазал по лицу липкую и холодную чужую кровь. Нет, не брошу! Сдохнет! Не хочу брать грех на душу!

Он свернул налево, в провал тупика, протиснулся в узкую щель между забором и углом трансформаторной будки, таща на себе тихо постанывающего Боря, где шагом, а где рысью пересек пустырь, зимой служивший для окрестных мальчишек катком, а летом — футбольным полем, преодолел низкий — по колено — заборчик, чуть не упав при этом, зацепившись штаниной за гвоздь, по скрипучим мосткам переправился через подготовленную для теплоотрассы траншею, разминувшись с заспанным гражданином (судя по одежде — железнодорожником), ничем не выразившим своего удивления от такой встречи, обогнул ярко освещенную стройплощадку, нырнул под монументальную кирпичную арку и оказался на задворках областной клинической больницы, возле мрачного

здания с замазанными белой краской окнами — не то кухни, не то прозекторской. Клецов точно помнил, что ночью в этом здании всегда горит свет, а возле двери имеется кнопка звонка.

Несколько облезлых бродячих кошек метнулись прочь от вмерзшей в лед лужи чего-то красноватобурого, густого и комковатого. Возможно, это был всего лишь прокишлый борщ, но на ум Клецову пришли другие, гораздо более мрачные ассоциации. Он кулем свалил Борю на садовую скамейку, поправил его голову, потом, поднявшись на крыльцо, несколько раз позвонил — долго, требовательно — и, услышав, наконец, за дверью шаркающие шаги и недовольное ворчание, из последних сил бросился наутек.

Постепенно светало. Из мутного промозглого сумрака медленно, словно проявляясь на фотографии, проступали очертания деревьев, домов, заборов. Победительница-весна, оставив на время поле боя, полное грязи, мусора и черного льда, уползла куда-то зализывать раны. Ничего живого не было заметно вокруг — ни листика, ни травинки. Только ветер, свежий и томительный ветер ранней весны, ветер перемен, дул и дул над миром.

Интересно, выдаст меня Борька или нет, думал Клецов, окольным путем пробираясь к дому. Наверняка выдаст. Может, все же зря я его не утопил? И мне было бы спокойнее, и ему. Лежал бы себе под бережком, не мучился... Бр-р-р, ну и мысли. Мороз по коже. Черт с ним, пусть живет, хоть одна живая душа на свете будет мне чем-то обязана. Но вот из города придется сматываться. Значит, так: деньги и новые документы — в чемодан, ничего лишнего не брать, дом на замок и сразу на вокзал. Не забыть спустить пса. Основной тайник пока не трону, пусть подождет до лучших времен. Все, хватит корячиться. Завязываю. Сколько той жизни осталось. Коттедж куплю на юге, у моря. Обязательно женюсь. Но торопиться я буду. Присмотрюсь сначала. Покажусь врачам. Это в первую очередь. И режим, режим... Господи, и чего я столько лет сам над собой издевался? С сегодняшнего дня начинаю новую жизнь. Забыть, забыть, забыть все, что было. Я не знаю, не помню, откуда взялись эти деньги. Достались в наследство. Нашел под забором. Получил премию. Я больше не Клецов. Моя фамилия с этой минуты... как там... льфу, позабыл!

Может быть, впервые в жизни он с надеждой думал о завтрашнем дне. До сих пор все хорошее — покой, роскошь, здоровье, благосклонность женщин — связывалось у него с будущим, которое обязательно придет в свой срок (только срок этот, целиком и полностью зависевший от волеизъявления суммы, все время отодвигался — сначала сто тысяч, потом — двести пятьдесят, в последнее время — миллион), придет и решит все проблемы, все образует в лучшем виде, расставит на свои места, благословит и утешит, вычеркнет из памяти все тяжкое, постыдное, грязное. Настоящее Клецов терпел как нудную обузу, как привычное, неизбежное зло. Крепко сжав зубы, он изо всех сил изо дня в день тянул, тянул, тянул свое постылое волчье житье, все больше свыкаясь с тем, с чем нормальному человеку свыкнуться невозможно — с вечным страхом, с постоянной опасностью, с неизбежностью худого конца.

Ну и дурак же я был, думал он. Какая разница, миллион или полмиллиона? Всей жизни не хватит истратить. Лишнее раздам. В Фонд мира. Или в детские дома. Себе же спокойнее будет. Потом Борю отыщу, когда все успокоится. Пусть со мной живет. Это же надо — из-за паршивых бумажек

такого человека чуть не угробил! Сам ведь скоро загнусь! Хуже пса живу. На могиле у матери десять лет не был! Нет, к черту! Будь они прокляты, эти деньги!

Какие-то бурные разрушительные процессы происходили в душе Клецова. От роившихся в голове горьких, путанных мыслей хотелось самому себе плюнуть в морду. Лекарство из будущего действовало, хотя Клецов совсем не догадывался об этом. Про пилюлю он уже забыл, Бороных туманных слов об иммунитете не понял, а странный его поступок объяснял очередным психическим вывихом хронического алкоголика.

Он добрался до своего дома, привычно пошарил рукой, отыскивая щеколду, однако калитка от первого же случайного толчка распахнулась сама собой. Все еще находясь во власти своих невеселых дум, Клецов машинально шагнул вперед, но тут же застыл, словно напорвшись на минное поле.

Город просыпался, рождая много новых звуков: гудели редкие еще машины, хлопали двери подъездов, где-то на проспекте звенел троллейбус — но все это было сравнительно далеко, здесь же предутреннюю тишину нарушали только стук капель да монотонный шум реки.

Запирал я, уходя, калитку или нет, попытался вспомнить Клецов. Не помню, хоть убей, не помню!

Дом и окружавшие его кусты деревьев сливались в черную неразделимую громаду. Очень осторожно, замирая после каждого шага, Клецов приблизился к крыльцу. Дверь, как и полагалось, была заперта на замок, ключ от которого лежал у него в кармане. Явных следов чужого присутствия заметно не было, но это само по себе еще ничего не значило. Что-то неясное беспокоило Клецова, мрачным предчувствием сжимало душу, чего-то определенно не хватало здесь, а он никак не мог понять — чего именно!

— Пират! — тихо позвал он. — Пират!

Тишина была ему ответом. Тишина куда более страшная, чем любой вопль.

Вот, значит, как, подумал Клецов, ощущая, как рот его вмиг пересох, а ладони вспотели. Убрали пса! Чтоб не мешал. Чтоб шума не было. Чтоб все тихо, благородно... А может, самому сдать? Показаться? Поймут — ведь люди же! Отсиджу, что положено... Нет, никогда! Только не тюрьма! Не выдержу! Куда же деваться? Назад нельзя. Сзади уже наверняка все перекрыто. Вперед, только вперед. Еще посмотрим, кто кого!

Каждый миг ожидая окрика или нападения, он прокрался мимо дома. Слева темнела стена сарая, справа — заросли бузины, скрывавшие общую для всей улицы помойку. Что-то треснуло совсем рядом, плюхнулось в талую воду, звонко рассыпалось. Сосулька! Клецов еле удержался, чтобы опрометью не рвануть через огород. Спокойно! Только спокойно! Пусть думают, что я попался.

В десяти шагах перед ним, прикрытый кучей прошлогодней картофельной ботвы, находился вход в старый, полуразрушенный, давно не используемый по назначению канализационный коллектор, одно из отверстий которого — не раз проверено — выходило на поверхность недалеко от лодочной пристани, среди лабиринта ветхих сараюшек, гаражей, голубятен и курятников.

Только бы пронесло, думал он. Только бы проскочить, не поломать ноги, нигде не зацепиться. И клянусь тогда, не знаю только кому — богу, если он есть, высшей справедливости, всем прокурорам сразу, своей собственной совестью, клянусь, что никогда больше не позарюсь на чужое, никого не обману, никого не обижу!

Вдруг за голыми кустами кто-то шевельнулся, зашуршал бумагой, лягнул металлом — не то курок взвел, не то нечаянно тряхнул наручниками. В глазах Клещова полыхнуло багровым, резануло грудь, зазвенело в ушах. Ничего не видя перед собой и почти ничего не слыша, он побежал. Побежал, как бегают только во сне, спасаясь от кошмара — натужно, изо всех сил и в то же время мучительно медленно, — побежал мимо кустов, за которыми вновь что-то залязгало, мимо холмика полусгнившей ботвы, скрывавшей спасительный люк, мимо остатков плетня, когда-то отделявшего огород от обрыва.

Клещов не уловил мгновения, когда земля ушла из-под его ног, и продолжал свой бессмысленный, отчаянный бег, перебирая в пустоте ногами, словно собираясь таким образом преодолеть всю сотню метров, отделявших его сейчас от противоположного берега...

...Цепной пес Пират, трое суток до этого не кормленный и сумевший в голодной ярости перегрызть деревянный брус, к которому крепилась его цепь, давно учуял хозяина, однако упорно молчал, продолжая судорожно глотать всякую вытаявшую из-под снега тухлятину. Услышав негромкий сдавленный крик, а несколько секунд спустя — далекий всплеск, он, лязгая цепью, вылез из кустов и побрел к обрыву. Запах хозяина терялся здесь, растворяясь во множестве других запахов. Постояв еще немного, Пират зевнул, встряхнулся и затрусил обратно к помойке, туда, где ожидала его обильная и вкусная жратва — трудное счастье собачьей жизни.

ВИЗИТКА

Юрий Брайдер и Николай Чадович родились в 1948 году. Писать вместе начали с 1982 года. Авторы книги «Поселок на краю Галактики», более двадцати журнальных публикаций. Лауреаты премий издательства «Юнацтва» и журнала «Неман».

КАКОВ ВОПРОС — ТАКОВ ОТВЕТ

«ПАРУС»: А вам самим фантастика когда-нибудь помогала в жизни?

Ю. БРАЙДЕР, Н. ЧАДОВИЧ: Пожалуй, да. Читать фантастику мы начали в середине шестидесятых. Писать — в начале восьмидесятых. Это было

скупное, а главное, безысходное время. В светлое грядущее тогда не очень верилось. В этих условиях чтение фантастики было единственной возможностью уйти в другой мир — пусть призрачный, надуманный, но другой. А сочинение фантастики было единственной возможностью сказать хоть какую-нибудь правду.

Сейчас фантастику почти не читаем — кругом достаточно и фантастического, и фантастического, и абсурдного, и гротескного. Писать продолжаем, хотя делать это стало куда сложнее, чем раньше. Вот и все.

камертон

Гаснет последний аккорд, музыкант устало склоняет голову перед слушателями. А слушатели в восторге: «Браво! Бис! Фантастика!»

Но, пожалуй, чаще всего вот это — «Фантастика!» — раздается на концертах электронной музыки.

ОЧАРОВАНИЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ДОЛЮ УЖАСА,

или От чего будут тащиться потомки фанов «Ласкового мая»

«Уж меня-то вы не обманете! Я 20 лет играю на этом инструменте и отличу подделку!» — возмутилась музыкантша. Она так и не поверила, что звучала не арфа, а семплерный синтезатор.

Все попытки ученых создать искусственный интеллект проходили главный тест — сможет ли машина заняться творчеством? Шуточки кончились в 1965 году, когда Роберт Муг построил свой первый модулятор звука (вы уже догада-

лись, что его фамилия дала название целому семейству инструментов). Всего через три года Уинтер Карлос с помощью нового инструмента записал на пластинку электронные транскрипции некоторых произведений Баха. Пластинка называлась «Подключенный Бах». Полный отрубон!

Первые эксперименты с электрическим звуком начались где-то в конце 50-х годов. Падающие капли воды, шаги, скрипы, стук плюс синтезатор. Коротенькая сюита французско-

го композитора Пьера Шаффера «Мьюзик Конорет», сделанная по такому рецепту, была настоящей шлягером нарождающегося электронного авангарда. Новые инструменты, естественно, вошли в мир музыкальных экспериментов, ими увлеклись многие; но почти три десятилетия все это не выходило из лабораторских стен. По понятной причине — музыкальный компьютер «Синклавир П» и сейчас стоит 32 тысячи долларов. Это дорогое удовольствие даже в Америке. Как правило, такие машины приобретали богатые

университеты для экспериментальных студий. Их основной продукцией были звуковые дорожки к фильмам (особенно к детективам и фильмам ужасов).

Удивительное дело — чем больше усложняется «начинка» инструментов, увеличиваются его возможности, тем более простым он становится в обращении. Давно ли, чтобы добиться «своего» звука, нужно было повернуть немислимое количество ручек?! Сбив несколько регуляторов, исполнитель рисковал никогда больше не найти требуемого тембра. Чтобы не тратить время на поиски в течение концерта, музыканты вынуждены были устанавливать целые батареи клавишных инструментов, переходя постепенно от одного к следующему. У Рика Уэкмана из группы «Йес» на сцене порой стояло до двадцати инструментов!

И тут появился меллотрон. Собственно, это был магнитофон, соединенный с клавишами. Каждой клавише соответствовала запись «живого» звучания — смычковых или духовых инструментов. Это было исполнение живых, но анонимных музыкантов. (Хотя в серии ритм-компьютеров «Ямаха-РХ» официально заявлено, что воспроизводится звучание барабанов знаменитого Билли Кобэма!). Потомок меллотрона, современный сэмплный синтезатор, обладает всеми этими же возможностями, но он уже использует не магнитную ленту, а свою цифровую память. Звучание получается более качественным, а музыкант может закладывать в эту память «свои» звуки. Мне довелось однажды увидеть реакцию профессиональной артистки, которая прослушала магнитофонную запись сэмплера в режиме арфы. Она негодовала. «Уж меня-то вы не обманете, — говорила она, — я 20 лет играю на этом инструменте и могу отличить подделку. Здесь же слышен не только звук, но и призыв — от прикосновения пальца к струне!» Она была права. Действительно, был слышен щипок пальца. Но это было... звучание чистой электроники.

Достоинство тут же обратилось в недостаток. Поставленное на поток производство относительно недорогих и эффектных синтезаторов японских фирм «Ямаха», «Корг» и «Ролланд» со встроенным блоком готовых тембров (очень красивых) сделало звучание поп-групп совершенно одинаковым. Уровень ка-

чества звука повысился. Безликости стало еще больше. Ибо «одинаково хорошо» почти то же самое, что «по-разному плохо».

Техпрогресс двинул в искусство. Выяснилось, что звукосниматели можно ставить не только под гитарные струны, но и в роаль, и в трубу — куда угодно. К звучанию электрофортепиано мы уже привыкли. Хотя впервые мир услышал жемчужный звук только 25 лет назад в песне Рэя Чарлза «Что я сказал».

Совершенно невероятный эффект дает использование электронных приспособлений в трубе или саксофоне. Вдруг труба Майлза Дэвиса начинает звучать как гитара с помощью приставки «уа-уа», труба Джона Клеммера начинает издавать бесконечные по продолжительности звуки (приставка «эхо-плекс»). А что получается, когда Эдди Харрис начинает петь через электронную трубу, описать просто невозможно.

Появилось и целое поколение совершенно новых инструментов. И, наконец, система МИДИ — маленькая коробочка, которая позволяет любое количество любых синтезаторов соединить друг с другом, а всех вместе — с памятью компьютера. Нужно будет нажать единственную кнопку, которая приведет в действие память компьютера, даст указание как, что и кому (извините, чему) играть. И это не будет запись. Это будет живое исполнение. Исполнение электроникой.

Один из самых известных специалистов в области электронной музыки француз Жан-Мишель Жарр (известным он стал еще в 1978 г., когда записал альбом «Кислород», смикшировав звучание шести синтезаторов) приоткрывает нам двери в музыку будущего. Записанные на пластинку его концерты под открытым небом звучат как студийные. Большие открытые пространства позволяют музыканту использовать совершенно удивительные визуальные эффекты. Прямо над головами зрителей, высоко в небе, лазерные лучи выстраивают грандиозные объемные фигуры, голограммы. Попробуйте представить себе эти зеленые лучи, пронизывающие вечернее небо, сияние сотен двигающихся прожекторов, блеск фейерверка — и все в ритме чарующих электронных мелодий Жарра. Кому посчастливилось побывать на его концертах (а их бывает немного,

потому что такое шоу требует месяцев кропотливой подготовки), рассказывают о них как о чем-то совершенно невероятном.

Совсем иначе использует в музыке компьютеры Эндрю Ллойд-Уэббер, автор знаменитой рок-оперы «Иисус Христос Суперзвезда». В его последнем и на сегодняшний день самом знаменитом мюзикле «Призрак в опере» компьютеры управляют декорациями. Во время спектакля по театру неожиданно перемещаются странные предметы, порой большие и громоздкие (разработана сложнейшая и очень дорогостоящая система, уследить за которой может только электроника). Все артисты поют в крошечные радиомикрофоны, спрятанные просто в складках одежды. Они совершенно не видны и позволяют артистам свободно двигаться по всему театру, обеспечивая прекрасную слышимость всем зрителям.

Давно уже вышли из моды диспуты «Битлз» или Бетховен» или «Заменит ли компьютер человека?». Как ни странно, но в этом споре родилась истина: «Человека заменить нельзя», а также и вторая: «С помощью электроники человек способен на чудеса». Нет, электронная музыка не зачеркнула и не зачеркнет то, что достигнуто музыкальным гением, и через сто лет люди будут слушать сочинения Моцарта и Эллигтона в том виде, как задумали авторы. Для молодых же композиторов откроются просто невероятные возможности. Достаточно сыграть мелодию на инструменте, и из специального отверстия выползет бумажная лента, где самописец четким шрифтом уже записал нотами все-все, что наиграл маэстро. Нажатие на клавишу — и инструмент по памяти повторит мелодию, а автор может послушать ее звучание в разных тембрах и регистрах, чтобы решить, какому инструменту все же поручить соло. Нажата еще одна клавиша — и из инструмента потихоньку выезжает партитура для оркестра, с аккомпанементом и вариациями, хотя и сыграно все было одним пальцем. Это все я не придумал. Это уже есть.

Как PROVIDEC, Скрябин в начале двадцатого века выписывал в симфонической партитуре отдельной строкой партию для света, композитор уже самого ближайшего будущего

сможет в партитуру внести любые существующие на планете и в космосе звуки — от шума моря до галактической катастрофы, придумать звучание любого количества любых инструментов, даже тех, которых не существует. Техника сможет в точности воплотить замысел творца. Техника такая, собственно, уже есть. Осталось дело лишь за малым — за творцом. И вот тут придется поискать.

Юрий БУДЬКО

ТЭНДЖИРИН ДРИМ
(TANGIRINE DREAM)

Первые же записи «Мандариновой мечты» (группа начала работать в Западном Берлине в 1967 году) оказали сильнейшее влияние на музыкантов, занимающихся электронным авангардом, во всем мире. «Т. Д.» предложили совершенно новую концепцию звукового сопровождения в кино и театре. Группа стала настоящей «кузницей кадров» исполнителей электронной музыки, через нее прошло множество интересных музыкантов, в том числе знаменитый Клаус Шульце, и сейчас в ней работают яркие индивидуальности: Клаус Кригер — компьютерный барабан, остальные — Эдгар Фроз, Стоув Джоллифф, Кристоф Фрэнк — синтезаторы. Представление «Т. Д.» — это театр звука, где свет и цвет играют такую же важную роль, как и музыка. На их концерты съезжается весь мир. Музыканты идут по непроторенной дорожке, и для того, чтобы обозначить жанр, в котором они работают, пришлось придумать новое слово — «лазеризм».

ДЕПЕШЕ МОУД
(DEPECHE MODE)

Поначалу были простые песенки под синтезатор, которые сочиняли Винс Кларк и Мартин Гор, — они и собрали группу в английском городе Бэзилдон в 1981 году. Чуть позже к ним присоединились Эндрю Флэтчер и вокалист Дэвид Тахан. Название Мартин Гор позаимствовал у французского журнала мод «Современный стиль» — тогда он как раз подрабатывал в магазине готовой одежды. Успех пришел после выхода первой же пластинки. Но в 1982 году сменился лидер — вместо Кларка,

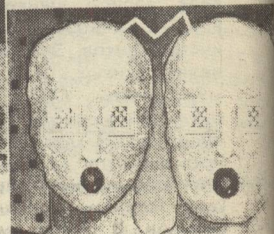
МИНИ-Р. ЗМОВКИ

ALAN WILDER

который был автором всех композиций, пришел Алан Уайлдер, а сочинять музыку стал Мартин Гор, у которого оказалось совсем иное музыкальное мышление. От пластинки к пластинке усложнялся и обогащался язык «Д. М.», каждый новый альбом становился для группы как бы шагом на дороге становления своего «Я»: от наивной детской веры в любовь («A broken Fragme», — «Сломанная рама», 1982), желания создать новый мир («Construction Time Again», — «Вновь время создавать», 1983), первого разочарования в любви, религии, жизни («Some Great Reward», — «Одна большая награда», 1984) к эмоциональной зрелости, философскому восприятию мира («Black Celebration», — «Черный праздник», 1986). Итог исканиям подводит альбом «Музыка для масс» («Music For the Masses», 1987) — это желание поведать миру свои открытия и переживания. Группе удалось, удивительным образом используя сложные мелодии, необычный музыкальный язык, остаться доходчивой и понятной. Название последней

VANGELIS

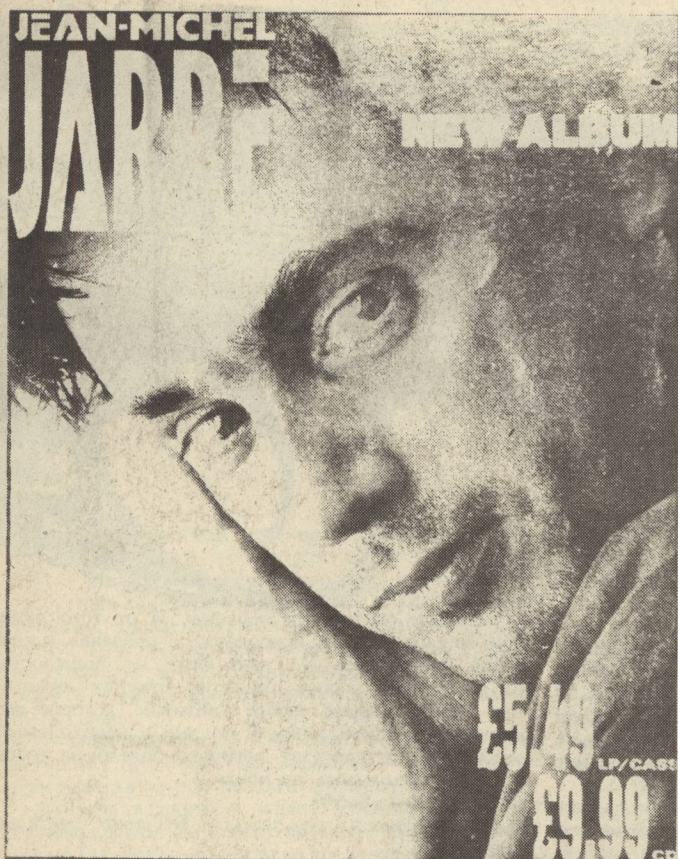

DIRECT

пластинки звучит иронично — это далеко не музыка для масс, ведь в ней намешано все, вплоть до церковных хоров. Популярность и авторитет «Д. М.» громадны. Их называют «новой волной электронного рока» и «футуро-роком», и, вероятно, будущее принадлежит именно такой музыке.

ИСАО ТОМИТА

Серьезно заинтересовавшись музыкальной электроникой, он решает создать совершенно новый тип музыки. Для этого в 1973 году была основана фирма «Плазма мьюзик», в которой Томита стал композитором, аранжировщиком, программистом и звукорежиссером. Первая же продукция фирмы, пластинка «Танцующие снежинки», пользовалась в США большим успехом. Вторая — транскрипция «Картинок с выставки» Мусоргского — принесла То-

мите международную славу. Творческий метод Томиты своеобразен. В основном он занимается переложениями серьезных классических партитур для синтезаторов. Но это ни в коем

случае не подгонка известных мелодий под модный ритм. Это довольно сложная для восприятия музыка, да и первоисточники берутся серьезные — Прокофьев, Брамс, Бах, Рихард Штраус. И звучит все это действительно по-оркестровому, только электронный оркестр Томиты обладает совершенно фантастическими тембрами и инструментальными красками. Его пластинки пользуются популярностью у любителей поп-музыки, хотя его творчество, по сути, принадлежит больше музыке академической, только совершенно новому жанру — «электронной симфонии».

ВАНГЕЛИС

Греческий музыкант Вангелис Папатанасиу имеет репутацию одного из лучших в мире исполнителей и знатоков электронных инструментов. Вместе с Демисом Руссосом в 1968 году он создал группу «Дитя Афродиты», популярную в Европе. Для нее Вангелис написал в 1971 г. электронную ораторию «666», одну из первых открывших жанр электронной музыки. У Вангелиса записано около десятка сольных пластинок, два балета, громадное количество музыки для кино (за фильм

«Огненные колесницы» в 1981 году он получил «Оскара»). Наибольший интерес представляют его эксперименты по введению в авангардные композиции элементов фольклора. Как оказалось, греческая, китайская, тибетская, японская народная музыка великолепно сочетается с современными синтезаторами. Еще одна особенность Вангелиса — мелодичность. В содружестве с вокалистом группы «Йес» Джоном Андерсоном (он чуть не начал выступать в составе «Йес» вместо Рика Уэйкмана) Вангелис записал несколько пластинок, которые представляют совершенно особый тип поп-музыки, — благозвучные баллады в мягкой электронной «оболочке». Танцевать под такую музыку нельзя, но слушать!..

КРАФТВЕРК

«Гитару невозможно использовать в 20-м веке. Этот инструмент родом из средневековья», — так говорит Ральф Хюбнер, лидер ансамбля «Крафтверк» («Электростанция») из Дюссельдорфа. На концертах этой группы вы действительно не увидите ни гитар, ни клавишных, ни ударных. На сцене, напоминающей кабину космического корабля, стоят только компьютеры. Да и сами музыканты в черных комбинезонах больше смахивают на роботов. Впрочем, они предпочитают называть себя программистами. «Компьютерный мир», «Человек-машина», «Калькулятор» — это названия их композиций. Началась их популярность с пластинки «Автобан» в 1974 году, когда они в студии виртуозно смоделировали путешествие по скоростному шоссе. Парадокс: казалось бы, из музыки «Крафтверк» удалено все человеческое, остались лишь монотонные «технические» ритмы и лишённые интонаций, пропущенные через компьютер голоса, но, странное дело, эти холодные причудливые звуки завораживают и увлекают. Компьютер приобретает почти человеческие черты. Возможно, секрет кроется в невероятно тщательной отделке композиций. Работа над одной пластинкой занимает, как правило, 3 года. А может быть, мы просто уже сами все немного живем в компьютерном мире, таком увлекательном, таинственном и слегка страшноватом, и такая музыка нам вовсе не чужая! Как говорит Хюбнер, это «очарование, содержащее долю ужаса».

МИШЕНЬ

Рассказ

Александр СИЛЕЦКИЙ

Был обыкновенный вечер. Духулев кутил.

С тех пор, как его бросила жена, перебравшись жить к человеку с перспективой, а немного погодя разбились при посадке самолета мать с отцом и он остался, как лохнесское чудовище, один на белом свете, на него напала страшная хандра, и даже честное хождение на службу не спасало, и общение с друзьями стало в тягость.

Но потом, во сне, ему явился ангел и сказал: «Не кукись, Духулев. Иди — кути. Наплюй на все. Воруй и продавай, гуляй и пей. Ты, Духулев, особенный. Как миллион других. Тебе все можно. Надо жить. Откуда средства раздобыть? А ты в них не стесняйся — будут средства. Как-нибудь потом сочтемся. Действуй, Духулев!»

И Духулев теперь кутил.

И продавал, и воровал. И в средствах не стеснялся. Жил на полную катушку. Интересно жил. По службе начал подниматься. Многим поперек дороги становился, многим крылышки пообрывал.

И каждый раз кутил — как человек немаленький, которому и вправду наплевать на всех.

Такую вот невиданную силу возымел вдруг ангельский совет. Чудовищную силу.

Ведь для того и существуют ангелы-хранители. Одно лишь Духулев из виду упустил: у каждого есть свой душевный ангел, для других подобный черту.

И, наконец, случилось так, что Духулев с немалым удивлением обнаружил: все его успехи в жизни — в общем-то пустяк, ничто в сравнении с тем, что есть на самом деле жизнь.

А вот она — как раз и не подарок, самый крупный неуспех, коли приходится бесстыдно воровать, и продавать, и предавать, и после этого еще кутить, размашисто, жестоко. Лишь бы казаться сильным и счастливым.

Такие вот блаженные паскудства.

Конечно, Духулев не думал плохо о себе, зато других внезапно стал подозревать. А прежде ведь — плевал.

Сломалось что-то в механизме.

Хоть бы ангел снова появился, подсказал — так нет, пропал совсем. А жить по давнему совету Духулев устал.

Все в жизни хорошо, да только жизнь — ни к черту.

В этой мысли Духулев все больше укреплялся, сам не ведая, как это получилось.

Злым он сделался и нервным. И от того лишь еще больше воровал, и продавал, и предавал, и еще выше поднимался — с должности на должность, и, разумеется, кутил, беспутно отмечая каждый шаг свой по земле, любое унижение, которое все дальше возносило, каждый подлый и необходимый жизненно поступок, от которого болело на душе и сердце заходило по ночам.

Как дальше быть?

Он потерялся, он застыл, бездарно двигаясь вперед.

Где ангел?

Неизвестно.

Духулев был предоставлен сам себе.

И жизнь его, такая нужная всем людям, как подобострастно выпевали подчиненные и те, кто хоть немного, но зависели от прихотей его, — да, жизнь, не изменяясь, продолжалась день за днем.

Тот вечер тоже был обыкновенный.

Духулев кутил. Убого, низко, наравне с другими, в кабаке.

Он это называл достойным приобщением к массам, к их запросам...

Ну, а попросту — не мог быть дома, в лютом одиночестве, в тоске.

Размашисто гулял, как купчик, помнящий, что от рожденья он — босяк.

Он уходил всегда последним.

И теперь дождался, когда ресторан закрыли.

Ночь была темная, мутная, кропил мелкий дождь, но Духулев служебную машину вызывать не стал и такси ловить отказался, а пошел, по обыкновению, домой пешком — он так уже привык.

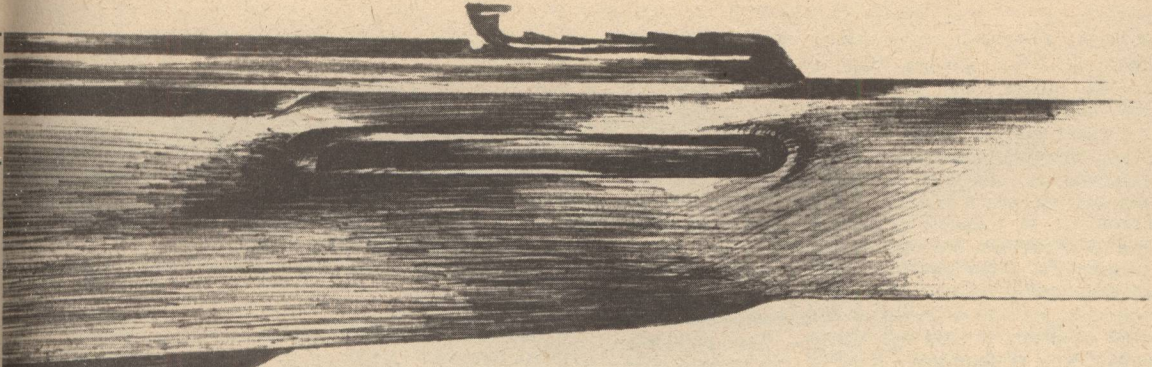
Свернув за угол, он вдруг заметил вывеску, которой прежде здесь не видел никогда: «ТИР — круглосуточно!!!»

Впрочем, в этом ресторане он уже недели две как не был — рыскал по другим, — так что случившаяся перемена его мало взволновала.

Тир так тир, подумал он, зайду сюда. Все развлечение, все не домой. Опять же, нервы, говорят, неплохо разряжает... Вон, в Японии, резиновым начальникам после работы морду бьют. Им это нужно. А мне — это.

Он толкнул дверь и вошел.

Его взору предстал совершенно пустой длинный зал, перегороженный в начале деревянным барьером, на котором рядком покоились четыре винтовки.

Весь угол занимал красочный шкаф автомата — то ли игрального, то ли для питья воды.

И — ни души. Конечно, час уже какой!..

Духулев приблизился к барьеру и уперся в него животом, удивленно разглядывая дальнюю от себя стену. Там, в полутора метрах от пола, торчала на подставке всего одна мишень: маленький человечек с черным кружком в том месте, где должно быть сердце.

— Опустите деньги в автомат и получите пули. Комплект дуэлянта. Без обмана! — оглушительно прогреготал из-под потолка динамик.

Духулев вздрогнул, нервно ухмыльнулся и послушно сделал, как велели: опустил в щель несколько монет (ах, вот если бы кто из сослуживцев, лучше — подчиненных, увидал его сейчас!), и тотчас на барьер с холодным стуком выкатились пять настоящих пуль.

Настоящих пуль — он это сразу же отметил.

Духулев с важным видом зарядил винтовку, будто и вправду позировал невесте перед кем, а губы его тем временем растягивались в ядовитой, беспомощной улыбке.

Он навел дуло на мишень и, даже не прицелясь, механически спустил курок.

Зачем ему все это?

Блажь ведь, как и многое другое, с тех самых пор, как ангел нащептал...

Ну?

Промах.

Ты хочешь иначе?

Он быстро перезарядил винтовку — новый выстрел. Промах!

Что, опять?

Уже с ожесточением, волнуясь, он загнал патрон в винтовку и выстрелил еще раз.

Снова — промах.

Три попытки вхолостую...

Ах, какая замечательная вещь — тир!.. В Кенеди — нельзя, в жителя Камбоджи — тоже, и в палестинца — руки короткие, а здесь — что хочешь вытворяй, любого гробь, мечтам — простор, поступкам — произвол!..

— Дьявол, — прошептал он, тяжело дыша. — Я пристрелю тебя, подонка.

Он целился долго и внимательно.

Четвертый выстрел.

Опять мимо.

И тут раздался унижительный, негромкий смех. Духулев дернулся всем телом и выронил винтовку на барьер.

— Эй, кто тут? — с ужасом спросил он. — Кто смеется?

— Это я. Твоя мишень.

— Мишень? — поразился Духулев и чуть пятился к двери. — Нет, брось, — он погрозил пальцем в пустоту. — Ты мне такие шутки не шути. Смеешься, да? А ну-ка, выходи! Эй, ты!..

— Вот именно, смеюсь. А что мне остается делать? Так забавно смотреть на тебя... Столько рвения, бедняга... Ну, зачем тебе все это?

— А тебе не все равно? Захотелось — вот и все... Я чертовски плохо тебя вижу... После ресторана, знаешь... Одни только контуры. Оттого и промахиваюсь.

— Зачем тебе стрелять?

— Настроение у меня паршивое. Хочу успокоиться, понимаешь? Давно уже нервишки — не того... Стресс, говорят...

— А, — протянула мишень равнодушно. — Но ты же все равно не попадешь.

— Как знать? — усмехнулся Духулев. — Должен

Рисунок Сергея САВИЧА

попасть. Хотя бы раз в жизни. И чтоб больше никаких потом хлопот. Мне много и не надо. Знаешь, жизнь такая штука...

— Знаю,— отрезала мишень.

— Вот как? — усомнился Духулев.— Ну, может быть... Хотя... Понимаешь,— с неожиданной злостью закричал он,— ни черта у меня не получается! Все хорошо, да, все, и вместе с тем — не то!.. Бедам какой-то... И, главное, не разберешь, кто виноват. Никто не виноват, все, сволочи, чисты. А на душе — кошмар... И я вот начинаю думать, может, просто надобно найти кого-то да и свалить на него разом всю вину, сделать собственной мишенью и поразить, чтоб сбросить с себя это бремя... Ведь неполноценность, я ж понимаю... Чтоб не чувствовать себя счастливым неудачником. Когда увидишь, что не надо ни раскаиваться, ни позорно унижаться, то, наверное, начнешь осознавать, что ты, пожалуй, просто-напросто сильнее, и все...

— Ну, что ж, убей,— произнесла мишень спокойно.— У тебя остался последний патрон. Смотри, не промахнись.

— Постараюсь... Если б я тебя получше видел... Черт! В другой, положим, раз...

— Другого не было и вряд ли еще будет, ты учти. Валяй сейчас.

— Н-да? Ишь какой нашелся прозорливец...

Духулев неторопливо зарядил винтовку и навел дуло на мишень.

Долго, очень долго целился, щуря то левый, то правый глаз.

Потом ласково спустил курок.

— Ну, разумеется,— обескураженно пробормотал он, опуская голову.— Стрелок я никудышный. Как и в жизни, черт возьми. Всегда в меня стреляли, просто отлетало рикошетом — вот мне и казалось, что я сам стреляю... Маленький такой самообман...

Он сделал шаг, чтобы уйти, но тут мишень окликнула его:

— Эй, погоди! Не торопись. И — повернись-ка на минутку.

Духулев послушно обернулся и, ошеломленный, замер.

Теперь человек на мишени виден был вполне отчетливо, как будто бы пространство, разделявшее его и Духулева, прояснилось и внезапно сфокусировалось, вопреки законам оптики и всякому здравому смыслу.

Что-то неувлимо знакомое теперь проглядывало в облике мишени, и, когда наконец-то Духулев сообразил, кого же именно напоминал его партнер, сердце чуть не выпрыгнуло из груди и все его существо пронзила дикая тоска.

Он узнал себя, словно там, у дальней стенки, невесть кто поставил зеркало, и он глядел на собственное отражение, уменьшенное расстоянием во много раз.

То же лицо, та же фигура, те же ужимки...

— Ну вот,— проговорил из-за барьера человек и улыбнулся, холодно и отрешенно.— Теперь мой черед. Я тоже подумал: торчать всю жизнь здесь — как это, по сути дела, мерзко. Того и глядишь, угробят тебя. И вроде бы никто не виноват — да, все по правилам игры... Так что я тоже решил выбрать себе мишень.

Зажимая в руках крошечное ружье, он начал медленно наводить дуло на позднего гостя.

— Эй, ты не посмеешь,— обливаясь холодным потом, прошептал Духулев, от ужаса не в силах сдвинуться с места.— Это же чудовищно! Несправедливо... Так уж жизнь моя сложилась... Лез наверх, все время подставляясь. Но... это случайно!.. Я случайно заглянул сюда!

— Ничуть,— промолвил человек, тщательно прицеливаясь.— Нет! Это, брат, закономерно. Все-

все-все. Ну, что, узнал, засуетился? Ты не бойся, я не промахнусь.

И вслед за тем раздался выстрел — тихий и мгновенный.

Духулев безумно закричал, хотел бежать, но скорчился от боли, и тогда под его ногами разверзлась дьявольская пустота, и он, перевернувшись, куклою повис, едва раскачиваясь, вниз головой. А на груди, там, где должно быть сердце, заалел, мерца, аккуратный, правильный кружок...

— Ангел,— простонал он.— Ангел!.. Черт тебя возьми!

И появился ангел.

— Все в порядке,— кротко произнес он.— Я ведь вовремя пришел?

— Нет, поздно, поздно! Как ты допустил?!

— Болит? — участливо заметил ангел.— Это, знаешь ли, бывает. Отдохни.

— Но дальше — как?

— Никак. Живи. Теперь тебе все можно. Ты особенный. Как миллион других.

— Да разве раньше я не жил? Ты ж сам сказал, еще тогда, давно: кути, воруй... Я высоко поднялся, очень высоко. И в средствах не стеснялся.

— Вот мы и сочлись.

— А тот, который на мишени? Этот...

— Он ушел. Чего ему здесь делать?

— Он тоже не стеснялся в средствах?

— Нет, у него их не было совсем.

— Теперь он будет там — вместо меня, да?

— Где это — там? — не понял ангел.— Все — здесь, где ты, мой милый Духулев. Живи, живи. Я никуда не денусь. Я — с тобой...

Раздался новый выстрел, тихий и мгновенный, — и Духулев тогда увидел рядом ангела, перевернувшегося вверх ногами, и алое пятно — там, где должно быть сердце...

— Я тебя не брошу, Духулев. Давай, живи. Потом сочтемся. Что ты приуныл?

ВИЗИТКА

Александр Силецкий родился в 1947 году в Москве. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Публиковаться начал с 1963 года. Лауреат двух международных конкурсов на лучший фантастический рассказ. В 1989 году вышла первая книга фантастических рассказов «Тем временем где-то...» До недавнего времени работал научным редактором по космонавтике в журнале «Земля и Вселенная».

КАКОВ ВОПРОС —

ТАКОВ ОТВЕТ

«ПАРУС»: Чего больше в жизни — фантастики или реальности?

А. СИЛЕЦКИЙ: Я думаю, соотношение равновеликое. Поскольку никто не знает, откуда и как появилась жизнь, само существование ее можно считать чистой фантастикой. С другой стороны, вся наша жизнь — более чем реальна, хотя и построена на одной фантастической идее и дарит нам каждый день всяческие чудеса. Но и они для нас — реальность, ибо другая реальность фантастическая идея не подразумевает.

РОЖДЕНИЕ «ГАЛАКТИКИ»

Недавно внимание любителей фантастики привлек сборник «Крылья ночи». Этой книгой белорусское издательство «Университетское» открыло новую серию «Галактика».

Замысел выпустить свою библиотечку НФ появилась почти десять лет назад, когда в издательстве БГУ имени В. И. Ленина (так именовалось тогда «Университетское») вышли «Новеллы» Эдгара По. Кроме этой книги в перечне литературы фантастического жанра были произведения Ж. Верна, А. Беляева, солидный том М. Булгакова.

В 1986 году здесь подготовили один из первых в стране сборников антивоенной зарубежной фантастики «Продается планета». Книга стала очень популярной, часть ее тиража пошла за границу, появились рецензии в советской и зарубежной прессе. Отмечалась высокая культура издания. Например, болгарский еженедельник «АБВ» писал: «Книга производит сильное впечатление отличным оформлением (художник С. Баленок) и полиграфическим исполнением, тщательной работой составителей (Г. Ануфриев, В. Цветков), переводчиков и редакторов. Очень компетентно написано предисловие (А. Балабуха, А. Бритиков), имеются краткие биографические и библиографические сведения об авторах».

Успех сборника был тем взрывом «сверхновой», из которого и возникла «Галактика». Датой ее рождения теперь будет год 1989, а первой отпочковавшейся Солнечной системой — антология НФ произведений зарубежных писателей «Крылья ночи». Составители и авторы предисловия Г. Ануфриев, С. Солодовников, художник С. Баленок и редактор С. Смирнов сохранили удачные структуру, композицию и основные элементы оформления предыдущей книги. В новый сборник вошли роман Р. Хайнлайна «Пасынки Вселенной», повесть Р. Шекли «Координаты чудес», рассказы У. Ле Гуин, Р. Брэдли, М. Демюта. Сюда включены также несколько впервые переведенных на русский язык произведений, в частности, рассказы Э. Нортон «Все кошки серы» и «Мышеловка» (переводчик — белорусский писатель-фантаст Евгений Дрозд).

Внимательно исследовав новое «галактическое образование», авторитеты пришли к следующим заключениям:

писатель-фантаст КИР БУЛЫЧЕВ: «Сборник дает представление о разнообразии проблем, волнующих фантастов»;

переводчик ЮРИЙ ЗАРАХОВИЧ: «Подчеркну художественное воздействие сборника, которое определяется стиливым разнообразием и продуманностью представленных в нем произведений»;

писатель-фантаст ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ: «Отрадно, что республиканское издательство выпускает фантастику на таком высоком уровне».

Следующей книгой в названной серии стала антология фантастического детектива «Обнаженное солнце». Центральное произведение сборника — одноименный роман мастера этого жанра А. Азимова. Включены также несколько его рассказов, произведения классической фантастики — А. Бирса, Дж. Ланжелена, Дж. Кемпбелла, современных зарубежных писателей — Г. Голда, Р. Гуларта, С. Сандрелли и других. Как всегда, представлены новые переводы, например, рассказ С. Аллена «Общественное порицание». Многие из включенного в «Обнаженное солнце» до этого публиковалось лишь в периодике. Пригодится читателю и помещенная в книгу библиография фантастического детектива, составленная А. Кашириным.

Из источников, близких к «Галактике», стало известно, что в ее недрах зреют новые издательские сенсации. Чтобы стать обладателем оных, нужно просто не опоздать в очередь к книжному прилавку.

Директор «Университетского» В. Касько считает, что возникновение галактических образований на издательском небосклоне не есть дело случая: «Сегодня никто не может оспаривать конструктивной роли фантастики в жизни общества. Она стимулирует разум к поиску оптимальных решений, дает крылья творческому мышлению».

Геннадий АНУФРИЕВ

МУСКАДИН

Рассказ

В комнате отеля было темно. Он сделал шаг и почувствовал, что подошва с хрупаньем проехала по чему-то мелкому, рассыпанному на полу. Конечно же, это были винтики и болтики. Он остановился: «Кретин! Опять отвинтил себе руку и побежал дарить какой-нибудь идиотке!»

Норм Гилрой включил свет. Комната была пуста. Он снял с рычага телефонную трубку. Ожидая

Оформление Сергея САВИЧА

ответа портье, опустился на колени, зажав трубку между плечом и склоненной головой. Потыкал рукой в ковер и нащупал контактные линзы, потерянные им во время уикенда, затем винтики от кисти руки Мускадина. Гилрой нахмурился, собрал с ковра все, что мог, и, кося глазом на свои находки, опустил в карман пижамы. «Кажется, на этот раз левая рука. Так что автографы раздавать сможет».

— Отец Святого Фомы, — послышался в трубке голос ночного портье.

Гилрой отозвался голосом ведущего пресс-конференцию: «Норм Гилрой. Не видели ли вы мистера Мускадина?» Должно быть, он выскользнул из номера, пока Гилрой был в душе.

— Мистер Гилрой, мистер Мускадин отбыл на такси примерно десять или пятнадцать минут тому назад.

— М-м, скажите, а не торчала у него из бокового кармана кисть его левой руки?

— Фактически, мистер Гилрой, у мистера Мускадина, как мне показалось, вовсе отсутствовала кисть левой руки. Он задержался у стойки спросить, откуда можно в это время отправить посылку.

— И что вы ему сказали?

— Я предложил ему проследовать в почтовое отделение, — ответил ночной дежурный. — Была ли рука мистера Мускадина повреждена в результате отсутствия надлежащего внимания со стороны работников отеля?

— Нет, — ответил Гилрой. — Скорее, за этим кроется некая трагическая история, и я полагаю, что мистер Мускадин предпочел бы не предавать ее огласке. — Гилрой уже владел ситуацией и формировав ее интерпретацию. Это была его работа. Он служил пресс-агентом десять лет и шесть из них работал с Мускадином. — Спасибо.

Он положил трубку.

Этот кретин смылся, чтобы послать кисть своей руки той девице-пацифистке, играющей на электронном ситаре. «Да кто же мог ожидать, — подумал Гилрой, срывая с себя пижаму, — что на пресс-конференции с раздачей автографов в Торговом Центре можно нарваться на пацифистку, играющую на электроситаре?»

Кроме всего прочего, у него больше не осталось запасных рук. Мускадин уже отослал одну на прошлой неделе, авиапочтой, той девице, занявшей

третье место на конкурсе «Мисс Вайоминг». Эта будет шестой, нет, сельмой. «Декойт и Сыновья» во многом оставались консервативными, главное их издательство все еще располагалось в Бостоне. Им не понравятся все эти кисти рук, забивающие почту. Гилрой пока ничего им не рассказывал. Он намеревался подыскать несколько рук в Бэй Эри, а уж потом связаться с «Декойт и Сыновья».

Гилрой помассировал основание носа, глубоко вздохнул, застегнул на все пуговицы свой элегантный черный костюм и спустился в вестибюль.

Фармацевт в дверном проеме круглосуточного драг-стора окликнул его: «Мистер Гилрой, я нашел то, что вам нужно».

— Руку Мускадина?

— Что?

Аптекарь был мал ростом и красил свои седые волосы в цвет «блонд».

— Лекарство от вашей сан-францисской ангины.

— Вы не видели, здесь Мускадин не проходил?

— Пятнадцать минут назад. В такси, направляющегося к Ноб Хиллу. Кажется, у него не было кисти левой руки. Он что — заболел?

— Слегка переутомился.

— Ясное дело, выдать такой бестселлер, пришлось, наверно, попахать. Шутка ли — книга года! Скажите ему, что я в восторге от этой истории с гондолой в «Узри сей мелкий прах». Я, в общем-то, не приемлю бичевания, но это было прекрасно написано. — Он выложил на стеклянный прилавок маленький электромоторчик. — Это для вашего горла.

— Что это?

— Я сам это изобрел. Сконструировал из расплывателя для красок, который купил на необъявленной распродаже, и из пульверизатора. Вам надо будет делать ингаляцию три раза в день.

— Вообще-то у меня сейчас насморк, — сказал Гилрой, пятясь.

— Разумеется, у вас сан-францисский насморк. Это — осложнение, вызываемое сан-францисской ангиной. Люди приезжают сюда из Нью-Йорка, особенно те, кто живет между Ист 65 и Ист 70, и всегда подхватывают сан-францисскую ангину, а после нее сан-францисский насморк.

— Мне надо отыскать Мускадина, — сказал Гилрой, возвращаясь к прилавку. — Вы знаете, у меня действительно квартира на Ист 71 в Нью-Йорке.

— Вы могли бы этого не говорить — по симптомам видно.

Юнион-Сквер был окутан дождем и туманом. Гилрой дал швейцару пять долларов: «Вы не знаете, куда отправился Мускадин?»

— Он не назвал таксисту определенного адреса, — ответил человек в мешковатой униформе. У него была оттопыренная нижняя губа, и он жевал резинку. — Если честно, то он вел себя невежливо и делал замечания относительно того, что сюртук моей униформы не того же цвета, что брюки. Но это только оттого, что я каждый понедельник сдаю брюки в химчистку. Конечно, я читал дешевое издание его «Отныне тшеты радости обманы!» Если уметь читать между строк, то не будешь удивляться тому, что Мускадин так крепко зашибает.

— Ну, это преувеличение. Просто он становится нервным, когда на него дают.

— Я не чувствовал бы, что на меня дают, если бы продавал миллион книг в год. — Швейцар прищурил один глаз. — Думаю, он направился в какой-нибудь ночной клуб. Потому что он высказал намерение повеселиться до рассвета.

— Благодарю, — Гилрой бросился к такси, как раз проезжавшему мимо по мокрой улице. — В какой-нибудь ночной клуб, — сказал он водителю.

— Многим нравится Фреддис Джайвирини Виллидж,— ответил водитель.

— Звучит старомодно.

— Да, там собираются люди с консервативным, ностальгическим складом характера.

— Что ж, начнем с него,— сказал Гилрой. Он помассировал нос. Дождь усиливался.

На рассвете Гилрой продирался сквозь лабиринты розовых кустов. Он уже был по другую сторону Залива, высоко на холмах, в Беркли. «Декойт и Сыновья» предупреджали его держаться подальше от доктора Прэгнелла во время путешествия по Западному Побережью. Но он так и не смог настичь Мускадина во время своей ночной погони. А в полдень предстояла встреча с раздачей автографов в книжном магазине Пола Элдера, а также послеобеденная пресс-конференция. Гилрой надеялся, что Леонард Прэгнелл сможет дать ему дельный совет.

Коттедж Прэгнелла не казался слишком большим. Он был покрыт растрескавшейся черепицей и цветущей виноградной лозой. Гилрой стукнул в дверь кольцом, свисавшим из пасти бронзовой львиной морды.

Дверь отворилась со скрипом и жужжанием.

— Твой дом погружается в землю, ты это знаешь? — заявил Гилрой, вступая в прихожую. Около дюжины плетеных кресел были свалены в кучу у левой стены. На вершине кучи дрых жирный кот.

— Случилось что-то ужасное? — спросил голос д-ра Прэгнелла.

— И куда на этот раз ты запрятал колонку интеркома? Обычно она стояла на полке для шляп, под орлом.

— Проходи в библиотеку. Так что стряслось?

— Он пропал. Не подскажешь, где мне его искать? — Дверь библиотеки распахнулась. — Он часом не у тебя? Поиск отца, возвращение к родным пепелищам...

— Балаболка,— ответил д-р Прэгнелл. Он очень походил на Линкольна. Он сидел в плетеном кресле.

Комната была загромождена штабелями и кучами книг, журналов, брошюр, газет, грампластинок, альманахов, плащей и рубах.

— Я не собираюсь отчитываться перед «Декойтом и Сыновьями» о своем визите сюда,— сказал Гилрой. — Я обронил им пару намеков об ухудшении состояния Мускадина. Конечно, добиваясь максимально оптимистического звучания. А ты в курсе? Д-р Прэгнелл повел широкими плечами.

— Мускадин — очень сложная, тонкая и чувствительная машина, Норм. Гораздо сложнее, чем, скажем, твой телевизор. А ведь и у телевизора то предохранитель вылетит, то лампа сгорит.

— С моим таким не случилось. Вот «Мерседес» мой действительно все время барахлит. — Гилрой сидел на высокой стопке «Нейшнл Джигреффикс». — Мускадин послал по почте кисть своей левой руки пацифистке из Биг Сур.

Доктор нахмурился:

— Есть определенные законы, по которым строятся такие машины. Все эти чудачества связаны с его способностью к творчеству. У того, кто смог так тронуть всю американскую читающую публику, просто должны быть какие-то причуды. Вот чего не могут понять парни из всех больших фирм — ИБМ или Рэнд. Они не программируют причуды и отклонения от нормы. И в результате пока что только я один смог построить функционального робота-андроида с человеческим обликом, который может писать романы-бестселлеры.

— Ты уверен? Нам кажется, что у компании «Литтл и Браун» тоже есть один или два.

Прэгнелл напрягся.

— Этого не может быть. Возможно, лет через пять, году в 78-м.

— На «Литтла и Брауна» работает одна очень сильная романистка и один блестящий новеллист. По нашим сведениям, оба они андроиды,— сказал Гилрой. — Дальше. Ты знаешь эту престарелую леди из Великобритании, пишущую детективные романы? Она еще получила премию Эдгара По от Американской Ассоциации Писателей Загадочного в прошлом году. Так вот, она умерла два года назад, а «Саймон и Шустер» никому об этом не сказали. Они просто заменили ее андроидом.

— Уверю тебя, только я один смог добиться таких результатов. Что конкретно тебя беспокоит?

— Путешествие по Бэй Эри всегда возбуждающе действует на Мускадина. Полагаю, тому виной близость к тебе. Но в этот раз все идет прямо-таки вразнос. Вообще в последнее время скандал следует за скандалом.

— Например?

— В Детройте он стал выпивать по 40 чашек кофе в день, глотал патентованные лекарства и гулял по городу на роликовых коньках. Потом он участвовал в маршах протеста против войны на Формозе и попытался устроиться коком в торговый флот. Он почти уже женился на дочери автомобильного магната, но передумал и выбросил ее из окна третьего этажа мотеля в Хэмптреке.

Гилрой потер нос.

— Я с трудом все уладил. В Чикаго он выходил из гостиницы только по ночам и заказал себе номер с пробковыми стенами. Там у него была любовная авантюра с девятнадцатилетней актрисой, затем он во что бы то ни стало решил заделаться ударником в группе Мадди Уотерса, подражаясь репортером из «Сан-Таймс», гонялся за конгрессменом в Сисеро и фотографировался в обнимку с капо мафиозо.

— Да, это все в него встроено,— объяснил доктор. — Временами он ощущает себя опустошенным человеком средних лет, чья жизнь потрачена понапрасну, временами — неизлечимым алкоголиком. Все это микроэлектроника и ничего больше.

В библиотеку вошел жирный, сонный кот, зевнул и запрыгнул на плечи Гилроя. Гилрой сказал:

— В Лос-Анджелесе он устроил корриду с двумя быками и кричал, что все должны называть его Папа Мускадин. Он нанял самолет «Сессна», похитил знаменитую журналистку, ведущую в лос-анджелесской газете колонку сплетен, и улетел с ней в Лас-Вегас. Но ее он тоже выбросил из окна третьего этажа. Я убедил ее не подавать в суд, но в своих ежедневных колонках она отводит душу за наш счет и будет это делать, пока ее колонка существует. В Сан-Диего он вызвал на кулачный поединок Великого Дракона ку-клукс-клана и пытался баллотироваться на пост губернатора от консервативной партии. Кроме того, он набрал там команду для участия в африканском сафари с охотой на львов, но все обошлось трехдневным поглощением водки и имбирного пива, после чего он послал телеграмму, в которой предлагал руку и сердце семнадцатилетней дочери бывшего лидера сенатского большинства. Потом его чуть не арестовали за отцовские поучения, которые он преподавал стриптизерке из Бильбоа, выступающей в одеяниях Колумбии, Жемчужины Океана.

— Все нормально,— сказал д-р Прэгнелл. — Когда я встраивал в Мускадина цепи таланта, творческих способностей и инстинкта автора бестселлеров, я впаял ему также и дикую, импульсивную натуру, присущую всем великим беллетристам прошлого и настоящего.

— Но дела идут все хуже и хуже,— сказал Гилрой. — Все его ранние глупости я еще мог использовать как хорошую, пусть и скандальную рекла-

му.— Он занес руку за голову и погладил кота.— Он идет вразнос и ведет дело к столкновению с самим собой. Он продолжает отвинчивать части своего тела и отсылать их пригланувшимся девушкам. И что меня больше всего беспокоит, он все чаще заводит разговоры о том, как он предал свой талант. И что пора кончать эту комедию, покончив с собой.

— Хотелось бы думать,— сказал Прэгнелл,— что успех его последних книг «Рыдаем по прекрасным нарциссам бледно-желтым!» и «Наши горы поют о примиреньи!» вытешит его из депрессии.

— Какой там успех!— ответил Гилрой.— Видимо, Джоселин из «Декоит и Сыновья» просто не хотел тебя огорчать и не сказал правды. «Горны» с трудом разошлись при тираже всего лишь 100 000. Мы не заключили ни единой сделки с книжными клубами и не получили ни одного предложения на экранизацию ни от кино, ни от телевидения. Мускадин катится по наклонной.

— Этого не может быть, ведь он — машина. Он будет работать вечно.

— Ни один автор не держится на плаву вечно,— возразил Гилрой.— Мускадин все время рассказывает мне, что все великие писатели после сорока сходили с круга. И он вбил себе в голову, что это как раз его возраст. Временами он начинает петь с деревенским ирландским акцентом, жалуется на то, что у него слабая грудь, и утверждает, что его заберет с собой Леди Озера.

— Твой голос, кстати, мне тоже не нравится. — Насморк. Все этот ваш сан-францисский туман. Так что же насчет Мускадина и где он сейчас может быть?

— Думаю, он будет уже в отеле, когда ты вернешься в Сан-Франциско,— ответил Прэгнелл.— Я построил в него устройство, заставляющее его всегда возвращаться домой. После того, как вы завершите здесь все дела, приведи ко мне Мускадина, возможно, я чуток покопаюсь в его схемах.

— Ты ведь понимаешь,— сказал Гилрой,— что если он будет продолжать раздирать себя, кто-нибудь допрет, что он андроид. Лига Авторств может поднять шум и наделать нам хлопот.

— Мускадин — это первая волна неисчерпаемого моря будущего.

— Через десять лет, быть может, и будут так считать. Но сейчас скандал в прессе будет гибелен для «Декоита и Сыновей».

— Я внесу несколько небольших улучшений в схему, Норм. Не беспокойся.

— Мне нужна новая кисть левой руки для него. Прэгнелл откинулся назад, достал бумажный пакет и протянул Гилрою.

— Здесь две штуки плюс дополнительный комплект болтов.

Гилрой снял с плеча кота и попрощался. Он чихал на протяжении всего пути вниз, к городу.

На его постели сидел толстый исполнитель блюзов в черных очках. На полке для чемоданов прилегла стройная блондинка лет двадцати. Мускадин, закинув руку за голову, сидел на полу. Временами он запускал пятерню в свои густые, мелко вьющиеся черные волосы.

Гилрой, стоя в дверях номера, спросил спокойно: «Это исполнитель блюзов на моей постели?»

«Однажды утром,— пел негр, аккомпанируя себе на гитаре со стальными струнами,— этот черный фургон приедет, чтобы забрать меня. У-у, ум-у-ум».

— Это,— сказал Мускадин,— не кто иной, как сам Слепой Сан-флауэр Слим, собственной персоной, вот кто.

Гилрой покосился на Мускадина.

— Черт возьми, где твой правый глаз?

— Погребен вместе с умершим прошлым,— ответил Мускадин, распрямляя спину.

— Он потерял его в клубе «И не то и не это» на Дивисадеро-стрит,— сказала блондинка.— Я — Джин Пинэдзиан из сан-францисской «Пост Энкуайр», у меня там было свидание, но я увидела мистера Мускадина, сидящего на электрооргане, узнала его и попросила дать мне эксклюзивное интервью.

— Я видел полное блюдо стеклянных глаз, когда выбирал себе новые контактные линзы,— сказал Гилрой.— Все будет в порядке, мисс Пинэдзиан, мы будем счастливы дать вам эксклюзивное интервью завтра утром. А сейчас, я полагаю, мистер Мускадин нуждается в отдыхе.

По правде говоря, андроид никогда не нуждался ни в каком отдыхе. Предполагалось, что он будет сидеть себе тихонько в своем кресле в то время, как Гилрой спит. Но в последнее время это условие нарушалось все чаще.

Девушка кивнула.

— Он так измучен. Слим, пошли.

Блюзовый певец оставил постель, галантно открыл дверь перед журналисткой и оба ушли.

Гилрой запустил руку в бумажный мешок, который он принес с собой.

— Я добыл тебе новую кисть. Не отсылай ее кому-нибудь борцу за мир женского пола.

— Мир,— повторил Мускадин. Он взял кисть и стал с отсутствующим видом привинчивать ее к запястью.— Скоро я познаю его. Река забвения течет к морю и под конец усталая Лета возвращается домой, к вечному покою.

— Обещаешь оставаться на месте, пока я не сбегаю, чтобы купить тебе глаз?

Мускадин взъерошил свои кудрявые волосы только что привинченной пятерней.

— И дождь смывает все следы, Норм. Ушло древнее величие, и недавнее величие тоже. Когда-то я надеялся, что мне позволено выражать то, что я чувствую, и что в этом состоит мое призвание, моя миссия — говорить и не повторяться, как бы того ни хотелось безмозглой толпе, жаждущей слышать лишь то, что она хочет слышать. Я был счастлив, как мальчик, в Уэльсе или Балтиморе, где бы то ни было. Когда мне купили велосипед, или когда я помогал собирать урожай, или когда мне пришлось пристрелить моего свалившегося в каньон коня, или когда я бродил октябрьскими улицами, вдыхая воздух уходящего года, или когда я сидел в кузове грузовика, мчавшегося по берегу Миссисипи. Все ушло, все унесено ветром, все в прошлом. Все мертво, как скоро и я сам буду.

— Успокойся,— сказал Гилрой.— Садись на любую постель. Скоро мы наденем новую одежду и пойдем в книжный магазин.

— «Сегодня утром я почувствовал, что черный фургон едет за мной»,— запел Мускадин.

Гилрой слышал его пение, пока ожидал лифт.

Радиостудия Башня Без Верхушки находилась на восьмом этаже здания на Норт Бич. В ней уже находились семеро обедавших в большой гостиной и пять обнаженных официанток. Тоший, потрепанный жизнью человек по имени Каллен Фриммер руководил из стеклянной кабинки вечерним шоу, в котором слушатели могли по телефону задавать вопросы.

Гилрой и Мускадин сидели рядом с Фриммером и ожидали. Реклама таблеток от головной боли кончилась, и Фриммер сказал в микрофон: «Мы тут перед этой вставкой малость потолковали с Нилом Мускадином, автором «Узри сей мелкий прах!» и прочей чухни. Я сказал мистеру Мускадину, что нахожу его писанину полной бредятиной. Желающие поговорить с Мускадином могут позвонить нам».

Мускадин пил коктейль. Доктор Прэгнелл скон-

струировал его так, чтобы андроид мог имитировать прием пищи и напитков и, когда нужно, изображать сытого и пьяного.

Управляющий студией, пухлый человек в смокинге, подскочил к будке и передал Гилрою записку. В ней было написано: «Скажите ему на ухо, чтобы он не употреблял слово «чухня». Пусть помнит о федеральной цензуре».

Мускадин прочел записку, пока ее читал Гилрой, и сказал: «Помни о федеральной цензуре».

Фриммер пил сладкий вермут. «Чухня эта цензура!»

Слева от него зазвонил телефон, и он поднял трубку.

«Это одинокая пожилая леди, живущая в Президио Хейтс».

— И что?

«Этот Мускадин. Благослови его Бог, я узнала его голос. Спросите его, не был ли он подброшен в младенчестве? Не нашли ли его на ступеньках церкви в Янгстауне, штат Огайо, много-много лет назад?»

— Что за чухня? — спросил Фриммер.

Управляющий студией схватил Фриммера за плечо.

— Я, кажется, запретил произносить слово «чухня» по радио из моей Гостиной Со Свечами и Старым Вином, ты, старый ублюдок и сквернослов!

Мускадин взял трубку.

— Правда ваша, я и есть этот подброшенный младенец, мэм. Я — твой возлюбленный сын, мамочка.

«Это ты, Скиппи, — сказала женщина. — После сорока лет ожидания...»

Фриммер схватил со стола свечу и попытался поджечь смокинг управляющего. Управляющий ударил его в ухо. «Я сожалею, что втянул в это мистера Мускадина», — сказал он Гилрою.

— Я пришлю тебе что-нибудь, мамуля, — говорил Мускадин в трубку. Он отвинтил кисть левой руки, пользуясь вместо отвертки столовым ножом. — И что-нибудь сверх того.

Стол мешал Гилрою остановить Мускадина. «Легче, — сказал он. — Поговори с ней о книгах».

Мускадин отвинтил ступню правой ноги и положил ее на стол.

— Где ты сейчас, матушка?

«На Клэй-стрит, около детской площадки. Ты приходишь ко мне домой, Скиппи?»

— Нет, я направлюсь в лучший дом, чем те, о коих грезил этот мир. Я сыт по горло этим миром, а он уж сыт по горло мною. — Мускадин вскочил. — И медленно качусь я вниз. Прощайте все, гуд бай! И он, ковыляя и заваливаясь на правую сторону, выбежал из помещения.

Гилрой бросил трубку на рычаг и помчался за ним.

На улице погоня продолжалась на такси, среди окутанных туманом холмов и на мосту Золотые Ворота. Такси Мускадина наконец остановилось за городком Саусалито, вблизи поросшего темным лесом побережья Залиса. Он выскочил из такси и бросился в гущу деревьев.

Гилрой заплатил своему таксисту и отпустил его.

Не было смысла иметь лишних свидетелей мускадиновых фортелей. Другая машина тоже направилась в сторону города, а Гилрой двинулся к подножию холма, прорываясь сквозь густые заросли.

Мускадин был разбросан по пляжу. Руки, ноги, левая ступня, более мелкие части — все порознь. Все валялось на сером, влажном песке.

Кучерявая голова Мускадина лежала у самой воды. «Берега забвения», — сказала голова.

— Идиот. И как это тебе удалось разобрать себя так быстро?

— Мои силы иссякли. Я — позор своей семьи. Я не оправдал надежд моей матушки, бедной леди

из Президио Хейтс. Все кончено. — Голова подпрыгнула и плюхнулась в темную воду.

Когда Гилрой дотянулся до нее, она тонула, испускающая пузыри и невнятные звуки.

Гилрой опустил две большие картонные коробки, найденные им за супермаркетом в Саусалито, рядом с котом доктора Прэгнелла.

— Я решил не возвращаться на радио за кистью и ступней. Остальное здесь.

Доктор сказал:

— Я слушал интервью по радио. Видимо, я перегнул палку с программированием Мускадина. Когда мы соберем его снова, я кое-что перенастрою, надо его слегка тормознуть.

Гилрой снова уселся на стопку «Джиографикс».

— Ты ведь еще и медицинский доктор, не так ли?

— Конечно.

— Значит, имеешь право выписать свидетельство о смерти.

— Чей смерти?

Гилрой указал ногой на две картонные коробки. Одна из них была из-под красного вина.

— Он написал для нас шесть бестселлеров и, кажется, полностью выдохся. — Гилрой кашлянул. — Его популярность в последний год медленно, но верно падала. Из-за этого, в частности, мы приняли турне с такой насыщенной программой.

— Ну, он всего лишь разрегулировался, это поправимо.

— Ты получаешь всего лишь 5 процентов от заработков Мускадина, — сказал Гилрой. — Ты сможешь построить машину, не андроида, а стационарный механизм, который будет писать для нас то, что нам надо? Она сделает нам несколько книг, а прибыль мы поделим фифти-фифти. «Декоит и Сыновья», конечно, будут в ярости, но ничего не смогут сделать, иначе мы всем расскажем, что Мускадин был роботом. В конце концов, ты всегда сможешь создать нового андроида.

— И зачем тебе нужна пишущая машина, Норм? — В глазах многих людей, особенно обозревателей и критиков, я тесно связан с Мускадином, — ответил Гилрой. — Сначала ты выпишешь свидетельство о смерти. Мы объявим о его скоростистой кончине, туманно намекнув на тяжелый алкоголизм с осложнениями.

— А дальше?

— Затем мы напишем «Мои годы с Мускадином», — сказал Гилрой, — а после «День, когда умер Мускадин» и «Иллюстрированную биографию Мускадина».

Д-р Прэгнелл усадил кота на колени и погладил.

— Что ж, это можно сделать.

Гилрой кивнул в сторону коробок:

— Если мне нужно будет остаться еще на какое-то время в Калифорнии, то мне понадобится врач, чтобы исцелить мои ангины и насморки.

— И это можно сделать, — ответил ему д-р Прэгнелл.

Перевод с английского Евгения ДРОЗДА

ВИЗИТКА

Рон Гуларт — известный американский писатель-фантаст. Рассказы Гуларта публиковались во всех крупнейших журналах научной фантастики, равно как и в «Плэйбое», «Мэд» и «Сэтердей ревью». Он — автор множества книг, в том числе очень популярной «Трупы — хамелеоны и другие меняющие облик». Рассказ «Мускадин» (написан в 1958 году) взят из сборника «Сломанный мотор и другие неприятности с машинами», изд-во Кольер Букс, Нью-Йорк, © 1971.

МЫСЛЕФИЛЬМ,

или Записки

графомана

Рассказ

Александр БАЧИЛО

27.01.08. За последний месяц так ни разу и не удалось хорошенько поработать. То есть, не на заводе, конечно, там все в порядке. Замерзлая жизнь в искусстве. Такой уж дурацкий характер: как раз в то время, когда нужно бы творить и творить, не могу выдать ни одной приличной мысли. И ведь из-за чего?! Из-за того только, что редактор Стенкер-Горохов как-то

в разговоре небрежно бросил: «Ты там поглядывай, кстати, твой «Робинзон» может на днях поступить в просмотр...»

Редакторское «на днях» длится больше месяца, и все это время моим основным занятием является просмотр списка новых мыслефильмов. Увы, «Робинзона» среди них нет. Самое обидное, что мне не с кем разделить своих страданий, ведь мыслефильм, как известно, отличается от обычного стереокино тем, что в его создании не

участвуют ни актеры, ни режиссеры, ни операторы, он является продуктом одного лишь воображения автора. Для создания мыслепереживания не нужно никакой съемочной техники, массовки, декораций, ругани и т. д. Садись в кресло, жми кнопку и представляй.

28.01.08. Ровно в двенадцать ноль-ноль я вошел в свой домашний кабинет с твердым намерением весторонне обдумать и сегодня же приступить к записи нового произведения. С самого начала мне было ясно, что оно должно быть фантастическим и по возможности приключенческим. Правда, Стенкер-Горохов не одобряет этого направления.

— Эх, молодежь!— говорил он мне, просмотрев «Робинзона» в первый раз.— И чего вас все на экзотику тянет? Ближе к жизни нужно быть! Почему бы не создать фильм, к примеру, о самых обыкновенных космонавтах, или там, я не знаю,— о хлеборобах Заполярья? Нет, обязательно какую-то небывальщину лепят!

Но тут уж я над собой не властен. Так и Стенкеру сказал — воображение, мол, сильнее рассудка.

Итак, я включил мыслепроектор и глубоко задумался. Лучше всего, если мой герой будет звездным инспектором. Это рослый молодой человек приятной наружности, широкоплечий, с волевым подбородком... Я остановился и критически оглядел стоявшего передо мной верзилу. М-м, да. Это было. И было не раз. Даже, наверное, не тысячу раз. У, морда суперменская, так и лезет в каждый фильм! Ну, погоди же...

Верзила посмотрел на меня грустными глазами и начал быстро лысеть. Одновременно уменьшался его рост и увеличивался объем талии. Вот так-то, голубчик! И будешь ты у меня не звездный инспектор, а участковый. Впрочем, не отчаивайся, в твой участок будут входить несколько созвездий с большим числом планетных систем. Итак, участковый инспектор Федор Мелентьевич Земляника...

...Участковый инспектор Федор Мелентьевич Земляника, обогнув заросли темно-фиолетового бамбука, подошел к зданию биологической лаборатории. На крыльце его поджидал высокий, чуть сутуловатый мужчина в белом халате. Увидев участкового, он немедленно устремился к нему, на ходу кивая головой.

— Очень рад! Очень рад! Моя фамилия Парабелко, завлабораторией. Как вы долетели? Наш Пилон — порядочная штука.

— Это мой участок,— пожал плечами Федор Мелентьевич,— а долетел хорошо, спасибо. Ну, так что же у вас стряслось?

— Да понимаете, очень странная история,— сказал Парабелко, увлекая Федора Мелентьевича внутрь здания,— Виктор Петрович и Сережа... Впрочем, они сами расскажут.

Они вошли в кабинет заведующего. В креслах у стены сидели двое: молодой человек в очках с наметившейся на макушке лысиной и паренек лет семнадцати, одетый с претензией на земную моду, правда, прошлого сезона.

— Знакомьтесь,— сказал Парабелко,— Виктор Петрович Лавуазье, кандидат биологических наук, Сергей Шекин, лаборант. А это — наш участковый, товарищ Земляника.

Увидев Федора Мелентьевича, Сережа и Виктор поднялись.

— Нужны срочные меры!— торопливо заговорил Лавуазье.— Ведь это социально опасный тип!

— Минутку,— остановил его Федор Мелентьевич,— мы, давайте, торопиться не будем, а обсудим все по порядку. Я вот, с вашего позволения, сяду за стол и буду записывать. А вы, Виктор, давайте с самого начала. Ничего, что я

вас просто Виктором? Мне по-стариковски как-то удобнее...

— Ну что вы! Конечно... Началось с того, что мы с Сережей отправились за образцами злоковых. На круглой поляне их несколько видов, причем некоторые больше нигде не обнаружены. Мы почти добрались до цели, когда на опушке леса вдруг увидели крупное животное, по-видимому, ящера.

— Только с тремя головами,— вставил Сережа.

— Да, да! С тремя головами...

— Я схватился за фотоаппарат,— снова перебил Сережа,— а эта тварь вдруг встала на задние лапы, передними на нас замахала и говорит...

— Говорит?— удивился Земляника.

— Вот именно, говорит!— воскликнул Виктор Петрович.— Да еще как! «Не надо,— говорит,— мужики. Не люблю я этих портретов».

Мы подошли, поздоровались и спросили, не является ли он представителем аборигенов этой планеты, которых нам, кстати, до сих пор не удалось обнаружить. Он рассмеялся и отвечает:

— Нет, братва, я тут проездом. С Земли лечу. Ищу избрать, наконец, место для жительства, как говорил один из наших. Да вот что-то двигатель стреляет у моей посудины, никак не пойму, в чем дело. Видно, перегрузил на старте, слишком быстро пришлось сматываться из конца двадцатого века.

— А как же,— спрашиваем,— в двадцатом веке оказались?

— Да уж оказался, вашими молитвами. От тех-прогресса не отстаю.

Мы его спросили, что он делал на Земле, и тут его головы, которые раньше все время говорили хором, вдруг смешались. Одна потупилась и промолчала, другая пробормотала: «Да так, по мелочам...», а третья смерила нас нехорошим взглядом и говорит:

— Про Дракона слыхали? Ну, так вот это я и есть. По рыщарям работал, по богатырям.

Потом спохватился, махнул лапой.

— Ну, да это неинтересно. Пойдемте, я вам лучше свою посудину покажу, может, что посоветуете.

Пробравшись вслед за Драконом сквозь заросли пилонского бамбука, мы вышли на Круглую поляну и в центре ее увидели нагромождение полупрозрачных сфер, корпусов и пирамид. Это и была «посудина» Дракона. Поначалу мне показало, что разобраться в устройстве этого сооружения совершенно невозможно, но, подойдя к кораблю поближе, я ощутил вдруг какую-то поразительно нехитрую логику его конструкции. Что же касается Сережи, то он, ни слова не говоря, сейчас же полез под днище одной из пирамид, некоторое время чем-то там громыхал и, наконец, вернулся, держа в руках собранный из четырех металлических реек квадрат.

— Вот,— сказал он.— Все дело в этой штуке. Рейка лопнула.

Действительно, одну из сторон квадрата перекакала трещина.

— А что это за деталь?— спросил я.— Нельзя ли как-нибудь обойтись без нее?

— Никак нельзя,— сказал Сережа,— ведь полная энергия, которой располагает корабль, равна, согласно известной формуле, произведению его массы на квадрат скорости света: $E=Mc^2$. Формула так и произносится: «Е равно эм це квадрат». Так вот, это и есть тот самый квадрат.

— Во! дает молодежь!— воскликнул Дракон.— Парнишка эдакий сообразил, а я, крокодил старый, от самой Земли голову ломаю — ничего понять не могу! Ну, спасибо, брат... Как же нам теперь чинить его? Без квадрата, сам понимаешь,

тяги нет, может, изолянтной заматать?

— Нет,— покачал головой Сережа,— слабовато. Да вы не волнуйтесь, отнесем его в лабораторию, заварим трещину, и будет как новенький!

— Ой, нет,— почему-то испугался Дракон,— в лабораторию не надо.

— Ну, тогда не знаю,— сказал я,— трудно что-либо предложить... Разве что сок розовой пальмы, на воздухе он твердеет и намертво склеивает все, что угодно. Но беда в том, что затвердевание происходит очень долго, придется ждать не меньше недели.

— Хо-хо, отцы! Это уже не ваши заботы,— заявил Дракон.

Розовых пальм немало в окрестностях Круглой поляны, за какие-нибудь полчаса мы получили нужное количество клея и хорошенько промазали им трещины.

— Ну вот, ну вот,— удовлетворенно мурлыкал Дракон, положив квадрат на землю,— пускай подсыхает тут на солнышке, а пока прошу ко мне на чашку чая.

Потягивая чай, Дракон между делом расспрашивал, имеются ли здесь в окрестности приличные планеты. Я показал ему выписку из «Звездной лоции» по нашему созвездию, она хранилась у меня в папке для гербария чуть ли не со студенческих лет. Ах, если бы я знал тогда, к чему это приведет!

Дракон впился глазами в листок и, казалось, забыл о нашем присутствии.

— Так, так,— бормотал он,— полпарсека до порога... Переход в подпространство. Ну, это мигот, если очереди не будет. А уж там напрямую...

Особенно заинтересовала его Серпента; узнав, что там как раз сейчас юрский период, он совершенно расчувствовался, чуть не пустил слезу и поведал нам, что сам он тоже родом из юрского периода одной очень далекой планеты, несчастный мутант, обогнавший своих соплеменников в умственном развитии на несколько миллиардов лет.

— А тынет порой,— говорил он.— Ах, вы не поверите, как тынет порой назад, в хвощи!

Вдруг в помещении раздался пронзительный свист, и на стене засиял экран переговорного устройства. Мы увидели черноусого носатого человека, перепоясанного полосатым шарфом, в красной косынке и какой-то рваной безрукавке на голое тело. Из-за пояса у него торчала рукоять лазерного резака.

— Салют!— сказал он, обратившись к Дракону, но, заметив нас, сразу умолк.

— Вот что, ребята,— сейчас же подхватился Дракон,— у меня к вам большая просьба. Квадрат наш уже готов, так вы, пожалуйста, установите его на место. А то мне надо поговорить тут с одним...— кивнул головами в сторону оборванного усача,— научным сотрудником. Да, а папочку можете оставить здесь, я за ней присмотрю, не беспокоитесь!

Покинув корабль, мы приблизились к тому месту, где лежал квадрат. К нашему изумлению он действительно был прочно склеен. Но самое удивительное — в центре квадрата поднимался крепенький росток розовой пальмы.

Мы вернулись к «посудине», и, пока Сережа устанавливал на место квадрат, я решил сейчас же получить надлежащие разъяснения у самого Дракона. Его левая голова торчала из входного люка и, казалось, внимательно наблюдала за местностью.

— Ну, как успехи?— громко спросила она.

Из-под днища «посудины» появился Сережа.

— Готово,— сказал он.— Износу не будет!

— Ну, тогда отбегайте,— произнесла голова.— Сейчас стартану,— она ухватилась зубами за ступеньку трапа и принялась затягивать его внутрь.

— Как это, стартану?— закричал я ему, бросаясь к люку.— А моя папка?!

— Ферефьешься,— прошипела голова, не разжимая зубов. Но я уже схватился за трап и повис на нем всем телом.

Сережа было устремился мне на помощь, но в проеме люка вдруг мелькнула зеленая чешуйчатая лапа Дракона, и в нас, кувыркаясь, полетел какой-то небольшой, но увесистый с виду снаряд. Едва не угодив мне в голову, он ударился о нижнюю ступеньку трапа и разлетелся на тысячу осколков. Во все стороны брызнула пахучая янтарная жидкость. У меня закружилась голова, руки ослабли, пальцы разжались, я почувствовал, что лечу в пропасть, и потерял сознание...

Что еще можно сказать? Естественно, когда Сереже удалось привести меня в чувство, ни Дракона, ни «посудины» на поляне уже не было. Он улетел вместе с моей папкой и выпиской из «Звездной лоции».

— Хочу добавить,— взял слово заведующий лабораторией,— что мы провели кое-какие исследования на поляне и обнаружили осколки того предмета, которым Дракон, так сказать, поразил Виктора Петровича Лавуазье. Один из осколков оказался с наклейкой. Вот он.

Федор Мелентьевич с интересом оглядел этикетку.

— Конец двадцатого века,— сказал он,— тут и думать нечего,— и, покачав головой, добавил:

— Пять звездочек! Страшная вещь.

Он еще раз просмотрел свои записи.

— Что ж, общая картина мне ясна. Непонятно только, где вы все-таки пропадали целую неделю, если этот змей окрутил вас за какие-нибудь полчаса.

— Сначала я сам удивился,— кивнул Лавуазье.— Потом понял, что все очень просто. Дракон пригласил нас, как вы помните, в свой корабль. Но это ему понадобилось вовсе не для того, чтобы напоить нас чаем, а для того, чтобы незаметно совершить прыжок во времени на неделю вперед!

— Ах, прохвость!— покачал головой Федор Мелентьевич, кончая писать.— А ну-ка, молодые люди, постарайтесь вспомнить, о каких окрестных планетах вы успели ему рассказать?

— Э-э... Про Серпенту я уже говорил, на Кадриесе и Укероне жизни нет...

— Про Забургус еще рассказали,— мрачно произнес Сережа.

— И про Забургус?!— воскликнул участковый, ударяя себя рукой по колену.

— Вы думаете, он что-нибудь замышляет?— спросил Сережа.

— Наверняка,— ответил Федор Мелентьевич.— Я таких типов знаю, выберет планету повиднее, сядет там диктатором да и испоганит, паршивец, всю цивилизацию. Глазом не успеешь моргнуть, а там уже притон разного космического хулиганья, контрабанда оружием, разврат сплошной, радиация — хоть топор вешай... Да, да, Виктор! Вам придется лететь со мной для опознания. Вы уж отпустите его, товарищ Парабелко.

— А меня?— тревожно спросил Сережа.

Парабелко развел руками.

— Ну что ж, если товарищ заведующий лабораторией не возражает,— сказал участковый.— Остаётся выяснить, куда отправился Дракон. Цивилизация есть только на Забургусе.

29.01.08. Дома включил проектор и прокрутил еще раз записанный вчера кусок. Болтовни мно-

говато. Мотивировки кое-где откровенно слабы. Слышу, слышу уже голоса недовольных критиков: «А что хотел сказать автор своим произведением?» Что можно на это ответить? Перед вами обычная веселая история про хитрого и наглого пройдоху, который любит пожить красиво за чужой счет, и про честных людей, которые считают, что именно они должны ему помешать. Кто победит? Ну, если делать все, как в жизни, то пришлось бы, пожалуй, ждать, пока Дракона хватит моральный кризис. Однако данный фильм — всего лишь сказка, поэтому будем надеяться, что поедят в конце концов все-таки наши.

...Уже совсем рассвело, когда Федор Мелентьевич и Виктор с Сереей выбрались на дорогу. Они направились к видневшемуся вдали на холме городу, обнесенному высокой стеной. Несмотря на ранний час, в полях работали крестьяне, но дорога была еще пуста.

У закрытых городских ворот, поживаясь от утреннего холода, прогуливались четверо стражников.

— Извините, молодые люди, — обратился к ним Федор Мелентьевич, — как бы нам попасть в город?

Никто из стражников даже не повернул головы в его сторону.

— Я говорю, ворота нам откройте, пожалуйста, — произнес Земляника громче.

Ближайший стражник снял с плеча алебарду и сказал:

— Ты вот что, дед, дуй-ка отсюда, пока по шее не получил.

Возмущенный Федор Мелентьевич хотел что-то ответить, но в этот момент ворота приоткрылись, и из них выехал богато одетый всадник.

— Простите, гражданин, можно вас на минутку? — обратился к нему участковый.

Вместо ответа всадник обернулся к стражникам и прокричал:

— Что это у вас за рвань у ворот шатается? Упиши ему железякой в череп, чтоб стих! — и, прищипив коня, ускакал.

Стражники, размахивая алебардами, двинулись на Землянику и его спутников. Пришлось отступить.

— Странно, — сказал Сережа, придирчиво осматривая свой комбинезон, — почему это он нас рванью назвал? По-моему, мы выглядим вполне прилично.

— Здесь, видите ли, дело не в одежде, — раздался вдруг голос из придорожных кустов, — графа Буланко ввела в заблуждение ваша речь.

Кусты раздвинулись и на дорогу вышел пожилой человек в крестьянской одежде.

— Вы, я вижу, прибыли издалека, — продолжал он, — а у нас, нужно вам сказать, такие слова, как «извините», «простите» и «пожалуйста» прямо указывают на самое низкое просохождение.

— А какие же тогда на высокое? — спросил Сережа.

— О! Дворянство изъясняется на совершенно другом языке. Порой мы и наши господа просто не понимаем друг друга. Говорят, автором проекта раздельно-принудительного образования является сам господин Дракон, наш милосердный диктатор!

— Простите, — сказал Виктор, — а давно ли Дракон стал вашим диктатором?

— Н-ну, если верить тому, что говорят предания, лет триста назад, — ответил крестьянин.

— Седьмая степень свободы, — уверенно объяснил Лавуазье, — он переместился лет на триста в прошлое, явился в страну и захватил власть. Наверняка — обманом.

— Нам нужно немедленно попасть в город! — сказал Земляника. — Из-за этого прохвоста остановился прогресс, на Забургусе уже давно должна

была начаться промышленная революция! Ваш долг, товарищ земледелец, нам помочь.

Крестьянин кивнул.

— На вашем месте я бы оставил попытки войти в город через главные ворота, а попытал бы счастья в другом месте. Идите вдоль стены на запад. В ней есть еще масса дверей и калиточек. Правда, они тоже охраняются, но если вы будете держаться с подлинным достоинством (а я уже говорил вам, что под этим подразумевается), то наверняка сможете попасть внутрь. Земляника и его спутники поблагодарили образованного крестьянина и отправились в путь. Вскоре им действительно попалась обитая железом калитка. В небольшом квадратном окне над ней виднелась сонная сытая физиономия юноши в шегольском бархатном берете.

— Эй, парень, — позвал его Федор Мелентьевич, — открой-ка нам калитку, по... — он кашлянул, — побыстрей.

Парень с трудом размежал веки и бесцветным голосом произнес:

— Ковыляй по холодку...

Участковый хотел было сказать что-то еще, но тут вперед выступил Сережа.

— Эй ты, толстомордый, — сказал он, — железякой в череп захотел?

Парень сейчас же привстал и поклоном вежливо ответил: — Что ж ты молчал, дурик? Так бы сразу и сказал, что дворянин, на морде-то не написано! А это кто с тобой?

Сережа оглянулся на Землянику и Лавуазье.

— Это оруженосцы. Ты давай, шевелись там.

Физиономия исчезла, и изнутри донеслась лаконичная команда: «Ну, чего хлеба ла раззявили!» Двое стражников, тоже сонных, высочили из караульного помещения и, открыв калитку, поклонились Сереже.

Упитанный юноша в бархатном берете, очарованный манерами Сережи, вышел ему навстречу, отрекомендовался баронетом бом Пиргорой и все в тех же изысканных выражениях, от которых Виктор кисло морщился, а Земляника только качал головой, пригласил маркиза Щекина (Сереже тоже пришлось представиться) в дом своего отца с тем, чтобы представить его сестре («С сеструхой познакомлю. Дура дурой, но при дворе на должности»). Сережа согласился, и они чинно направились к центру города, раскланиваясь со встречными дворянами и посылая их к чертовой бабushке. Следуя за баронетом, Сережа, Виктор и Федор Мелентьевич вошли в большой дом неподалеку от дворца Дракона. В красивом двухсветном зале их встретила сестра баронета Луицилия бом Пиргорой.

— Вот, Люсь, — сказал молодой баронет, — хмыря привел. Образованный, сил нет!

Симпатичная Луицилия сказала, что она рада познакомиться с приличным чуваком. Сережа напрыг и заявил, что никогда не встречал девахи, которая бы так вышла шнобелем. Завязалась светская беседа.

— Ты чего это так вырядился? — спросила Луицилия у Сережи.

— Хиппую. Это у нас сейчас самая струя. Торчок и шлягер.

Девушка в восторге округлила глаза.

— Учись, дефективный, как надо разговаривать! — обратилась она к брату. Двух слов связать не можешь!

— Слушай, — сказал Сережа Луицилии, — ты не можешь мне устроить аудиенцию у Дракона? Хочу поболтать со стариком о том, о сем, прошлое вспомнить.

— Так ты что же,— удивилась девушка,— лично его знаешь?

— Гудели вместе,— кивнул Сережа.

— Торчок!— воскликнул Пиргорой.— И шлягер! ...Перед Большим Приемом должно было состояться торжественное драконослужение во дворцовом соборе. Сережу, прибывшего во дворец в сопровождении бом Пиргорой, обступили любопытные придворные, прослышавшие, что этот молодой человек близко знаком с Драконом. Его представляли дамам и сановникам.

— Я балдею!— говорил Сережа, раскланиваясь.— Я ташусь!

Прозвенел звонок, и все отправились во дворцовый собор. Он представлял собой круглый зал с колоннами вдоль стен, но без крыши. Посреди зала Сережа и следовавшие за ним Федор Мелентьевич и Виктор с изумлением увидели космический корабль. Это была, без сомнения, «посудина» Дракона. Лавуазье что-то зашептал на ухо участковому. Тот согласно кивнул, и Виктор незаметно спрятался за колоннами.

Тем временем, через боковую дверь в сопровождении целой свиты священнослужителей вошел архиепископ. Служба началась.

Вдруг, после очередного поклона, раздался чей-то крик:

— Смотрите! Смотрите!

На глазах у испуганных придворных корабль стал быстро уменьшаться. Дамы завизжали. Графы и бароны вскочили на ноги и рванули к выходу. За ними последовал архиепископ и вся его свита. Через минуту в зале не осталось никого, кроме Сережи и Федора Мелентьевича. Когда корабль уменьшился до размеров спичечного коробка, участковый взял его осторожно двумя пальцами и сунул в карман.

— В чем дело?— спросил Сережа.— Это вы устроили?

— Виктор забрался внутрь,— ответил Земляника.— Ну, теперь мы с этим змеем по-другому поговорим, пошли!

Они покинули собор и, пройдя через анфиладу пустынных комнат, оказались в апартаментах Дракона. Двое гвардейцев преградили было им путь, но Сережа, блеснув красноречием, убедительно доказал, что ему немедленно нужно видеть диктатора.

Наконец, их ввели в большой сумрачный зал, где на троне сидел сам Дракон. Дежурный офицер доложил о маркизе Щекине и удалился. На некоторое время воцарилась тишина.

— А! Да-да! Припоминаю!— воскликнул Дракон.— Мы с вами, молодой человек, кажется, встречались на Пиливоне? Ну, как же! Замечательно провели время! А это с вами кто?

Федор Мелентьевич приблизился к Дракону и произнес:

— Участковый инспектор Земляника. Сообщаю вам, гражданин Дракон, что вы задержаны для препровождения в отделение. Только сначала придется исправить все, что вы здесь натворили.

— Задержан?— усмехнулся Дракон.— Уж не тобой ли?— он захохотал и левой головой выпустил вверх струю пламени, закоптившую потолок.

Федор Мелентьевич рассердился:

— Если ты, змей, попробуешь оказать сопротивление, так я на тебя управу найду!— он выхватил крупнокалиберный бластер и пустил вверх струю пламени, пробившую крышу дворца насквозь.

Левая голова Дракона изменилась в лице и отодвинулась.

— И не пытайся бежать,— продолжал Земляника.— Корабля у тебя больше нет.

— Как нет?— вскричал Дракон. Он бросился к стоящему у углу монитору и нажал кнопку с над-

писью «Архиепископ». На экране появилось серое от страха лицо верховного священнослужителя.

— Да чтоб я содох, владыка!— залепетал архиепископ,— все было в порядке. Но во время службы реликвия вдруг стала уменьшаться, уменьшаться и исчезла!

Правая голова застонала. Дракон включил связь с кораблем и даже поехал от сурового взгляда Виктора Лавуазье, появившегося на экране.

— Хорошо,— мрачно произнесла средняя голова Дракона.— Вы выиграли. Что я должен делать?..

15.02.08. Сегодня в 10 утра мне на работу позвонила радостно удивленная Катрин Закирова и принялась поздравлять. Сначала я даже не понял, о чем речь. Ведь работа над фильмом еще не закончена, да и как она могла узнать? И тут вдруг до меня дошло. «Робинзон» вышел на экран!!! Оказывается, он появился в списках еще вчера вечером, но я давно уже в них не заглядывал. Я сейчас же запросил статистику по мысли-фильму «Робинзон».

Фильм заказали уже около трех тысяч человек, посмотреть пока успели только двести. По экрану побежали строки зрительских отзывов: «Фильм неплохой. Снято не очень умело, но с душой. В. Померцалов», «Основные тенденции неоклабризма схвачены автором, в основном, верно. Беспочвенно серьезный уклон в отрицание амбивалентности полиэтических структур. К. Мезозойский», «Нормальное кино. Вырубунон маловато. Ученики 4а», «Очень понравилась звездная ночь на берегу океана. Т. Щепкина», «Ну что к чему? Л. Тодер».

Закончив читать отзывы, я обернулся и увидел столпившихся за моей спиной инженеров нашей лаборатории, своих товарищей по работе. Они пришли поздравить меня с премьерой.

ВИЗИТКА

Александр Бачило 31 год. Окончил Новосибирский электротехнический институт, инженер-программист. Фантастические рассказы А. Бачило печатались в сборниках «Снежный август» (Новосибирск, 1985), «Ветка кедра» («Молодая гвардия», 1989), «Румбы фантастики-1988» («Молодая гвардия», 1989) и других. В соавторстве с Игорем Ткаченко выпустил две книги: «Путешествие в таинственную страну, или Программирование для мушкетеров» (Новоси-

бирск, 1988) и «Пленники черного метеорита» (Новосибирск, 1990).

КАКОВ ВОПРОС — ТАКОВ ОТВЕТ

«ПАРУС»: Считаете ли вы сказки фантастической литературой?

А. БАЧИЛО: Вся вообще литература произошла от фантастики и долгое время была от нее неотделима. Мифы древних — это фантастика, создававшаяся, между прочим, людьми взрослыми и для взрослых. Что же касается детской сказки, то это просто адаптированный вариант фантастического толкования мира.

В мифологическом фольклоре покоятся корни и готического романа, и «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Я очень дорожу именно этой областью фантастики. Скажу откровенно, у меня нет ни одного рассказа про ракету или машину времени, за исключением, пожалуй, представленного здесь. Но и здесь они появляются, поверьте, с умыслом и неспроста...

(Окончание.)

Начало на стр. 19)

955 Наконец-то в 11-м классе изучаем астрономию! Ни один урок не проходит без споров о неопознанном и летающем вокруг нас (и в газетах пишут, и по телевизору сообщают — значит, всевозможные!). Хотим объявить себя астрономическим классом. Собираем материалы из журналов, газет и книг. Только этого мало. Решим прибегнуть к помощи «Паруса»: пусть нам все, кто может, высылают публикации и другие разные сведения об НЛО. Может, отзовется настоящий астрономический класс и просто напишет увлеченные люди!

665114, Иркутская область,
Нижеудинский р-н,
станция Ук,
п. Водопадный, СПТУ-1

956 Меня очень интересуют проявления полтергейста, а также телекинез, телепортация, пирокинез и тому подобные возможности человека. Впрочем, меня занимают все аномальные явления. По-видимому, сам обладаю способностью к телекинезу, но она пока так слабо выражена, что я не совсем уверен в себе. Хотел бы по этому поводу обменяться мнениями со всеми сведущими.

Александр Зыков,
424017, г. Йошкар-Ола,
ул. Советская д. 69, кв. 2

957 Многое волнует, многое кажется загадочным. Например, откуда все-таки произошли мы, люди! В чем смысл нашей жизни на нашей планете? Может, мы временно на Земле? Пытаюсь разобраться в астрологии — эта наука мне кажется заманчиво перспективной. Смотрю на нее и на жизнь вообще оптимистически! Верю в любовь, в дружбу. Люблю печь различные сладости. Люблю отвечать на пись-

ма. С ними ведь гораздо интереснее, правда!

Татьяна, 16 лет,
г. Шадринск

958 Мечтаю встретиться с экстрасенсами (хотя бы на страницах вашего журнала). Увлечена их методами лечения. А еще хотела бы знать свойства лечебных трав, способы контактного и бесконтактного массажа, секреты лечебного голодания. Ищу людей, у которых уже сложилась или складывается своя, особенная система мироздания, пусть даже и на основе любой религии нашего мира. Пишите все, кто мог бы сказать мне что-то свое, необычное...

Марина Розина,
18 лет,
г. Ленинград

959 Мама иногда говорит, что я свихнулась на странах Азии. И точно: моя настольная книга «Атлас мира», а еще — «Энциклопедия зарубежных стран». Пытаюсь учить японский, китайский, корейский и множество вьетнамский. Исписала уже 5 тетрадок: интересные факты, национальные праздники, обычаи, марки машин, аэропорты — короче, все подряд. Занимаюсь, конечно же, в секции ушу и пишу стихи, подражая японской поэзии. Звучит это так, например:

Дышит устало земля,
Камни перебирая.
Где-то шумит вода.
На песке лежит камень
И грустно смотрит на море,

Скоро будет шторм.
Понравилось! Но я больше люблю не море, а звезды. Смотрю на них подолгу почти каждый вечер. Я люблю звезды и всех людей. Всех. Читаю изредка Библию и верю в явления свыше. А еще я мечтаю о встрече с инопланетянами. Как думаете, прилетят!

Ирэна, 15 лет,
г. Львов

960 В г. Ульяновске организован клуб «Лукоморье-2000». Мы хотим создать музей фантастики и сказки, а впоследствии — центр досуга по типу Диснейленда. Приглашаем к сотрудничеству всех, у кого есть интересные идеи, предложения и материалы. Пишите нам по адресу: 432005, г. Ульяновск, ул. Пушкирева, д. 52, кв. 311. Краснееву В. Ю. Для клуба «Л-2000».

КАК ЖИЗНЬ,
МАРСИАНИН!

961 Наверное, не все знают, что людей, которые занимаются изучением неопознанных летающих объектов, называют уфологами (от УФО — уникальный физический объект). У многих уфологов есть свои версии, объясняющие появление НЛО, есть такая версия и у меня.

За последние сто лет «летающие тарелки» на Земле были замечены более 10 тысяч раз (см. «Комсомольскую правду» за 7 октября 1989 г.). Сто лет — это 36 525 дней. Разделим на 10 тысяч. Получается каждые 3-4 дня по тарелочке.

Что можно предположить! Либо все эти НЛО — выдумки и мистика, либо — Земля находится на пересечении нескольких космических цивилизаций. В первое, конечно, поверить легче, но как тогда объяснить то, что «тарелки» фотографируются, локаторы фиксируют их скорости!

Кстати, о скоростях. В одной из молодежных газет Латвии называлась точная цифра — 14 500 км/час. Понятно, что аппараты, перемещающиеся с такой относительно небольшой скоростью, не могут автономно преодолевать расстояния, равные световым годам. Вряд ли допустимо, что у тихоходного дискапана есть столь большие резервы скорости.

Отсюда и вытекает моя версия. Тарелки и не предолгали огромные расстояния. База НЛО находится где-то недалеко от Земли. Так как жизнь на поверхности для белковых тел возможна только на нашей планете, то — повторю, это лишь моя личная версия — скорее всего, на одной из планет Солнечной системы существует цивилизация с обширными подземными коммуникациями и искусственной биосферой. На какой? Я думаю, что на Марсе.

Вы улыбаетесь недоверчиво! Ну, что ж, тогда объясните отсутствие следов копоти на потолках древнеегипетских усыпальниц, невероятные оплывы на крепостных стенах Трои и т. д., и т. п. Если тут обошлось без вмешательства инопланетян, то... Впрочем, об этом обо всем написано уже немало. И постепенно, благодаря усилиям энтузиастов, уфология становится нормальной наукой.

Всех, кого заинтересовало это письмо, кто согласен со мной или, наоборот, хочет возразить, прошу написать мне по адресу:

220052, г. Минск, ул. Сурганова, д. 57, кв. 189.
Евгений Каплан,
рабочий

ЕСЛИ У ВАС

962 ...есть оригинальные идеи, если вы пишете фантастические рассказы и хотели бы, чтобы их кто-то прочел и оценил, если рисуете фантастические плакаты и комиксы, придумываете игры, если рады встрече с единомышленниками, пишите по адресу: 220115, г. Минск, пер. Корженевского, д. 10, кв. 175, Андрею Вендиловскому

НОНП (Неформальное общество непубликуемых писателей)

963 ...мелькнула вдруг мысль, что для полного счастья вам не хватает всего лишь заочного клуба юных фантастов. — Возьмите чистый конверт, напишите на нем свой адрес и, вместе с письмом о себе, вышлите нам. Познакоимся, будем выпускать только для членов клуба свою рукописную газету, обменяемся гороскопами, соображениями обо всем необычном, что происходит сегодня в мире. Или просто подружмся — разве это мало!

Сестры Жанна (13 лет)
и Александра (16 лет),
Оренбургская область

964 ...появилось желание знать свою судьбу, я прошу написать мне, указав точную дату рождения; час, день, месяц, год; обязательно — пол. Двенадцать лет изучаю различные гороскопы. Самым точным считаю восточный и придерживаюсь той схемы звездного неба, которую составили восточные мудрецы. Другие гороскопы все схожи, за исключением, может быть, отдельных названий и неточностей в тайном смысле соединений планет. Точный гороскоп, как вы понимаете, составить не очень трудно. Рискнем! Не забудьте только прислать для ответа конверт с обратным адресом.

Геннадий Воронов,
162100, Вологодская область, г. Сокол,
почтамт,
до востребования

(Окончание. Начало на 2-й стр. обложки)

искусственных драгоценностей!).

Лев [24.7—23.8]. Женщины, родившиеся под этим огненным знаком, любят выделяться. А по свидетельству астрологов и наблюдениям психологов, именно красный цвет завораживает внимание мужчин. И — золото. Быть может, это достаточно банально, но чего не сделаешь для счастья! Еще рекомендуется носить янтарь.

Дева [24.8—23.9]. Рожденные под этим знаком стеснительны и деликатны. Женщины обычно одарены мягким очарованием и хорошими манерами. Они не нуждаются в сногшибательных эффектах. Им довольно платья и костюма из бежевого льна, тряпичных туфель, ремней из натуральной кожи и украшения из кости. Этот прекрасный стиль держится в моде со времен «прощания с Африкой». Сто процентов успеха!

Весы [24.9—23.10]. Они сочетают совершенно противоположные черты характера и выбирают неожиданные эстетические решения. Они умеют соединять вещи, по понятиям других, взаимоисключающие. Желтый цвет мимозы с лиловой сиренью и... красными искусственными розами.

Скорпион [24.10—22.11]. Это немножко женщина-вамп. Скорпион выбирает черное. И добавляет выразительные, полные таинств украшения — сверкающие броши из зеленых стекол

или красных рубинов.

Стрелец [23.11—21.12]. Юпитер правит этим знаком, и того, кто родился под ним, он одарил чувством справедливости и аналитичным разумом. А также любовью к натуральным полудрагоценным камням. Женщины знака Стрельца в этом году просто обязаны носить нефриты, топазы, бирюзу. Кожаные ремни и спортивная обувь просто незаменимы. Ведь Стрелец любит путешествовать.

Козерог [22.12—20.1] — принадлежит Сатурну, а эта планета серьезна и самолюбива. Недостаток легкости и фантазии отражается на манере одеваться несколько консервативно. Едва ли стоит быть всегда «дамой», временами не мешает надеть самые обыкновенные брюки с самыми обыкновенными кроссовками. Сатурну это тоже по вкусу.

Водолей [21.1—19.2] — находится скорей под влиянием Урана, нежели Сатурна. Благодаря чему не обделен интуицией. Полупрозрачные, летящие юбки (которые, кстати, не требуют особого портняжного мастерства), легкие платки и «парящие» шарфы из шифона — это все придумано для Водолея. Женственно, между прочим.

Рыба [20.2—20.3] — тоже, безусловно, «попала в десятку». Бижутерия из раковин, перламутра и сверкающего золотом пластика, все в цветах моря — в самый раз для Рыбы. Муслины, шифоны и шелка зелено-голубые. Не забудьте также все оттенки песка и таинственного дна морского. Замечательная гамма, она могла бы осчастливить любую модницу. Но Рыбу — в первую очередь.

Итак, ваше счастье — в ваших руках. Всего лишь надо, стоя на земле, не забывая о звездах...

Остальное вам подскажет зеркало.

По материалам зарубежной печати подготовила И. КОНОНОВА

ЖИЗНЬ ПРИ ЛУННОМ СВЕТЕ

Итак, со звездами, кажется, все более-менее ясно, особенно после столь интересной публикации. Стоит быстренько, хотя бы с помощью примитивного компьютера, вычислить, под каким созвездием ты собираешься на дискотеку, и уже понятно, во что следует облачить свою прекрасную спортивную фигуру.

А вот как быть с Луной? Поворачивается она к нам то лицом, то боком, то еле заметным профилем и всякий раз будто молвит: эх, вы, человеки-человечки, вы даже и не подозреваете, какие я с вами шутки-шуточки продельваю... Вообще загадочно небесное светило: смотрит свысока на Землю — год за годом, столетие за столетием...

Между прочим, бабушки наши да дедушки, в отличие от нас, всезнающих, жили еще и по лунному календарю — теперь такой разве что где-нибудь в спецхране, рядом с царскими грамотами, только и можно отыскать. Нам повезло — лунный календарь редакция получила в качестве обыкновенного сувенира лишь за то, что представитель «Паруса» удостоил своим посещением всемирно известный и знаменитый (в самом деле!) Копенгагенский планетарий. На радостях дирекция всучила ему кучу всевозможных рекламных проспектов, среди которых впоследствии обнаружился и лунный календарь. Всякий раз, всматриваясь в его загадочные кружочки и полукружья, автор пытался их расшифровать, используя, естественно, народный фольклор, произведения классиков, данные социологических исследований, статьи и речи выдающихся деятелей перестройки...

Впрочем, с шутками пора кончать, ибо все слишком серьезно: Луна действительно влияет на нашу с вами жизнь, на наши дела и поступки, удачи и неудачи. Дедушки и бабушки все это прекрасно знали, многие из них еще и поныне ставят «по Луне» капусту, пекут хлеба, сеют пшеницу, прививают черенки...

Но взглянем на календарь. В течение каждого месяца, как видим, Луна проходит все свои

фазы: от полнолуния до затмения. Что все это значит, как сказывается на наших делах и самочувствии? Прислушаемся к знакам, заодно пропутешествуем вместе с Луной по ночному сентябрю — месяц все-таки не рядовой для большинства наших читателей.

1-3 сентября, судя по календарю, Луна еще напоминает овал, однако он почти круглый — стадия накануне полнолуния, по знакам Зодиака соответствует созвездию Скорпиона. Эти дни считаются неблагоприятными для любви и интимных встреч. Не рекомендуется острая пища, следует поберечь желудок. Зато если собираетесь удалять аденоиды, миндалины или лечить насморки, ангины, бронхиты — лучшего времени просто нет.

4-6 сентября — полнолуние, созвездие Стрельца. Говорят, Луна в это время забирает всю нашу энергию, поэтому стоит воздержаться от напряженного умственного труда, возможны неудачи в делах. Воздержитесь также от любых лечебных операций, перенесите ответственные встречи и мероприятия. Нельзя сдавать кровь.

6-7 сентября Луна выходит из полнолуния. Эта фаза приходится на созвездие Козерога. Опасные дни для костей и суставов. Можно легко на ровной дороге подвернуть ногу, сломать руку, вывихнуть стопу. Будьте осторожны!

Следующая фаза — 8-10 сентября. Наша «спутница» в Водолее. По-прежнему опасны переломы, но наиболее уязвимы глаза. Руки и тело жаждут активной физической работы, сердце готово к нагрузкам. Потрудитесь хорошенько на даче, помо-

гите родителям — тем более, что это выходные дни — все только на пользу.

10-12 сентября на ночном небосводе постепенно отквантится половина лунного круга. Будто разрезанная пополам долька круглого сыра. Созвездие Рыбы. Не злоупотребляйте жидкостями и, само собой, — алкоголем. Ваши почки особенно уязвимы в эти дни. Полезно голодание — начинайте!

12-14 сентября Луна в Овне. Лунная половина все больше выгибается вовнутрь. Берегите голову! Нельзя лечить зубы, уши. Не переутомляйте глаза и ум. Отдохните от книг и гололомок, общайтесь с друзьями, больше гуляйте на воздухе.

14-16 сентября Луну ожидает созвездие Тельца. Если будет чистое небо, увидим самую яркую звезду этого созвездия — Альдебаран, а рядом с ней два рассеянных звездных облака. Бойтесь за горло, будьте осмотрительны в еде.

16-18 — Луна перед затмением. По зодиакальному «счету» — в созвездии Близнецов. Осенью, зимой и ранней весной с территории нашей страны хорошо видны две близко расположенные яркие звезды Близнецов — Кастор и Поллукс. Берегите бронхи и легкие, опасайтесь грязного воздуха. Будет неплохо, если сделаете перерыв в сидячей работе и поедете за город. Отложите занятия дыхательной гимнастикой.

18-20 сентября — дни лунного затмения. Ночью не видно ни зги. Луна в Раке. Обычно в это время удается решить самые трудные задачи, хорошо пишутся стихи, сохраняется высокая умственная работоспособность. Нежелательно лечение желудка,

зато можно смело идти к стоматологу — зубная боль будет намного меньше.

20-22 на небосводе вновь появится лунный серп, вогнутый в противоположную сторону. Созвездие Льва. Хорошо работает голова, но стоит поберечь сердце: нагрузки на него в эти дни могут закончиться самыми различными нарушениями. Как правило, эффективно лечение глаз и сосудов.

23-26 сентября — фаза, когда Луна в Деве. Удаются косметические процедуры. Многих девушек ожидает признание в любви или интересная встреча. Но нужно следить за диетой, нежелательны хирургические операции.

26-30 сентября Луна путешествует в созвездии Весов. Вновь опасность для почек — воздержитесь от острого и соленого. Особенно должны поостеречься страдающие сахарным диабетом, приступами поджелудочной железы. Очень благоприятное время для борьбы с лишним весом — можно начать или продолжить голодание, попробовать бегать или применять другие физические нагрузки.

Вот и закончился сентябрь. Таким же образом по фазам Луны можно «разложить» другие месяцы, определить подходящие для себя дни. Будет ли все так, как разъясняют знатоки? Понаблюдаем — увидим! А пока мы публикуем лунный календарь — темных ночей в нем, как видите, гораздо меньше, чем светлых. И то приятно, не правда ли?

Вениамин ДРАКОНОВ,
звездочет
и предсказатель

Парус

ЗВОНИТЕ:

20-31-27 — отдел трудового воспитания и профориентации; отдел писем

20-27-08 — отдел комсомольской жизни, идейно-политического и нравственного воспитания

20-22-56 — отдел литературы и эстетического воспитания

20-41-30 — секретариат

ПИШИТЕ:

220600, г. Минск, ГСП, ул. Коруля, 12

Главный редактор Василий ДРАГОВЕЦ

Редакционная коллегия:

Геннадий БОЧАРОВ, Алесь ГАВРОН (ответственный секретарь), Эдуард ДНЕПРОВ, Алексей ДУДАРЕВ, Виктор КОВАЛЕВ, Игорь КОН, Владимир КУДЛАШ, Нина КУРЗАНОВА, Олег МАНАЕВ, Валерий ПЛЮСКОВ (зам. главного редактора), Александр ХАНДОГИН, Владимир ХАЧИРАШВИЛИ, Светлана ШИДЛОВСКАЯ, Ефим ШУР

Художественный редактор Валерий РУЛЬКОВ

Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА

Корректор Любовь БАИЧ

Издательство «Полымя» Государственного комитета БССР по печати. Сдано в набор 13.04.90. Подписано к печати 13.06.90. АТ 00112. Формат 70×108. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 15. Уч.-изд. л. 8,9. Заказ 701. Бумага книжно-журнальная. Тираж 1 000 000 [1 завод — 400 000 экз]. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии.

Адрес: 220041, г. Минск, Ленинский проспект, 79.

Присланный в редакцию текстовый и графический материал не возвращается.

Рукописи более 4 авторских листов (96 машинописных страниц) не рецензируются и не рассматриваются.

1990 MÅNEKALENDER 1990

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON
TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO
TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO
SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI
TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO
FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO
SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI
ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR
LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA	TI	ON	TO	FR	LO	SO	MA

JANUAR

FEBRUAR

MARTS

APRIL

MAJ

JUNI

JULI

AUGUST

SEPTEMBER

OKTOBER

NOVEMBER

DECEMBER

